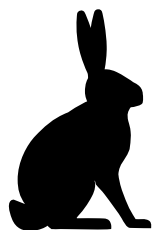

Елена Кондратьева

Миллиардер

Книга первая
ЛЕДОВАЯ ЛОВУШКА

Автор идеи
Константин Рыков

ЭТНОГЕНЕЗ

Издательско-торговый дом
«Этногенез»
Москва, 2010

ПОПУЛЯРНАЯ
ЛИТЕРАТУРА

Издательство
«Популярная литература»
Москва, 2010

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
К64

Книга издана при поддержке Newmedia Stars

Кондратьева, Е.

К64 Миллиардер. Книга первая. Ледовая ловушка. – М.: Издательско-торговый дом «Этногенез», 2010. – 272 с.

Действие книги начинается в Сингапуре в 2008 году. Неизвестные пытаются похитить жену и дочь миллиардера Андрея Гумилева. Похищение сорвано благодаря загадочному индусу с разноцветными глазами. Но проходит немного времени, и молодая жена миллиардера бесследно исчезает в глухой сибирской тайге. Вокруг Гумилева плетется паутина интриг, обмана и предательства. Андрея вместе с четырехлетней дочкой Марусей и ее няней красавицей Марго заманивают в ледовую ловушку Арктической экспедиции. Там, на борту ледокола «Россия», спецслужбы ведут опасную игру, исход которой зависит от того, на чьей стороне окажется Андрей Гумилев.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
К64

ISBN 978-5-904454-12-8

© Рыков К., 2010
© Кондратьева Е., 2010
© Издательско-торговый дом «Этногенез», 2010

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Три счастливые восьмерки

С высоты ста шестидесяти пяти метров весь Сингапур был словно на ладони: сверкающие кристаллы небоскребов, пышная зелень парков, переплетенные стальные паутины хайвеев, ультрамариновое зеркало залива с белоснежными парусами яхт. На юге, в легкой жемчужной дымке, угадывались очертания изумрудных островов.

Самое высокое в Азии колесо обозрения – «Сингапур Флаер» – совершало полный оборот за полчаса. Прозрачные кабинки, похожие на небольшие автобусы, слегка раскачиваясь, замирали в высшей точке подъема, давая туристам возможность воспользоваться «кодаками» и «никонами». Назойливые щелчки фотокамер всегда раздражали Гумилева, и, чтобы не портить себе удовольствие от аттракциона, он выкупил кабинку целиком, выложив за нее девятьсот сингапурских долларов. Кассир с трудом скрыл свое изумление, но вежливо отсчитал двадцать восемь билетов. Зато теперь семье Гумилевых никто не мешал – они были вдвоем. Андрей, Ева и маленькая Маруся.

– Как здорово, – прошептала на ухо Андрею Ева. – Мы как будто парим в небе! Стены такие прозрачные, словно их и нет...

Зря она это сказала.

Андрей уже давно с беспокойством поглядывал в противоположный конец кабинки, где Маруся, прильнув к стеклу, то ли проверяла его на прочность, то ли ловила маленькими ручками облака. Он знал, что армированное стекло невозможно разбить даже кувалдой, но знание было бессильно перед беспричинным, поднимавшимся откуда-то из глубины души страхом.

Показалось ему, или пушистые светлые волосы дочки действительно взъерошил налетевший с залива ветерок? Но какой ветерок может быть в закрытой со всех сторон кабине? Или Ева права, и стены и в самом деле исчезли?

Стекла не было!

Еще мгновение назад его можно было не столько увидеть – угадать – по отраженным солнечным бликам, игравшим на полу кабинки. Теперь лучи жгучего сингапурского солнца били прямо в глаза Андрею. Ноздри его щекотал соленый запах морского бриза. Там, где только что возвышалась надежная прозрачная преграда, не было ничего, кроме неба и ста шестидесяти пяти метров пустоты.

И на краю этой пустоты, ни о чем не подозревая, играла его дочь.

– Маруся! – хотел крикнуть Андрей. – Стой! Не шевелись!..

Сдержался. Подавил рвущийся на волю крик, поняв, что только напугает Марусю. Надо было оторваться от обнимающей его Евы, сделать несколько шагов по направлению к открывшейся бездне, схватить дочку за руку и оттащить от края. Но он не мог этого сделать, боясь нарушить хрупкое равновесие кабинки. Андрей привык гордиться своим телом, отлично тренированным телом человека, тщательно следящего за своей физической формой – но сейчас эти сто четыре килограмма мускулов, костей, сухожилий превратились в обузу, не позволявшую ему сдвинуться с места. Стоит ему сделать шаг в сторону Маруси – и пол тут же едва заметно накренится под его тяжестью, сбрасывая девочку в пропасть. Андрей почувствовал, что задыхается, горло словно перехватило железным обручем. Он явственно увидел, как Маруся, раскинув ручки, падает в распахнутую перед ней пустоту, как растворяется в нестерпимой голубизне неба ее нарядное синее платьице, которое они вчера купили ей на Очард-роуд – улице Орхидей. Услышал тонкий крик дочки – не испуганный, а удивленный...

На этот раз железный обруч сдавил сердце. На лбу Андрея выступили капли пота. Почему он не может даже пошевелиться? Что за сила сковала его мышцы? Почему все происходящее так напоминает страшный сон, в котором ты никак не можешь убежать от готового сожрать тебя чудовища?

Он сжал кулак с такой силой, что хрустнули пальцы.

– Ты что, Андрей? – голос Евы доносился откуда-то издалека. – Тебе нехорошо?

Обруч, сковывавший сердце, лопнул, разлетевшись на множество острых осколков. В груди сразу же заколотился маленький отбойный молоток.

Андрей с силой втянул в себя воздух. Помрачение, владевшее им секунду назад, развеялось – теперь он видел, что стекло, к которому прижала свой любопытный носик Маруся, никуда не делось. И ветерок, распушивший ее золотые волосы, гуляет по кабинке как ни в чем не бывало – вон же маленькие окошечки под самой крышей.

Но картина падающей с огромной высоты дочери была так реальна...

«Стоп, – сказал себе Гумилев. – Это паническая атака. Всего лишь выброс адреналина. Надпочечники шалят. Успокойся, сейчас все пройдет».

Он действительно почти привык к паническим атакам – неизбежной плате за многолетний стресс, сопровождавший его восхождение к вершинам бизнеса. За превращение в могущественного и очень-очень богатого человека. Андрей знал, что он не одинок: многие из успешных предпринимателей, особенно те, кто сделал свое состояние с нуля, как и он сам, расплачивались за успех своим здоровьем. У кого-то язва, у кого-то экзема или неконтролируемые приступы гнева. Конечно, большие деньги, как правило, позволяли решать эти проблемы, но в некоторых случаях оказывались бессильны даже цифры с многими нулями.

В его случае, например.

Панические атаки начались у него лет десять назад, когда он еще только готовился к штурму заоблачных вершин. Только-только сколотил свои первые пятьдесят миллионов – тогда это казалось ему невероятной суммой. Но грянул дефолт 1998 года – и пятьдесят миллионов за один день превратились в пять.

Тогда-то и накрыла Андрея Гумилева первая паническая атака.

Он хорошо помнил ее – как помнят парашютисты свой первый прыжок. Андрей ехал к Александру Смоленскому, хозяину «СБС-Агро», в банке которого держал значительную часть своих денег. До этого он два часа пытался связаться со Смоленским по мобиль-

нику, но трубку постоянно брала секретарша, отвечавшая, что Александр Павлович занят. Потом она вообще перестала отвечать на его звонки, и Гумилев поехал решать вопрос лично.

На Краснопресненской набережной он вдруг четко понял, что денег своих он больше не увидит.

Мир закачался и поплыл куда-то в сторону, сердце забилося бешеной, царапающей грудную клетку белкой. Андрей, как рыба, открывал рот, чувствуя, что не может сделать ни одного глотка воздуха. Он мгновенно вспотел, хотя в машине работал кондиционер. Последним усилием он вывернулся из своего ряда, прижался к бордюру и вывалился из машины. Добежал до парапета набережной, вцепился в него, ломая ногти. Потом его стошнило, и паническая атака отступила.

В тот раз она была не самой сильной, просто – первой.

С тех пор прошло много времени. Бизнесмен Андрей Гумилев превратился в миллиардера Андрея Гумилева, одного из самых богатых людей России. Во многом потому, что, наученный горьким опытом дефолта, не вкладывал больше деньги в кредитные пирамиды, а инвестировал в реальную экономику. В российскую – но не в замордованный отечественный автопром и не в производство алюминия, а в высокие технологии. Первый созданный им исследовательский центр, для которого Андрей собирал головастых ребят со всей страны, оправдал его ожидания: были сделаны сотни изобретений, одни патенты на которые окупили все расходы. Гумилев быстро понял, что воплощать разработанные его центром технологии в жизнь в России будет гораздо сложнее и дороже, чем на Западе, однако это его не остановило. Он активно играл на внешних рынках, вкладывал деньги в «новую экономику» США, росшую как на дрожжах. Но в конце зимы 2000 года быстро перепрофилировал свои активы, выкупив контрольные пакеты акций именно тех фирм, которые каким-то чудом пережили крах «новой экономики» и падение индекса NASDAQ. Когда его спрашивали, каким образом он вычислил, чьи акции нужно покупать, Гумилев только улыбался и легонько притрагивался пальцем ко лбу. Некоторые расшифровывали этот жест как нескромный намек на его выдающиеся умственные способности, но сам Андрей имел в виду интуицию.

Интуиция всегда была самой сильной его стороной.

После того как лопнул пузырь переоцененных «новых технологий», инвесторы принялись вкладывать деньги в недвижимость. Аналитики Гумилева приносили ему тщательно разработанные схемы, доказывавшие, что инвестировать в недвижимость чрезвычайно выгодно. Так делали все. Гумилев улыбался, откладывал схемы в сторону и продолжал заниматься венчурным бизнесом.

Когда на перегретом американском рынке недвижимости появились первые признаки надвигающегося кризиса, Гумилев распознал их раньше многих. Распознал и принял меры, в точности следуя древней китайской поговорке: мудрый человек строит не стену от ветра, а ветряную мельницу.

Сейчас, в августе 2008-го, он был почти спокоен – что бы ни случилось с мировой экономикой, созданная им глубоко эшелонированная система защиты инвестиций обеспечит ему безопасную гавань на время бушующего урагана. Упав завтра на Землю астероид, разбросанные по миру компании Гумилева смогут наладить производство самых необходимых выжившему человечеству технологий. Андрей понимал, что кризис в любом случае ударит и по его империи, но считал, что, как настоящий боец айкидо, способен обратить энергию этого удара в свою пользу.

И все же огромное интеллектуальное и нервное напряжение, которое Гумилев испытывал каждый день, строя и обороняя свою империю, не могло не сказываться на его здоровье. Панические атаки обрушивались на него все чаще и чаще, а доктора только разводили руками: «Андрей Львович, у вас все в норме!»

Ничего себе норма, думал он, приходя в себя после очередной атаки. Андрей был сильным человеком и умел обуздывать накачивавшие приступы паники, не позволяя ей взять верх над своим разумом. Но он многое бы отдал за возможность прекращать такие приступы простой инъекцией какого-нибудь безвредного препарата. Именно поэтому одна из принадлежащих ему фармацевтических лабораторий вела разработку средства, получившего кодовое название «стоп-адреналин». Впрочем, работы были еще далеки от завершения...

– Нет-нет, ничего, милая, – Андрей старался, чтобы голос его звучал не так сдавленно и глухо, как всегда бывало на излете панической атаки. – Я уже в норме. Просто... мне показалось...

– Страх высоты? – понимающе улыбнулась Ева. – Помнишь, со мной тоже такое было – в Чикаго, на стеклянном балконе The Sears Tower? Это же был сто третий этаж, четыреста метров над землей! У меня еще голова закружилась!

«Но тогда с нами не было Маруси», – подумал Андрей. Вслух он сказал:

– Конечно, помню, ты еще вцепилась в меня, как кошка, и царапала своими коготками...

Ева слегка сжала пальцами его запястье – видимо, чтобы показать, что коготки никуда не делись.

– Но Чикаго тебя, кажется, не впечатлил. А здесь тебе нравится?

Ева пожала плечами.

– Да, здесь красиво... только скучновато.

– Ничего себе, – присвистнул Андрей. – Мы здесь всего три дня, а тебе уже скучно?

На этот раз Ева промолчала, но ее молчание было красноречивее любого ответа.

– Мама, папа, там птицы! – Маруся, наконец, покинула свой наблюдательный пункт и прибежала к родителям. – Такие большие! Белые!

Девочка крепко ухватила Андрея за палец, чуть присела, словно проверяя, не оторвется ли палец, если она на нем повиснет, и проделала ту же манипуляцию с рукой Евы. Теперь она соединяла родителей, как живой замочек.

– Это, наверное, альбатросы, – Андрей подхватил Марусю под мышки и усадил себе на шею. – Так тебе лучше видно, малыш?

– Да! Да! – радостно закричала Маруся. – Там море! И кораблики!

– А видишь там, за морем, зеленые острова? – Андрей подмигнул Еве. – Самый большой остров называется Суматра, там живут смешные белые носороги. Завтра мы пойдем в зоопарк и посмотрим на детеныша такого носорога.

– Хочу сегодня! – решительно заявила Маруся.

– Сегодня уже не успеем. Зоопарк очень большой, чтобы его обойти, понадобится целый день. Мы можем просто не найти белого носорожка. А вот если мы отправимся туда завтра, с самого утра, то наверняка его отыщем.

Как всегда, его подробное объяснение произвело впечатление на Марусю, которая не стала настаивать на своем, а ограничилась тем, что потянула отца за ухо.

– А дальше, за Суматрой, – продолжал свой рассказ Гумилев, – лежит остров Лангкави. Там огромные белоснежные пляжи, высокие пальмы, на которых растут кокосовые орехи, и самое чистое в этой части света море.

– А носорожки там есть? – видимо, этот вопрос волновал Марусю больше всего.

– Конечно, – ответил Андрей, подумав, что если диких зверей на Лангкави и нет, то специально для дочери можно будет выписать парочку с Суматры. – И вот там, на берегу океана, стоит прекрасный дом...

– Андрюш, – перебила его Ева, ткнувшись подбородком в плечо. – А давай вернемся в Москву?

Гумилев повернул голову – насколько позволяли крепко обхватившие его шею ножки Маруси – и недоуменно посмотрел на жену.

– Конечно, вернемся. Отметим день рождения Маруси – и вернемся.

– Да что нам делать столько времени в Сингапуре? – в голосе Евы прозвучала досада. – Устроим праздник в Москве, позовем Марусиных подружек...

«Ева, Ева, – подумал Андрей, мысленно усмехнувшись. – Непостоянная, как всегда!»

– Между прочим, идея отметить день рождения Маруси в Сингапуре принадлежала тебе.

– Я помню, – тон Евы ему не понравился. – Но я готова признать, что это была плохая идея.

– А по-моему, отличная. Здесь столько интересного! А ведь мы еще не съездили на Сентозу, не сводили Марусю в океанариум...

– И в зоопарк! – немедленно поддержала Андрея Маруся.

Кабина медленно снижалась. Маруся завопилась на плечах у Андрея, требуя, чтобы ее поставили на пол.

– Устами младенца глаголет истина, – улыбнулся Гумилев. – К тому же, милая, именно благодаря тебе я наконец-то вырвался из Москвы, которая, признаться, порядком мне поднадоела. Только глотнул воздуха свободы – а ты говоришь, возвращаться!

Ощущения, которые он испытывал, действительно были необычными. Ева настояла, чтобы в эту поездку он отправился не как президент огромной компании, а как частное лицо. Даже личную охрану, которая всегда сопровождала Гумилева и членов его семьи, Андрей оставил в России – к огромному неудовольствию шефа службы безопасности компании Олега Санича. «Сингапур – самое безопасное место во всей Азии, – уверяла его Ева. – И, между прочим, третье по уровню безопасности в мире – после Швейцарии и Новой Зеландии. Твои охранники только будут мешать нам отдыхать так, как это делают все нормальные семьи».

В результате первые два дня, проведенные в Сингапуре, Андрей чувствовал себя голым – он давно уже отвык ходить по людным улицам без телохранителей. Ничего не поделаешь, особенности национального бизнеса. Но город-остров и вправду оказался на редкость спокойным и даже беззаботным местом. Полиции на улицах видно не было, однако стоило зазевавшемуся туристу бросить окурок на тротуар, как рядом немедленно вырастал страж порядка в белом шлеме и выписывал несчастному штраф в размере двухсот сингапурских долларов. Местные жители были приветливы и дружелюбны, к иностранцам относились вполне доброжелательно, и Гумилев решил для себя, что правильно сделал, уступив жене. Последние годы он часто чувствовал себя Атлантом, взвалившим на плечи весь тяжеленный небесный свод. Если не сбрасывать время от времени этот неподъемный груз, можно очень быстро превратиться в законченного невротика. Да и почему, собственно, превратиться? Все симптомы сильного невроза налицо: панические атаки, бессонница, беспричинный страх за жену и дочку... Конечно, он, Андрей Гумилев, которого недруги за глаза называют Терминатором, ни за что не подаст виду, что с

ним что-то не так. Заметить, что с ним творится неладное, может лишь Ева, да и то не всегда. Сегодня вот заметила, но приписала это боязни высоты. Которой, кстати, ее муж никогда не страдал.

Кабинка мягко притормозила у самой земли. Улыбающийся китаец в синей униформе протянул им три черно-серебристых прямоугольника.

– Что это? – Ева вертела в руках картонку с цифрами 08.08.08.

– Сегодня восьмое августа 2008 года, а восьмерки в китайской нумерологии означают счастье и процветание.

– Ага, и в русской нумерологии тоже – сегодня в России будут тысячи свадеб, – Ева протянула все картонки Марусе. Та старательно уложила их в свою маленькую сумочку и радостно побежала гонять сингапурских голубей. Андрей проводил ее взглядом – площадка была огорожена, далеко убежать девочка не могла.

– И все же, – сказал он, чувствуя, что повисшее между ними напряжение требует продолжения разговора, – почему ты вдруг засобиралась в Москву? Что-то произошло?

– Да нет, – Ева закусилла нижнюю губу, – в общем-то, ничего... просто я чувствую себя бездельницей. Приближается решающая фаза эксперимента, а я торчу где-то в Азии, за тысячи километров от...

Она замаялась, видимо, не зная, как закончить фразу. Андрей пришел ей на помощь.

– От своих морлоков? От этих ошибок эволюции? Ты что, собралась променять общество любимого мужа и обожаемой дочки на каких-то вонючих волосатых полуобезьян?

Гумилев старался, чтобы его слова прозвучали шуткой, но безразличность, которую он испытывал по отношению к «подопытным кроликам» своей жены, скрыть было трудно.

Ева, конечно, почувствовала это и мгновенно завелась.

– Андрей, я же много раз объясняла тебе! Они не обезьяны! Это уникальный пример обратной эволюции...

Гумилев вздохнул.

– Послушай, милая, не надо делать из меня идиота. Эволюция – хоть прямая, хоть обратная – требует миллионов лет. Ну, хорошо, допустим, не миллионов, а сотен тысяч. Ладно, уговорила – про-

сто тысяч. Но твои морлоки появились в тайге совсем недавно. О какой эволюции может идти речь? Просто деградация в условиях изолированной микрогруппы...

– Какие слова мы знаем! – теперь Еву уже было не остановить. – А ты можешь себе представить, что науке известны десятки подобных изолированных мини-социумов и ни одного, в котором происходят такие процессы, как в обществе морлоков? Это рай для антропологов! Правда, антропологам не дают Нобелевскую премию...

– А жаль, – Гумилев безуспешно пытался вернуть разговор в шутовское русло. – Лишний миллион нам бы совсем не помешал...

Его жена была фанатиком науки. К сожалению. А может быть, к счастью. Андрей Гумилев, женатый на Еве уже семь лет, до сих пор не мог разобраться, как относиться к ее увлечению или, правильнее сказать, страсти.

Жены и подруги других «членов клуба» – немногочисленного и замкнутого сообщества российских миллиардеров – были совсем другими. Подруги в основном были модельными красотками, чьи достоинства исчерпывались длиной ног, миловидностью лица и актерским мастерством в постели. Жены в большинстве своем напоминали Андрею объекты долгосрочных инвестиций – в пластическую хирургию, образование, имидж, раскрутку в качестве писательниц, художниц или дизайнеров. В отличие от подруг, жены были, как правило, неглупыми и порой даже способными на искренние чувства. У одного олигарха, покинувшего Россию в начале двухтысячных, жена и вовсе была чудесной интеллигентной девочкой, закончившей консерваторию по классу виолончели. Но таких, как Ева, Андрей не встречал «в клубе» никогда.

Ева была влюблена в свою науку. Дисциплина, которой она занималась, находилась на стыке биологии и антропологии, официального названия у нее еще не было. Поэтому кандидатскую диссертацию Ева защитила как биолог, а статьи ее печатались в основном в антропологических журналах.

Красивая и умеющая стильно одеваться, Ева была, однако, совершенно безразлична к шопингу. Любая другая на ее месте стремилась бы повторить подвиг Даши Жуковой, потратившей в одном бутике сто пятьдесят тысяч евро, за что ее бойфренд якобы блоки-

ровал ей кредитку (история эта, как, смеясь, рассказал Гумилеву сам бойфренд, была выдумана журналистом, которому сто пятьдесят тысяч евро, очевидно, представлялись немыслимой суммой). Ева никогда не просила у мужа денег на наряды и украшения – только на финансирование ее научных исследований и экспедиций. И Андрей, сделавший себе имя и состояние на новых технологиях и уважавший людей науки, никогда ей в этом не отказывал.

Но, подписывая любые сметы, он был против того, чтобы его жена сама отправлялась в далекие экспедиции. Во-первых, потому, что не хотел отпускать от себя любимого человека, чье присутствие было необходимо ему, как воздух. Во-вторых, потому, что свято верил: идти напролом, совершать открытия и подвергать себя риску – дело мужчин. Место женщины в доме, и это вовсе не должны быть пресловутые киндер, кухня, кирхе. Тем более если под рукой всегда многочисленный штат из поваров, горничных и нянь. Хочешь заниматься наукой – пожалуйста! Он, Андрей, готов обеспечить любимой жене все условия. Но зачем куда-то уезжать?

А Еве, как назло, не сиделось на месте.

Последний раз она уезжала в тайгу весной и провела там целый месяц. Андрей тяжело переживал отсутствие жены, к тому же Маруся, очень любившая Еву, постоянно донимала его вопросами о том, когда же вернется мамочка. Ева вернулась в Москву в начале июня, радостная, переполненная эмоциями и впечатлениями, но, как показалось Андрею, немного отстраненная. Он не хотел думать – «чужая», но ощущение невидимой преграды, возникшей между ним и Евой, порой было очень сильным.

Ева как будто была и с ним, и не с ним. Где-то очень далеко, может быть, в тайге, а может, в таинственных, одной лишь ей ведомых мирах.

Иногда эта невидимая стена исчезала, и Ева становилась прежней – нежной и чувственной. Порой в такие моменты она даже как будто пыталась загладить свою вину: льнула к Андрею, смотрела на него влюбленными глазами шестнадцатилетней девчонки, ловила каждое его слово... В те редкие минуты, когда они были вдвоем, Андрей чувствовал, что Ева словно растворяется в нем. Когда она его целовала, весь ее мир состоял только из этого поцелуя. Не

существовало ни проблем, ни других дел, ни других людей. Весь мир принадлежал им двоим, а они принадлежали друг другу.

И к Марусе Ева стала относиться как-то иначе – она постоянно тискала ее, обнимала, зацеловывала, наряжала и развлекала, оставляя няню практически без работы. Прежде Ева была против «телячьих нежностей» и не раз повторяла мужу, что он чересчур балует любимую дочку. При этом сам Андрей не раз замечал, что Еве некомфортно в маске «строгой воспитательницы». Вернувшись из тайги, Ева решительно выбросила эту маску: она постоянно возилась с Марусей, заплетала ей косички, играла в веселые игры, которые сама же придумывала на радость малышке, заваливала ее подарками, распевала с ней песенки, не стесняясь няни и горничных. Всему этому можно было бы только радоваться, если бы не легкая тень грусти, набегавшая порой на лицо Евы в разгар возни с дочкой. Как-то Андрей поднялся в кабинет Евы и увидел жену сидящей в кресле напротив огромного панорамного окна, из которого открывался чудесный вид на окруженное лесом озеро. Маруся, удобно устроившись на коленях у матери, увлеченно нажимала кнопки какой-то видеоигры. Ева гладила ее по голове своей тонкой изящной ладонью, и то, как она это делала, почему-то встревожило Андрея. В движении пальцев, перебиравших золотистые локоны Маруси, было что-то невыразимо печальное. Андрей замер в дверях, боясь пошевелиться. Ему показалось, что он присутствует при какой-то очень важной сцене, не предназначенной, однако, для его глаз. Он сделал шаг назад, и пластинка португальского дуба, которым был выложен пол в кабинете, скрипнула под его весом. Вращающееся кресло медленно повернулось к нему. Ева улыбалась, но в уголках ее глаз что-то подозрительно поблескивало. Андрей сделал вид, что ничего не заметил.

Интуиция, которой он всегда доверял, подсказывала ему, что с его женой творится что-то неладное. Первая мысль, пришедшая ему на ум, касалась здоровья: может быть, Ева узнала, что больна, и просто боится сказать ему об этом? Глупость, конечно, но Ева была слишком непредсказуема.

Гумилев немедленно принял меры. Под каким-то довольно надуманным предлогом старый семейный врач, наблюдавший Еву

и Марусю уже три года, осмотрел жену Андрея и сделал все необходимые анализы. Их результаты не давали никаких оснований для беспокойства, но Андрей уговорил врача напустить туману и убедить Еву в необходимости дополнительного обследования. Обследование это только подтвердило первоначальный диагноз: Ева была просто неправдоподобно здорова. Версия о таинственной болезни, таким образом, рухнула, чему Андрей, разумеется, был только рад.

В конце концов он убедил себя, что ларчик открывается просто – Ева устала быть примерной женой и матерью. Экспедиции и занятия наукой оказались для нее интереснее, чем семейная жизнь. Но, будучи ответственным человеком, она не могла так просто махнуть рукой на семью и с головой погрузиться в свои исследования. Видимо, где-то в душе у нее происходила борьба: она и хотела полностью посвятить себя науке, и чувствовала вину за то, что надолго оставляет мужа и дочку. От этого, верно, и слезы, и необычная нежность по отношению к Марусе, решил Андрей.

Он надеялся, что этот внутренний конфликт удержит Еву в Москве хотя бы до следующей весны. Да что там – он был почти уверен в этом! И вдруг – такая неожиданность. Оказывается, Ева не может получать удовольствие от семейной поездки в Сингапур, потому что все время думает о своих морлоках...

– Ты же недавно там была, – Гумилев тщетно пытался скрыть раздражение. – Ну что там такого в этих дикарях, что заставляет тебя постоянно уезжать от семьи? Марусе, между прочим, три года, в этом возрасте дети меняются очень быстро! Неужели наблюдать за ее взрослением менее интересно, чем за этими волосатыми?

– Андрюш! – Ева смотрела на него почти умоляюще, и сердце Гумилева, как всегда в таких случаях, дрогнуло. – Ты не представляешь, какая интересная информация поступает оттуда! И как мне хочется увидеть все это своими глазами! Как они охотятся, как совершают обряды, как вызывают дождь... В прошлый раз там стояло только две камеры, материала почти не было. А теперь благодаря твоей поддержке камеры расставлены по всему периметру!

– Ну вот, – вздохнул Андрей, которому совсем не хотелось идти на конфликт, – я же, выходит, и виноват в том, что ты опять хочешь туда улизнуть... Но почему именно сейчас?

– Скоро полнолуние, а для морлоков Луна – что-то вроде богини. Каждое новолуние и полнолуние они устраивают праздник, только в полнолуние одурманивают себя дымом горящих трав так, что не видят и не замечают ничего вокруг. Только в это время мы можем попасть к ним на территорию так, чтобы морлоки не обратили на нас внимания. Иначе придется ждать следующего полнолуния, а в сентябре уже зарядят дожди. Андрюш, я ненадолго туда! Зато потом до следующего лета буду с вами и никуда-никуда не поеду!

– И когда это твое полнолуние?

– Семнадцатого августа, через девять дней. Мы отметим день рождения Маруси, я соберусь и уеду. А спустя один лунный месяц буду в Москве!

Андрей чувствовал, что спорить с женой бесполезно: она уже все для себя решила, и единственное, чего можно добиться, – это большой ссоры, которая не нужна ни ему, ни ей, ни тем более Марусе. Но пятнадцать лет занятий бизнесом приучили его к мысли, что односторонняя уступка – это капитуляция.

– Хорошо, – проговорил он медленно. – Если для тебя это так важно, поезжай. Но я хочу договориться с тобой на будущее: впредь все твои экспедиции должны планироваться по крайней мере за полгода до того, как ты решишь снова нас покинуть. Иначе у нас никогда не будет нормальной семьи.

Слова прозвучали жестко, но рано или поздно произнести их было нужно. Андрей хотел добавить, что не случайно завел разговор на колесе обозрения про зеленый остров Лангкави, но не успел. Ева неожиданно встала на цыпочки и нежно поцеловала его в губы.

– Спасибо, Андрюш! Ты – самый лучший мужчина на свете! Обещаю тебе, что больше никогда не сорвусь в экспедицию так внезапно!..

Глаза ее лучились солнечным светом, и Гумилев почувствовал неожиданно сильную щемящую нежность к своей жене – девочке, старательно прикидывающейся взрослой...

– Но день рождения Маруси отмечаем здесь! – улыбнулся он.
– Нехорошо лишать малышку всех чудес Сингапура! Если ты боишься не успеть собраться, я выделю тебе команду помощников.

– Вот ты какой! – Ева шутливо погрозила ему пальцем. – Настоящая акула бизнеса – в любом споре оставит последнее слово за собой.

Она схватила его за руку и потащила за собой к бегавшей кругами и размахивавшей сумочкой Марусе.

– Побежали! Кто быстрее! Кто всех обгонит – тому приз!

Настроение у Евы явно улучшилось.

Забег, впрочем, получился коротким – солнце, стоявшее высоко в небе, палило нещадно, и пот заливал глаза. Город плавился от жары, людей на улицах было совсем немного. Пройдя пять минут по такому пеклу, Гумилевы решили спрятаться в открытом кафе рядом с небольшим фонтаном. Из пяти столиков под белым тентом с логотипом «Пепси-колы» был занят только один. За ним пыталась перекусить семья корейских туристов. Пыталась – потому что, вместо того чтобы пить чай, взрослые отлавливали трех непоседливых детей. Дети, одетые в нарядные национальные костюмчики, с визгом бегали по площадке перед кафе, время от времени оказываясь в опасной близости от фонтана. Стоило родителям усадить за стол одного ребенка, как другой тут же срывался с места, а за ним немедленно кидался третий. Распугав всех голубей, двое мальчишек высмотрели в кустах черно-белую кошку и начали ее окружать. Малыши так забавно выслеживали зверька, что взрослые – их родители и Андрей с Евой – замерли в ожидании, гадая, удастся ли кошке избежать плена.

Всплеск воды и громкий детский крик заставил подскочить не только кошку. В фонтане барахталась младшая дочка корейцев – малышка в желтом платье с пятью смешными косичками. Воспользовавшись тем, что внимание взрослых переключилось на ее братьев, девочка взобралась на скользкий край фонтана, не удержалась и полетела в воду. Корейцы бросились вылавливать свою непоседу, а кошка, улучив удобный момент, скрылась в зарослях.

Андрей с удовольствием наблюдал за этой сценой, когда еще один крик хлестнул его по нервам, как плеть.

На этот раз закричала Ева.

– Маруся! – от испуга голос Евы стал непривычно высоким. Андрей молниеносно обернулся. Пока они наблюдали за играми корейских детишек, Маруся успела, оказывается, отойти метров на пятнадцать и стояла на самом краю дороги, по которой с большой скоростью неслись машины. К счастью, она была там не одна – за руку ее держал похожий на индуса смуглый человек в ярко-розовой рубашке. Человек улыбался и осторожно подталкивал Марусю по направлению к родителям.

Андрей, отбросив легкий металлический стул, выскочил из-за столика и бросился к дороге. Через несколько мгновений он уже крепко сжимал тоненькое Марусино запястье.

Индус снова широко улыбнулся и показал пальцем на дорогу. Потом укоризненно покачал головой. Смысл его жестов был понятен: дорога опасна, за детьми нужно следить!

– Спасибо, – сдержанно сказал Андрей по-английски. – Я признателен, что вы удержали мою дочь...

– Экскюз ми, – с ужасным акцентом проговорил индус, – донт спик инглиш.

Гумилев окинул его удивленным взглядом – встретить индуса, не говорящего по-английски, так же сложно, как украинца, не говорящего по-русски. Во всяком случае в Сингапуре.

Взгляд его на мгновение задержался на металлическом амулете, висевшем на коричневой шее индуса. Это была серебристая фигурка, изображавшая, как показалось Андрею, широко расставившего лапы паука. Но, что бы это ни было, Гумилева сейчас волновали совсем другие вопросы.

Он еще раз кивнул индусу и повел слегка упирающуюся Марусю к столику.

– Ну куда же ты убежала, путешественница? – строго сказал Андрей, сажая ее на стул между собой и Евой. – Разве я не говорил тебе, чтобы ты не отходила от нас с мамой дальше, чем на пять шагов? Ты же можешь потеряться!

– Дядя был хороший, – сказала Маруся невпопад. – Он хороший, он показал мне железного паука!

– Кто? – Андрей с беспокойством посмотрел на дочь.

– Тот дядя с разноцветными глазами. Он еще сказал, что я должна быть с тобой, папочка!

Андрей, повинаясь внезапному порыву, крепко обнял дочь.

– У него действительно были глаза разного цвета? – насторожилась Ева.

– Черт его знает, не заметил... Но паука я у него точно видел. Во всяком случае он очень кстати перехватил Марусю – она уже стояла на самом краю автострады.

Андрей обвел глазами площадь с фонтаном – теперь она не казалась ему такой безопасной, как пять минут назад.

– Давайте вернемся в отель, – предложил он. – Перекусить можно в лобби-баре, там вроде бы неплохая кухня.

– Конечно, – Ева порывисто встала. Гумилев видел, что жена встревожена еще больше, чем он сам. Какие же они растяпы – засмотрелись на чужих детей, а своего ребенка чуть не проворонили... «Все-таки жизнь в окружении охранников и гувернанток притупляет родительские инстинкты, – подумал Андрей. – Что ж, впредь мне наука: раз уж мы путешествуем, как обычные туристы, ни на мгновение не спускать глаз с Маруси!»

Он подошел к обочине, поднял руку. Через мгновение у тротуара остановился черный «Мерседес» – такси класса «де-люкс». Шофер, безошибочно распознав в Андрее важную персону, выскочил из машины и, кланяясь и улыбаясь, распахнул перед Евой и Марусей заднюю дверцу.

Перед тем как спрятаться от палящего сингапурского солнца в кондиционированной прохладе салона, Андрей бросил быстрый взгляд на опустевшую площадь с фонтаном. Ему показалось, что там кто-то стоит и смотрит, как они садятся в машину. Но на площади уже никого не было, и даже шумное корейское семейство покинуло свой столик под белым тентом. Между тем чувство, что за ним наблюдает пара внимательных глаз, не оставляло Гумилева. Он с досадой захлопнул дверцу машины и назвал адрес.

В лобби-баре было прохладно, едва слышно звенели развешенные под потолком металлические трубочки – «поющие ветра». Андрей усадил Марусю за столик, отодвинул для Евы стул.

– Я буду двойной эспresso, – Ева улыбнулась мужу. – Без сахара. А Маруся, наверное, свой любимый клубничный коктейль.

– Да! – заявила Маруся. – С зонтиком!

– Хорошо, – Андрей подошел к барной стойке и уже приготовился сделать заказ, как вдруг взгляд его упал висевшую на стене плоскую плазменную панель. Был включен канал CNN, на экране полыхали бесшумные взрывы, сгустки огня вылетали из темноты и взрывали ночь. Внизу экрана бежала надпись: «Russia invades Georgia».

– Включите погромче! – попросил Гумилев бармена. Невысокий китаец в идеально выглаженной белой сорочке немедленно выполнил его пожелание.

– Сегодня ночью Россия напала на суверенную Грузию. По сообщениям грузинской стороны, как минимум семь человек пострадало во время ударов российской артиллерии по грузинским деревням.

– Могу ли я чем-нибудь помочь вам, сэр? – вежливо обратился к Андрею бармен. – Желаете что-нибудь выпить?

– Двойной скотч, – пробормотал Гумилев, не отрывая взгляда от экрана. Потом спохватился и заказал то, что хотели жена и дочь.

– Андрей, что это? – Ева широко раскрытыми глазами смотрела на вспыхивающие на панели огненные шары. – Что там происходит?

– Насколько я понимаю, это системы залпового огня «Град». Страшное оружие...

– Но они же говорят, что мы напали на Грузию? Что за бред?

– Конечно, бред, – Гумилев вытащил из кармана мобильный, набрал номер. – погоди, сейчас все разъяснится.

Чтобы не привлекать излишнего внимания – разговор с человеком, отвечавшим в его корпорации за мониторинг международной ситуации, обещал быть эмоциональным, – Андрей вышел на улицу. Через стеклянную дверь он видел, как Ева прижала к себе Марусю и не отрываясь смотрела на экран, где крутили одни и те же кадры с ночным артиллерийским обстрелом.

Слушая рассказ о том, что на самом деле происходит сейчас на Кавказе, как этой ночью грузинские войска вторглись в Южную Осетию, обрушив артиллерийские и танковые удары на единственный город этой маленькой непризнанной республики – Цхинвал, поубивав – без разбора – и русских миротворцев, и осе-

тинских ополченцев, и женщин с детьми, – Андрей острее, чем обычно, почувствовал ответственность за свою семью.

Велев каждый час присылать ему на электронный адрес информационные сводки о разворачивающихся на Кавказе событиях, Гумилев вернулся в бар. Подойдя к столику, он увидел, что Ева больше не смотрит на экран, где политиков в дорогих костюмах сменяли растерянные и заплаканные женщины в черных платках. Жена придерживала высокий бокал, из которого Маруся сосредоточенно тянула через трубочку густой молочный коктейль.

– Они сказали, что российские танки вторглись на территорию Грузии, – сообщила Ева. – Как такое может быть?

– Нас втянули в эту войну, – Андрей повертел в руках свой двойной скотч, сделал небольшой глоток. – Ночью напали на город, убили наших миротворцев. Мы вынуждены были ответить.

– Там все разрушено. Те, кто выжил, остались без крыши над головой. Этого даже западные каналы не скрывают.

Андрей быстро допил виски.

– Это война.

Он не знал, что сказать еще. Любые высокопарные рассуждения о трагедии Южной Осетии прозвучали бы фальшиво. К счастью, Ева сама пришла ему на помощь.

– Андрей, ты же можешь им помочь? Ты можешь дать денег пострадавшим?

«Глупенькая, – подумал Гумилев. – Как же она верит в то, что в жизни еще возможны чудеса! Прилетит вдруг волшебник в голубом вертолете и бесплатно покажет кино... Им сейчас не с волшебниками нужны вертолеты, а с десантниками».

– Я могу помочь, – сказал он вслух. – Не всем. На это не хватит денег даже у меня.

Он снова набрал номер на мобильном.

– Всеволод? Займись Цхинвалом. Как только там закончатся боевые действия – а я думаю, долго мы воевать с грузинами не будем, – разберись, кто может нас интересовать. Прежде всего мне нужны перспективные хакеры, программисты, физики – в общем, по нашему списку. Сделай все необходимое – реши вопросы с жильем, с регистрацией, устрой на учебу тех, кто еще не доучился. Бюджет

утрясешь сам, со мной дополнительно согласовывать ничего не нужно. Да, и еще – после войны Цхинвал наверняка будет восстановлен, приглядишься, не будет ли там возможности опробовать что-нибудь из наших технологий по строительству городов будущего.

Андрей положил мобильный на стол и посмотрел на Еву.

– Я думаю, на первое время этого достаточно, – мягко сказал он. – Ты же знаешь, я всегда придерживался принципа: если хочешь накормить голодного, дай ему не рыбу, а удочку.

Ева опустила глаза, делая вид, что поправляет завязки на платье Маруси.

– Все-таки ты иногда бываешь слишком рациональным, Андрюша... но в любом случае спасибо.

Андрей прикусил губу. А чего же она хотела? Что он бросит все и помчится в Цхинвал, купив по пути целый самолет МЧС? Иногда ему было приятно, что жена воспринимала его как супергероя, способного спасти весь мир, но порой этот идеализм начинал его раздражать. Возможно, когда-нибудь он действительно сумеет благодетельствовать человечество, но это станет результатом упорного многолетнего труда и тщательно разработанного плана. Пока же для него куда важнее уберечь от потрясений свою собственную семью...

– Теперь ты видишь, что возвращаться в Москву несколько преждевременно? – спросил он Еву.

– Ты что же, боишься, что конфликт с Грузией может втянуть нас в большую войну?

Андрей пожал плечами.

– Не думаю, хотя я лично знаком с несколькими деятелями в Штатах, которые с удовольствием использовали бы эту ситуацию, чтобы загнать нас в угол. Не удивлюсь, если выяснится, что именно они и стоят за ночным нападением на Цхинвал.

Он усмехнулся, вспомнив желчное лицо старого сенатора Маккейна, не раз произносившего пламенные речи об опасности скупки американских компаний русскими олигархами.

– В любом случае я бы хотел, чтобы вы с Марусей ближайшие дни провели в максимально безопасном месте. Сингапур, мне кажется, для этой цели вполне подходит.

Как выяснилось спустя несколько часов, Андрей очень ошибался.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Похищение

На следующее утро Андрей, выполняя обещание, данное Марусе, повез семью в сингапурский зоопарк. Огромное царство зверей и птиц покорило Марусю, которая с радостными криками бегала от вольера к вольеру и кормила животных специальной едой из паке-тиков, которые Андрей предусмотрительно накупил у входа в зоопарк. У родителей времени на знакомство с обитателями зоопарка почти не оставалось: приходилось постоянно следить за Марусей, которая то и дело пыталась познакомиться со зверями поближе.

Нашли, конечно, и белого носорога с Суматры, и его детеныша, поразившего Еву своим печальным, совсем недетским взглядом. Маруся, впрочем, ничего такого не заметила и минут пять упоенно гладила подошедшего совсем близко к ограде вольера малыша по морщинистой мордочке.

Пообедав в экзотическом ресторане на крыше одного из сингапурских небоскребов, Гумилевы вернулись в отель.

– Ну что, отдохнем пару часов и поедем на концерт? – Андрей заговорщически подмигнул Еве. На вечер у них были забронированы места в сингапурскую филармонию, где сегодня выступала легендарная Ванесса Мэй. Андрей надеялся, что набегавшуюся в зоопарке Марусю удастся уложить спать – малышка иногда еще спала днем, – а они с Евой уединятся в спальне трехкомнатного люкса. Но Ева, к его удивлению, покачала головой.

– Знаешь, мне ведь совершенно не в чем выходить вечером, – озабоченно сказала она. – Пожалуй, стоит сделать вылазку на Очард-роуд.

Андрей нечасто слышал такое от своей жены. Обычно Ева была совершенно равнодушна к шопингу.

– А как же твое маленькое черное платье, которое сшил тебе в Париже Ив Сен-Лоран? Ты же говорила, что оно идеально подходит к любому выходу?

– Но только не с теми чудесными дымчатыми топазами, которые ты подарил мне позавчера! – Ева встала на цыпочки и чмокнула мужа в щеку. – К ним нужно золотисто-бежевое, непременно теплых тонов! Мне кажется, на Очард-роуд я что-то подобное видела.

– Мамочка, я с тобой! – Маруся бросилась к Еве и обхватила ее руками. – Ксюше тоже нужно новое платье! И туфельки нужны! Как же она пойдет с нами на концерт без туфелек?

Ксюшей звали любимую куклу Маруси, сопровождавшую ее во всех поездках.

Гумилев, стараясь не выдать своего разочарования, пожал плечами.

– Ну что ж, дамы, займитесь шопингом. А я в таком случае пойду в тренажерный зал. Надо держать себя в форме, – он похлопал себя по животу, на котором и так не было ни грамма лишнего жира. – Только смотрите, возвращайтесь не позже пяти, иначе мы можем опоздать на концерт.

– Не скучай без нас, милый, – Ева снова поцеловала мужа, на этот раз в губы. – И не слишком изнуряй себя на тренажерах, ты мне еще понадобишься!

Андрей не смог сдержать улыбку. Ева поддразнивала его, она прекрасно понимала, на что он намекал, предлагая уложить спать Марусю. Возможно, это была маленькая месть за вчерашнюю размолвку. Но Андрей хорошо знал, что ночью все обиды будут забыты, и они помирились по-настоящему, как всегда мирились, засыпая в объятиях друг друга.

Гумилев спустился в фитнес-центр отеля, оборудованный самыми современными тренажерами, но довольно скоро понял, что заниматься ему совершенно не хочется. Сделал несколько подходов к штанге, но так и не настроился на тренировку. Ему не давало покоя тревожное чувство, которое, как змея, выползло из потаенного уголка души, как только Ева и Маруся ушли за покупками.

Андрей привык доверять своей интуиции. Она не подводила его ни в бизнесе, ни в отношениях с друзьями и близкими. Сейчас внутренний голос шептал ему, что он совершенно напрасно отпустил жену и дочь на прогулку, пусть даже Сингапур и считался самым безопасным местом во всей Азии.

«Так можно и в параноика превратиться», – подумал Андрей и, приняв душ, поднялся к себе в номер. Позвонил Еве. В трубке слышались гудки, но на вызов никто не ответил. Не отвечал и мобильный Маруси, который она выпросила, «чтобы быть как мама». Андрей позвонил на ресепшен: там сказали, что миссис Гумилева и ее дочь не заказывали такси – просто вышли из гостиницы и пошли пешком в направлении центра.

Андрей решил скоротать время в лобби-баре. Попросил принести кофе и, пока ждал заказ, убеждал себя, что волноваться не о чем – жена не отвечает просто потому, что в шумном городе легко не услышать звонок. «Сейчас я успокоюсь, – сказал он себе, – подожду еще пять минут и снова им позвоню. Рано или поздно они услышат мой звонок».

Подошел официант, вежливо поклонившись, поставил на столик Андрея чашечку кофе и положил маленький белый конверт.

– Вам просили передать, сэр.

– Просили передать? Кто? – Гумилев почувствовал, как тревожно застучали молоточки в висках.

– Ваш друг, сэр. Он сидит вон там, – официант повернулся, чтобы показать Андрею, где именно сидит его друг. – Сидел... – неуверенно договорил он.

Столик, на который смотрел официант, был пуст.

– Хорошо, – кивком головы Гумилев отпустил официанта. Резким движением вскрыл конверт.

На колени ему выпал сложенный вчетверо лист тонкой рисовой бумаги.

Каллиграфическим почерком на листе было выведено по-английски:

«Мистер Гумилев, ваша жена и дочь в опасности. Их хотят похитить. Торопитесь – вы можете никогда больше их не увидеть. Ваш друг».

Андрей вскочил, опрокинув столик. Чашка кофе, к которой он так и не притронулся, разбилась у его ног. Андрей бросил на кресло сто долларовую купюру и побежал к выходу. На полпути остановился, повернулся и в несколько прыжков оказался рядом с остолбеневшим официантом.

Он был уже в дверях, когда его пронзило чувство, что за ним наблюдают. То же самое он ощущал вчера на площади перед фонтаном. Кто-то внимательно смотрел ему в спину. Гумилев резко развернулся. Ему показалось, что в полумраке лобби-бара мелькнуло чье-то странное, словно светящееся голубоватым светом, лицо.

Он в несколько прыжков оказался рядом со спрятанным в уютной полутьме кожаным диваном. На столике были небрежно разбросаны несколько чистых листков бумаги – таких же, как тот, что принес ему официант.

В двух шагах от него кто-то стоял. Андрей хорошо видел четко очерченный силуэт, длинные темные волосы, обрамлявшие бледное лицо, казавшееся будто вырезанным из прозрачного стекла.

Гумилев моргнул и в следующее мгновение понял, что остался один. Прозрачный человек куда-то исчез, словно растворился в воздухе. Если конечно вообще не померещился Андрею.

Гумилев решительно подошел к официанту, наблюдавшему за ним с некоторой опаской.

– Как... как выглядел этот... мой друг?

Официант побледнел.

– Я... я не знаю, сэр. Он... выглядел совершенно обычно.

– Черт! Он был китаец? Англичанин? Русский?

– Простите, сэр... я не знаю... он говорил по-английски... может быть, индус, сэр.

Индус?

– Ладно! – Гумилев оставил официанта в покое и быстро пошел к дверям. Что делать? Сообщить в полицию? Вообще-то, конечно, такое письмо может быть расценено как угроза. Но кто знает, как быстро работает сингапурская полиция? Андрей представил, сколько времени придется провести в участке, объясняя твердолобому полицейскому офицеру, что нужно бросить все силы вверенного ему подразделения на поиски его жены и дочери, которые просто пошли прогуляться по Очард-роуд, и скрипнул зубами. А неизвестный «друг» советовал поторопиться!

Выбежав из отеля, он снова схватил телефон, чтобы набрать номер Евы.

Андрей насчитал десять гудков и нажал отбой.

– Если я буду им постоянно звонить, их мобильные могут разрядиться! – Андрей заметил, что начинает, как в студенческие годы, вслух разговаривать сам с собой.

– Такси, сэр? – вышколенный портье улыбался ему профессиональной улыбкой.

Такси! Да, это то, что ему нужно!

– Да! – он вытащил бумажник и сунул портье пятьдесят долларов. – Передайте на ресепшен – если мне будут звонить в номер, переключайте сразу на мобильный! И еще – если моя жена вернется в отель раньше меня, пусть сразу же мне позвонит!

– Разумеется, сэр, – при виде купюры улыбка портье стала более искренней. – Не беспокойтесь, все будет сделано.

Водитель уже распахивал перед Андреем заднюю дверцу «такси де-люкс».

– Вперед по Очард-роуд, – приказал Андрей. Медленно, так, чтобы я мог видеть лица.

Следующие полчаса они ездили по главной торговой улице Сингапура. Андрей высматривал в пестрой толпе яркую футболку Евы, останавливал такси, выскакивал из машины, забегал в бутики, за стеклами которых ему чудились силуэты жены и дочери, ошибался, возвращался обратно и снова приказывал шоферу ехать вперед. Они проехали Очард-роуд сначала в один конец, потом в другой. Все было бесполезно. Ева и Маруся словно сквозь землю провалились.

Время от времени Андрей набирал номера телефонов жены и дочери, но слышал лишь длинные гудки.

Наконец, когда паническая атака уже была готова спазмом сдавить его горло, Гумилев понял, что ему нужно было сделать с самого начала. Откинувшись на сиденье, он набрал номер шефа службы безопасности своей компании Олега Санича.

– Олег! Срочно свяжись с кем-нибудь из наших друзей в ФАПСИ. Мне нужно определить местонахождение телефонов Евы и Маруси.

– Все понял, Андрей Львович, – Олегу, как всегда, не требовалось долгих объяснений. – Я сейчас перезвоню.

Перезвонил он ровно через три минуты.

– Андрей Львович, я передал им номера телефонов вашей супруги и дочери, сейчас они их запеленгуют и сбросят вам карту с координатами. У вас есть под рукой GPS-навигатор?

– Есть, и в телефоне, и в машине. Спасибо, Олег.

– Что-то случилось, Андрей Львович? – теперь Санич почувствовал, что вправе задавать вопросы. – Что-то серьезное?

Гумилев в двух словах описал ему ситуацию, рассказал про загадочное послание от «друга», который, возможно, был индусом.

– Андрей Львович, – в голосе Санича зазвенели стальные струны, – только не предпринимайте ничего рискованного! Я немедленно свяжусь с полицией Сингапура, они вам помогут. Если понадобится, мои бойцы будут в Сингапуре через десять часов.

– Бойцов пока не нужно, Олег. А полиции сообщи, только проследи, чтобы пресса в это дело не вмешивалась.

– Конечно, Андрей Львович, – сказал Санич и отключился.

Андрей тут же принялся звонить на телефон Маруси. После нескольких гудков раздался пронзительный сигнал, и голос оператора сообщил, что номер недоступен. Случилось то, чего он и боялся: от его бесконечных звонков мобильный Маруси, который Ева всегда забывала ставить на подзарядку, отключился. А ведь спецслужбам легче запеленговать включенный, нежели выключенный номер, к тому же на территории чужого государства!

Несколько минут прошли в томительном ожидании. Наконец, мобильный Гумилева издал звук, похожий на звон разбитого хрустала – на него пришло сообщение из Москвы.

Друзья Санича из ФАПСИ не подвели – в сообщение была вложена интерактивная карта с пульсирующей красной точкой. Она показывала местонахождение телефона Евы. Андрей приблизил карту и увидел незнакомые названия. Сунул телефон водителю.

– Вы знаете, где находится это место?

– Конечно, сэр, это Литл Индия.

– Это далеко отсюда?

– Нет, не очень. Быстро доедем.

– Так поехали!

Андрей стал подробнее изучать карту. Их отель находился ровно посередине между Очард-роуд и той улицей, куда они сейчас ехали. Получается, выйдя из гостиницы, Ева пошла не туда, куда собиралась, а в прямо противоположную сторону. И все его поиски на Очард-роуд с самого начала были обречены на провал.

– Какого черта?

Андрей постарался успокоиться, сделал несколько дыхательных упражнений. Он, конечно, поговорит с Евой, и поговорит очень серьезно, но сейчас главное – уберечь жену и дочь от грозящей им опасности.

Судя по точке на карте, Ева с Марусей никуда не двигались. Внезапно такси остановилось.

– Извините, сэр, но прямо к этому месту я проехать не могу – видите, тут пешеходная зона, – водитель кивнул на заперуженную народом улицу. – Вам вон туда, прямо, потом налево, там будет парк, вы увидите. Удачи вам!

Точка на карте начала двигаться. Андрей, не считая, сунул водителю несколько крупных купюр, выскочил из машины и начал пробираться через торговые ряды с золотыми украшениями, яркими тканями и экзотическими сувенирами вперемежку с фруктами. Потом рынок внезапно кончился, и Гумилев увидел парк.

У самого края парка, нарушая все правила пешеходной зоны, стоял огромный серебристый пикап «Мицубиси-Тритон». Гумилеву эти машины всегда казались уродливыми – как будто к крутому внедорожнику приделали открытый кузов для перевозки крупногабаритных грузов. Стекла «Тритона» были наглухо затонированы, но дверцы гостеприимно распахнуты. Видна была чья-то нога в белой брючине и до блеска отлакированной туфле, стоявшая на подножке пикапа.

А к открытым дверцам «Тритона» шли Ева и Маруся, сопровождаемые двумя мужчинами в одинаковых темных костюмах.

Шли медленно, словно нехотя.

Время для Андрея остановилось.

От «Тритона» его отделяло метров восемьдесят. На пространстве между рынком и парком еще стояли какие-то тележки с фруктами, сидели прямо на земле торговцы сувенирами. Гуми-

лев рванул с места так, как делал это когда-то на соревнованиях по легкой атлетике. Он преодолел уже половину расстояния до машины, когда мужчина, поддерживающий под локоть Еву, вдруг оглянулся.

И увидел летевшего к ним Андрея.

Дальше события стали разворачиваться очень быстро – так быстро, что Андрею впоследствии было сложно восстановить их последовательность.

Мужчина в темном костюме сильно толкнул Еву в спину – так, что последние несколько шагов до машины она буквально пролетела, едва не стукнувшись головой об угол дверцы. Второй развернулся к Андрею, в руке у него что-то блеснуло. Из недр «Тритона» высунулась рука, схватившая Еву за плечо. Андрей закричал. Блестящая штука в руке у второго похитителя оказалась длинным и тонким стилетом, и ясно было, что нужно свернуть в сторону, чтобы избежать смертельного столкновения, но свернуть означало потерять темп, а этого Андрей себе позволить не мог. Он выставил вперед руку, чтобы отбить удар стилета, но тут что-то сильно ударило его в спину, и Гумилев, словно споткнувшись о камень, плашмя упал на землю.

В следующую секунду он увидел мелькнувшее у машины розовое пятно. Высокий человек в розовой рубашке легким движением дотронулся до похитителя со стилетом, и тот, выронив оружие, повалился на спину. Мужчина, толкнувший Еву, развернулся на каблуках, но вдруг застыл, словно парализованный. Скрывавшийся в «Тритоне» человек отпустил Еву, и она, подхватив Марусю, бросилась прочь от машины.

– Ева! – что было силы крикнул Гумилев.

Через несколько секунд он уже обнимал жену и дочь. В отдалении хлопнули дверцы машины, серебристый «Тритон», взревев мотором, покинул место происшествия, разогнав оказавшихся на пути торговцев. Ни поверженных похитителей, ни мужчины в розовой рубашке видно не было.

– Что произошло? Где вы были? – Гумилев опустился на колени перед Марусей, гладил ее по волосам, пытаясь убедиться, что с малышкой все в порядке.

– Мы гуляли, просто гуляли, – от пережитого напряжения Ева готова была расплакаться. – Потом появились эти люди, показали полицейские жетоны, попросили пройти в машину, чтобы урегулировать какое-то недоразумение... Я почувствовала неладное, но они были так настойчивы... А потом... ты же сам видел!

– Но почему вы не отвечали на мои звонки? Я звонил вам раз сто!

– Звонил? – Ева достала их сумочки телефон и закусил губу, увидев, сколько было неотвеченных вызовов от Андрея. – Прости меня, ты беспокоился о нас? Прости, прости, прости!

– При чем здесь прости! Из-за твоей беспечности вас с Марусей едва не похитили!

– Похитили? – глаза Евы расширились. – Так эти люди – не полицейские?

Словно отвечая на ее вопрос, на площадку перед парком, ревя форсированными движками, вылетели две машины с эмблемой полиции Сингапура. Одетый в белую тропическую форму офицер подошел к Гумилеву.

– Мистер Гумилев, я капитан Чжао, полиция Сингапура. Мы получили сообщение от мистера Санича о том, что вам требуется помощь. Я и мои люди готовы обеспечить вам необходимую защиту.

– Вы вовремя, мистер Чжао, – Гумилев отряхнул джинсы. – Мою жену и дочь пытались похитить. Только что. Здесь. Какие-то люди, предъявившие полицейские жетоны.

Лицо Чжао закаменело.

– От имени полиции Сингапура я приношу вам свои самые глубокие и искренние извинения.

Но Гумилев не собирался тратить время на китайские церемонии.

– Мы возвращаемся в Москву, капитан. Немедленно. Я хочу, чтобы моя семья находилась под охраной ваших людей вплоть до того момента, когда мы сядем в самолет.

– Разумеется, сэр. Но я хотел бы попросить вас и вашу жену дать подробные показания об этом прискорбном инциденте. Я лично проведу самое тщательное расследование. Подобные преступления не должны оставаться безнаказанными.

– Хорошо, – Гумилев устало махнул рукой. – Только недолго. Мне не хочется задерживаться в Сингапуре.

Полицейские отвезли Гумилевых обратно в отель. Чжао отрядил одного из своих людей заниматься переоформлением билетов, а сам выпросил у Андрея все, что он мог вспомнить о сегодняшнем происшествии. В то, что Чжао будет проводить какое-то свое расследование, Гумилев не слишком-то верил, но тем не менее рассказал обо всем довольно подробно, не забыв упомянуть и о том, что загадочного индуса в розовом они видели вчера около кафе с фонтаном. Умолчал он только о том, что Ева ввела его в заблуждение относительно Очард-роуд.

Сама Ева оправдывалась тем, что передумала уже по дороге и решила надеть на концерт другие украшения, которые подойдут к маленькому черному платью. Вместо того чтобы толкаться среди шопоголиков на Очард-роуд, они с Марусей захотели прогуляться по этническому кварталу. Объяснение не хуже других, но Андрей ему почему-то не очень верил.

Когда Чжао, наконец, отпустил его и принялся беседовать с Евой, Андрей с Марусей спустились в лобби-бар. Себе Андрей заказал двойной скотч, а Марусе ее любимый клубничный коктейль. За соседним столиком расположились двое подчиненных Чжао, прихлебывающих минеральную воду.

Гумилев медленно пил виски, пустыми глазами глядя куда-то перед собой. Его дочка с раскраской и фломастерами устроилась за столиком, украшенном фарфоровой вазочкой, полной разноцветных стекляшек.

– Папа, посмотри!

Андрей чуть не выронил стакан. Маруся приставила к своим глазам зеленую и синюю стекляшку и радостно улыбалась.

– У меня разноцветные глаза! Как у того дяди.

– У какого дяди?

– У хорошего дяди! В розовой рубашке!

– Как у дяди в розовой рубашке? – переспросил Гумилев. – Который вчера привел тебя, когда ты убежала к дороге?

– Да! У него еще была такая железная... – Маруся с трудом подбирала слова, – штука... с лапками!

Андрей вспомнил железного паука в руке индуса.

– Паук?

– Нет, не паук.

– Но у паука много лапок.

– Ну нет, как ты не понимаешь! – когда Маруся не могла объяснить, чего хочет, сразу начинала капризничать.

– Вот такая, длинная! – девочка схватила свою раскраску и изобразила в ней толстого червяка с тремя парами лап.

– Ящерица? – удивился Андрей. – Но я вчера видел паука.

– Точно, ящерица! Вчера был паук. А сегодня – ящерица!

Гумилев с трудом проглотил застрявший в горле комок.

– Вы сегодня снова видели этого человека?

– Да! Он показывал нам игрушки! Я хотела, чтобы он подарил ящерицу мне, но он отдал ее маме, – улыбка Маруси вдруг погасла, девочка стала очень серьезной. – Только это наша тайна! Мама сказала, что это такая игра, я не должна была говорить.

– Ты мне ничего не говорила, – в тон ей серьезно ответил Гумилев. Он приложил палец к губам, а потом закрыл ладонями уши.

– А я ничего не слышал.

Он залпом допил остатки виски и через силу улыбнулся дочери.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Арктический клуб

«Я принял решение завершить операцию по принуждению грузинских властей к миру. Цель операции достигнута. Безопасность наших миротворческих сил и гражданского населения восстановлена. Агрессор наказан и понес очень значительные потери», – президент Дмитрий Медведев говорил медленно, взвешивая каждое слово. Заявление об окончании боевых действий в Южной Осетии сопровождалось треском фотокамер.

Война закончилась. Всего за пять дней. «Так ее и назовут – Пятидневная война, – подумал Андрей Гумилев, переводя взгляд с экрана ноутбука на тонированное стекло своего «Мерседеса». – Что ж, моя страна показала, что те, кто думает о ней как об «умирающем медведе», серьезно ошибаются».

Настроение у него было не слишком веселым. Длинный рабочий день закончился, и Гумилев чувствовал себя усталым. Хотелось вернуться домой, к жене и дочке, обнять их, посидеть за большим столом, слушая веселое щебетание Маруси и потягивая выдержанный «Гленливет». Вместо этого ему предстояло еще несколько часов утомительных разговоров – о том, что можно было бы решить и в рамках интернет-конференции за пятнадцать минут. Казалось бы, ученые, находящиеся на передовых рубежах науки, должны были первыми оценить преимущества многосторонних переговоров в Сети. Но нет – маститые профессора и академики были на удивление консервативны и предпочитали личные встречи онлайн-переписке. И пропустить сегодняшнюю встречу он не мог – ее дважды переносили специально, чтобы дождаться его возвращения из Сингапура.

Час пик уже закончился, и водитель быстро лавировал между немногочисленными машинами на Остоженке. Джип сопровождения синхронно, как в танце, повторял все маневры автомобиля Гумилева.

Андрей свернул окошко интернет-телеканала Russia.ru, транслировавшего пресс-конференцию президента, и вывел на экран бизнес-план экспедиции, подготовленный экспертами Арктического клуба. Бегло проглядев графики и таблицы, иллюстрировавшие текст, он дошел до главного – итоговой сметы расходов.

– Сколько?!

– Что, Андрей Львович? – водитель взглянул на шефа в зеркало дальнего вида.

– Нет-нет, Юра, все нормально.

На этот раз Гумилев внимательно прочел сопроводительный текст записки, надеясь обнаружить там убедительную причину того, что экспедиция в Арктику оценена в сумму с таким количеством нулей. Найдя среди статей расходов приобретение атомного ледокола «Россия», Андрей с усмешкой щелкнул курсором по крестик в правом верхнем углу документа.

По большому счету ему было не так уж и важно, какие деньги придется выложить за экспедицию. Корпорация Гумилева приносила стабильно высокие прибыли, которых хватало и на инвестиции в новые отрасли бизнеса, и на дорогостоящие авантюры вроде марш-броска в Арктику.

Когда ему позвонили из приемной президента Государственной полярной академии и депутата Госдумы Артура Чилингарова, Гумилев решил, что речь пойдет о финансировании очередного научного проекта. С тех пор как он создал для Евы исследовательский фонд «Новые рубежи», к нему еженедельно приходили килограммы прошений, заявок и предложений. Порой звонили люди, которых он более или менее хорошо знал лично – от разговора с ними Гумилев обычно уклонялся, не желая портить себе карму. Секретари переключали таких просителей на заместителя Андрея по науке, Анатолия Перельмана, которого за глаза уже давно называли Дядюшка Скрудж.

Однако, когда секретарша сообщила, что с ним хочет поговорить лично Чилингаров, Андрей решил не переключать его на Дядюшку Скруджа. Интуиция не подвела его и на это раз.

– Андрей Львович, я тут слышал, у вас проблемы с тестированием вашего нового изобретения? – после короткого обмена любезностями спросил Чилингаров.

– Было бы странно, если б таких проблем не возникло. Экспериментальный модуль терраформирующей станции следует испытывать в условиях, наиболее приближенных к тем, в которых эту станцию предполагают использовать.

– Вы не могли бы напомнить, что это за условия?

– Артур Николаевич, раз вы мне звоните, значит, отлично знаете, о чем идет речь. Станции предназначены для работы на Луне.

– Но мы не на Луне. Надо полагать, я должен сказать – «к сожалению, не на Луне».

– Я не раз просил позволить нашей корпорации использовать российские космические полигоны. Я думаю, вы в курсе, что мы так и не получили разрешения.

– Полигон – не решение проблемы... – Чилингаров не закончил фразу, вынуждая Андрея задать следующий вопрос.

– Что вы можете предложить?

– Ваши станции могут пройти тестирование в Арктике.

Гумилев не стал торопиться с ответом. Во время подготовки к прошлой Арктической экспедиции Чилингарова он сам выходил с таким предложением, но получил вежливый отказ. Арктика имела статус стратегически важной территории, где требуются повышенные меры безопасности, поэтому исследования там разрешалось проводить только государственным организациям и фондам.

– Вам нужно финансирование? – Гумилев решил больше не тянуть время и обойтись без китайских церемоний.

– Если вы готовы обсудить эту тему, то я подготовлю наше предложение.

– И смету?

– И смету.

Положив трубку, Гумилев насмешливо улыбнулся. Он не сомневался, что Чилингаров обратился к нему от безысходности. Если сейчас не внести ясность в границы Арктики и не застолбить за собой ее ресурсы, то следующая экспедиция в Заполярье может столкнуться во льдах с американцами, канадцами и китайцами. Однако Арктика может сравниться с Луной не только условиями для испытаний, но и затратами на экспедицию. А зародившийся

по другую сторону Атлантики глобальный финансовый кризис, потихоньку подбирающийся к отечественной экономике, начисто отбил желание у традиционных спонсоров инвестировать деньги в научные исследования – им бы самим удержаться на плаву. Понятно, что нет лишних денег на освоение Арктики и в федеральном бюджете.

«Мерседес» Гумилева свернул на узкую, покрытую новым асфальтом дорогу и вскоре остановился возле двухэтажного, стилизованного под старину особняка с полукруглыми балконами и дорической колоннадой. Андрей вышел на стоянку перед домом, уже успевшую превратиться в выставку элитных автомобилей. На этот раз машин с правительственными номерами было больше, чем обычно, между ними прохаживались похожие друг на друга плечистые мужчины в одинаковых темных костюмах.

Подходя к высоким дубовым дверям особняка, по обе стороны которых стояли охранники, Гумилев поднял голову. Над самым входом, на уровне второго этажа, белела мраморная плита. На эту плиту так и просился герб или декоративная маска. «Надо напрячь наших дизайнеров, пусть придумают что-нибудь торжественное и зловещее, – усмехнулся про себя Андрей. – Тогда участники Арктического клуба смогут во всей полноте ощутить себя членами тайного ордена».

Прямо из просторного, обшитого дубовыми панелями холла вела наверх широкая лестница из сахарно-белого мрамора. На втором этаже, перед входом в гостиную, курил высокий крупный мужчина в дорогом костюме, не скрывавшем, однако, военной выправки. Серебряные от седины волосы мужчины были коротко подстрижены, делая еще более заметными рубленые черты лица и мощную нижнюю челюсть.

Мужчина коротко кивнул Гумилеву, давая понять, что знает, кто он такой, хотя они не были представлены друг другу. Андрей кивнул в ответ и прошел мимо. Ему показалось, что мужчина специально встречал его. Зачем курить на входе, если в гостиной, где обычно проходят их заседания, дымят все, кому не лень? Так и оказалось: в комнате резало глаза от сизого, плывущего со всех сторон дыма, не помогали даже открытые окна.

– Андрей Львович! Как ваш отдых? Мы ждем от вас больших свершений! – оказалось, что, вопреки обыкновению, Артур Чилингаров на этот раз пришел раньше его.

Гумилев пожал протянутую ему руку.

– Ну, свершения – это больше по вашей части, Артур Николаевич. Наше дело лишено романтики, хотя – тут я с вами согласен – требует много сил.

– Если обмен любезностями закончен, мы могли бы начать нашу встречу, – к ним неслышно подошел мужчина, куривший на лестнице. – Хотя, если вы пока не обсудили дежурную тему мирового кризиса, мы можем еще подождать.

По спокойному, даже безразличному тону нельзя было догадаться, шутит этот человек или грубит. Он не улыбался, а его серые глаза внимательно ощупывали собеседников.

– У генерала особенное чувство юмора, – зато глаза Чилингарова смеялись. Казалось, он был доволен, что Гумилев не мог определить, как ему отнестись к поведению незнакомца. – Вы привыкнете. Правда, не сразу.

– У генерала?

Мужчина протянул ему руку.

– Генерал Свиридов. Кто вы, я знаю.

В его голосе не было ни угрозы, ни прежнего безразличия, одно лишь уважение к новому знакомому. Но Гумилеву показалось, что при словах «кто вы, я знаю», мужчина мгновенно перелистал в памяти не газетные статьи, посвященные самому богатому человеку страны, а пухлую папку с его личным делом. Андрей не сомневался, что генерал представляет спецслужбы.

– Я вижу, все уже представлены друг другу? – к мужчинам присоединился Степан Бунин, ответственный секретарь фонда «Новые рубежи» и по совместительству – член Арктического клуба. – Ну, теперь, когда все знакомы, можем начинать. На столе лежат копии документов, которые нам сегодня нужно обсудить и принять окончательное решение.

Андрею всегда казалось, что в его присутствии Бунин ведет себя наигранно, с нарочитой важностью. Но если от генерала Свиридова исходила непоколебимая уверенность в себе, то Бу-

нин казался человеком, вечно ищущим одобрения окружающих.

При этом Степан Бунин был блестящим ученым и прекрасным администратором. Именно ему Ева была обязана своими первыми шагами на стезе науки. Лет одиннадцать назад, когда Ева приехала из Курска поступать в МГУ, старшекурсник, а потом аспирант Бунин взял ее под свою опеку. Вскоре их отношения переросли в дружбу. Гумилев сам удивлялся – он всегда повторял, что дружбы между мужчиной и женщиной быть не может, но отношения Бунина и Евы не вызывали у него ни малейших подозрений.

– Тебе не кажется, что Бунин в меня влюблен? – однажды спросила его жена.

Андрей удивился.

– Знаешь, я никогда об этом не думал.

– Ты меня совсем не ревнуешь? Ты так самоуверен?

– Ну конечно, я тебя ревную! Хотя больше я в этом никогда не признаюсь, – Андрей притянул к себе Еву, растрепал ей волосы рукой и по-мальчишески рассмеялся. – Но не к Бунину же, в самом деле!

– А что в нем такого, что к нему нельзя ревновать? – заинтересовалась Ева.

– Да в том-то и дело, что ничего такого в нем нет. Знаешь, мне кажется, он вообще не должен пользоваться популярностью у женщин.

– У, с каким знатоком женской психологии я связалась! И кто же, по-твоему, нравится женщинам?

– Либо тот, кого можно пожалеть и реализовать свой материнский инстинкт, либо тот, кому можно подчиниться и почувствовать себя маленькой девочкой. А Бунин не вызывает ни жалости, ни страха.

– То есть ты не признаешь равных отношений? Где люди смотрят друг другу в глаза, а не сверху вниз или снизу вверх?

– Ну какое равенство, радость моя! Ты же умная женщина. Вот только не нужно спрашивать, кто у нас главный. Марш на кухню!

После того как третья подушка, запущенная Евой, попала в цель, Андрей начал всерьез сомневаться, кто все-таки в этом доме хозяин.

Вспомнив эту сцену – типичную для их с Евой семейной жизни, – Гумилев улыбнулся. Бунин удивленно посмотрел на него.

– Что тебя так развеселило? Между прочим, сегодня может решиться судьба твоего любимого детища – терраформирующей станции!

– И поэтому я должен вести себя, как первокурсник перед экзаменом? Тебе не кажется, что собравшиеся за этим столом имеют больше оснований нервничать?

Чилингаров расхохотался, приобнял Андрея за плечи.

– Конечно, Андрей Львович, вы у нас самый богатый человек в стране. И от того, дадите вы денег на Арктическую экспедицию или нет, зависит не одна научная карьера. Но не думайте, что все без исключения члены клуба спят и видят, как ваша терраформирующая станция начнет превращать льды и торосы в цветущий оазис. У вашей мечты есть и противники.

– Кто же, например? – посерьезнел Гумилев. – И чем им мешает моя станция?

– Знать своих истинных врагов – удел счастливых, – неожиданно высказался Свиридов. – И мудрых, – добавил он, подумав.

– То есть имен вы не назовете? – уточнил Андрей.

– Я хотел бы познакомить вас с новым членом нашего клуба, – Чилингаров, явно не желая продолжать им же самим затеянный разговор, подвел Гумилева к дымившему толстой сигарой плотному мужчине в старомодном твидовом костюме. Мужчина был явно старше Андрея, хотя точный возраст его определить было трудно: загорелое лицо без единой морщины наводило на мысль о близком знакомстве с пластической хирургией.

– Позвольте представить – Андрей Львович Гумилев, Борис Михайлович Беленин.

– Мы, кажется, знакомы, – добродушно прогудел Беленин, протягивая Гумилеву твердую тренированную ладонь. – Встречались на форуме «2020» в Питере!

– Да, я помню, – сдержанно ответил Андрей. Беленин принадлежал к числу «классических олигархов», то есть сделал свое состояние на торговле энергоносителями. О том, что ресурсы, которые олигархи, подобные Беленину, продавали Западу, как и вся сырьевая инфраструктура, позволявшая выкачивать нефть долла-

ры из тюменских и югорских месторождений, принадлежат им лишь по прихоти либеральных «отцов приватизации», эти люди старались не задумываться. Соответственно и обязательств перед «этой страной», как они любили называть Россию, у них не было. Гумилеву, стремившемуся развивать инновационную экономику, направленную на благо России, сырьевые олигархи были неприятны. В разговорах с друзьями он обычно называл их «компрадорами» и считал, что именно их засилье мешает сделать Россию по-настоящему передовой державой. Он хорошо понимал, что, пока Беленин и подобные ему делают огромные деньги, распродавая стратегические ресурсы страны, ни о какой модернизации экономики не может идти и речи. Но, как бы ни относился Гумилев к сырьевым олигархам, правила поведения в обществе нужно было соблюдать. К тому же Беленин, оказывается, каким-то образом записался в члены Арктического клуба.

– Рад видеть вас, Борис Михайлович, в рядах нашей масонской ложи, – усмехнулся Гумилев. – Присматриваетесь к Арктике?

– Ну, Андрей Львович, – Беленин развел руками, – это же настоящее Эльдорадо! Голконда! Как же, скажите на милость, к ней не присматриваться?

«Конечно, – подумал Гумилев, – сто миллиардов баррелей нефти – тот еще лакомый кусочек!»

– Вот только как до этих сокровищ добраться? – сокрушенно вздохнул Беленин.

– Возможно, экспедиция, которую мы сегодня так оживленно обсуждаем, даст ответ на ваш вопрос, – Чилингаров протянул ладонь к похожему на трон креслу во главе овального дубового стола. – Андрей Львович, мне кажется, нам пора переходить к делу.

Гумилев решительным шагом подошел к креслу, но садиться не стал, встал за ним и положил ладони на обитую кожей спинку. Разговоры в гостиной немедленно стихли.

– Господа, я просмотрел подготовленные для меня документы. Готовьте договоры, контракты – все, что требуется. Я подпишу, – Андрей почувствовал, как мгновенно разрядилось висевшее в комнате напряжение.

– В полном объеме? – педантично уточнил Чилингаров.

– Да, я даже не имею ничего против приобретения ледокола «Россия». Более того, после экспедиции я готов передать его в собственность Полярной академии – мне кажется, такой транспорт ей не помешает.

– Не хотите оставить его себе? Вы переплюнули бы разом всех олигархов в мире. Они меряются круизными яхтами, а у вас был бы ледокол, – даже шутя, генерал не улыбался, а внимательно смотрел на Гумилева.

– Я не люблю слово «олигарх», – краем глаза Андрей следил за реакцией Беленина. Тот удивленно поднял брови. – Еще Аристотель противопоставлял олигархию, или «власть немногих», аристократии, или «власти благородных». Можете считать меня аристократом. К тому же, если соберусь на Северный полюс, думаю, Артур Николаевич меня подбросит, – Андрей поклонился Чилингарову.

– Так вы не участвуете в этой экспедиции? – поинтересовался Свиридов.

– Андрей Львович никак не поддается на уговоры. Говорит, что не увлекается экстремальными поездками, – ответил за Андрея Чилингаров.

– Я действительно предпочту остаться на твердой земле, – Гумилев решил перевести все в шутку. – Интересы нашей корпорации будет представлять Арсений Ковалев, здесь все его хорошо знают, – он кивнул на толстого бородатого человека, вольготно развалившегося в мягком кресле.

– Терраформирующая станция готова к тестированию, – вступил в разговор Ковалев. – Сбоев быть не должно. В любом случае с нами едет сильная команда техников и программистов.

– И все будет под контролем вашего хваленного искусственного интеллекта? – улыбнулся Чилингаров.

– До экспедиции система пройдет дополнительные испытания в критических условиях... – начал объяснять Ковалев, но Гумилев быстро его перебил.

– Ну, более критических условий, чем преодоление Арктики, нам не найти. А теперь, если позволите, я хотел бы вас покинуть, – Андрей убрал руки со спинки «трона», на который он так и не присел.

– Вы лаконичны, как настоящий спартанец, – на этот раз в голосе Свиридова слышалось искреннее одобрение. – Видно, что вы не привыкли терять времени даром.

– Приятно было познакомиться, – улыбнулся Андрей.

На выходе из гостиной его догнали Бунин и Ковалев.

– У Маруси же завтра день рождения? – спросил Бунин.

– Три года! – с гордостью ответил Андрей. – Мы с Евой ждем вас обоих. Арсений, ты не забыл?

– Забыть о дне рождения крестницы? Я, конечно, рассеянный, но не настолько же! К тому же твоя Ева уже позвонила мне с утра, пригласила, – зачастил Ковалев.

– В таком случае завтра в семь у нас, – Андрей удивленно взглянул на замешкавшегося Арсения. – Ты что, не едешь?

– Я еще задержусь, надо обсудить кое-какие детали, – Арсений Ковалев торопливо кивнул Гумилеву и Бунину и вернулся в гостиную.

– А я, пожалуй, уже поеду, – Бунин начал спускаться вслед за Гумилевым.

– Слушай, Степан, а что это за генерал? – спросил Андрей, когда они уже вышли на улицу.

– А это наш куратор, оттуда, – Бунин почтительно показал пальцем вверх.

– Куратор? Он что, тоже едет в Арктику?

– Свиридова собираются назначить главой службы безопасности экспедиции. Но все еще можно переиграть, у тебя ведь хорошие отношения с Чилингаровым.

По тому, как произнес это Бунин, Андрей понял: Степана бы очень устроило, если бы Свиридов остался в Москве.

– С какой стати я буду вмешиваться в высокую политику? Пусть едет, нам это не помешает.

– Ты не понимаешь! – Бунин заговорил быстрее и взял на полтона ниже. – Он будет совать свой нос во все щели. Видел, как он сегодня по-хозяйски себя вел?

– Степан, у тебя паранойя. Чем тебе досадила генерал?

– Да что ему вообще делать в экспедиции? Государство представляет Чилингаров, тебе не кажется, что этого достаточно?

– Ну, Чилингаров у нас отвечает за науку и, конечно, за престиж России. А спецслужбы должны обеспечивать безопасность, у них работа такая. Вы же планируете привлечь иностранных ученых, не так ли? А в Арктике – стратегические запасы энергоносителей. Да и проблема границ не решена...

– Ты позволяешь им сесть тебе на шею! Мне-то вообще волноваться нечего. А вот тебе стоит быть аккуратнее. Генерал сегодня очень интересовался твоей персоной. Знаешь, что он спрашивал? – Бунин помолчал, но Гумилев не стал задавать ему вопросов. – Он хотел знать про ваши отношения с Евой. Думал, что это она мешает тебе поехать в экспедицию!

Андрей повернулся и крепко взял Степана за пуговицу пиджака.

– Вот что, Степа, – он старался говорить спокойно, но Бунин уже и сам понял, что сболтнул лишнего. – Наши отношения с Евой касаются только нас двоих. И больше никого. Понятно?

– Конечно, – Бунин побледнел, вся напускная важность стекла с него, как грим под дождем. Андрею стало жаль ученого – в конце концов, он-то в чем виноват? Хотел предупредить, может быть, помочь. – Я просто думал, если ты будешь в курсе...

– Теперь я в курсе, – Гумилев отпустил пуговицу и легонько хлопнул Бунина по плечу. – Со Свиридовым я разберусь. Смотри, завтра не опаздывай!

Сидя в полутемном салоне «Мерседеса» и глядя на пролетающие за окном золотые огни, Андрей думал о том, как легко, в сущности, испортить человеку настроение. Свиридов хотел знать об их отношениях с Евой! А вот кукиш с маслом тебе, генерал! Впрочем... что, если Бунин все выдумал? Облик немногословного сурового генерала плохо увязывался с сующим повсюду свой нос пронырой, которым пытался представить его Степан. Ясно одно: Бунин почему-то очень не хотел, чтобы Свиридов принимал участие в экспедиции. Не хотел... и воспользовался знанием болевых точек своего друга, чтобы настроить его против генерала?

«Значит, наши отношения с Евой – моя болевая точка? – подумал Андрей. – Да, похоже, так оно и есть. Я психую из-за того, что не могу удержать жену дома. И Степан, как старый друг дома, конечно же, знает об этом. Знает... и использует?»

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

День рождения Маруси

Утро праздничного дня началось с того, что Андрей, переодетый в громадного розового зайца, ввалился в комнату Маруси, перепугав няню Валю и приведя в полный восторг свою дочку.

– У кого тут сегодня день рождения?

Девочка выскочила из постели и с визгом кинулась на шею отцу.

– У меня! У меня!

Костюм оказался таким неудобным, что Гумилев потерял равновесие, и огромный заяц, на котором висела Маруся, грохнулся на пол посередине комнаты. Дочка зашлась счастливым смехом.

– С праздником, милая! – еле выговорил Андрей, выплевывая изо рта розовую шерсть.

– Папочка! Я тебя так люблю!!!

Андрей пытался подняться, но сделать это в костюме зайца было не так легко. Пожилая няня с трудом удерживала Марусю, приговаривая: «Ох, Андрей Львович, вы же, наверное, ушиблись!» Гумилев перевернулся на живот, встал на четвереньки и уже готовился выпрямиться, когда Маруся вырвалась из рук Валентины и с боевым кличем индейцев вновь кинулась на отца. На этот раз она оседлала Гумилева и начала нетерпеливо стучать ему ногами по ребрам.

– Покатай меня! – потребовала именинница.

Когда на шум прибежала Ева, она застала своего мужа – одного из самых богатых людей России – скачущим на четвереньках по комнате в костюме розового зайца. На нем торжествующе восседала трехлетняя дочка в легкой пижаме с изображением точно таких же зайцев.

– Ну просто идиллия, – рассмеялась Ева.

Она подхватила Марусю и расцеловала ее.

– С днем рождения, зайка!
– Мама, мама! Смотри! Папа тоже заяц!
– Да, папа у нас отличный заяц. Или даже кролик. Кролик Роджер! – не удержалась от подколки Ева.

– Пойдемте вниз, завтрак на столе, – она оценивающе взглянула на мужа. – Дорогой, а ты бы переоделся. У нашей горничной слабое сердце, не стоит ее пугать.

Андрей послушно стянул с себя голову зайца.

Когда он спустился в столовую, Маруся в нарядном белом платье уже сидела во главе стола. Весь дом был украшен разноцветными воздушными шариками и серпантином, повсюду стояли полные конфет и фруктов вазы, охраняемые большими мягкими игрушками. С огромной плазменной панели, висевшей напротив стола, улыбался клоун с рыжими волосами и красным носом. Время от времени клоун прикладывал к толстым губам трубочку и выдувал радужный мыльный пузырь. Пузырь лопался, разлетавшиеся во все стороны брызги вдруг становились буквами и складывались в поздравления Марусе от родственников и друзей Гумилевых.

– Мам, а что тут написано? – Маруся вскочила из-за стола и подбежала к панели.

– Тут написано «С днем рождения, Маруся! Твоя бабушка». Ты же сама умеешь читать, чего придумываешь?

– А я хочу, чтобы ты читала!

Ева схватила дочку в охапку и водрузила обратно за стол.

– Потом почитаем. А пока надо как следует подкрепиться.

По случаю праздника стол в основном состоял из сладостей, что примирило Марусю с печальной необходимостью завтракать. Расправившись с манговым муссом, украшенным шариками ванильного мороженого, девочка соскользнула со стула и побежала в детскую, где ее ждали новые игрушки. Няня Валя поспешила за ней.

– Непоседа, – улыбнулся Андрей, глядя вслед дочке. – Тебе не кажется, что Валентина за ней уже не успевает?

– Хочешь взять новую няню, помоложе? – подняла брови Ева.

– Да нет, Валя меня вполне устраивает, вот только, боюсь, Ма-

руся ее загоняет. Знаешь, после сегодняшней скачки в костюме зайца я всерьез задумался, не мало ли мы ей платим. Все-таки работа связана с большим риском.

Андрей допил свой мультивитаминный коктейль и поднялся.

– Мне пора ехать. Постараюсь сегодня освободиться пораньше.

– То есть еще до полуночи? – Ева погладила его по щеке. – Мы тебя будем очень ждать!

Штаб-квартира империи Гумилева – льдисто-синяя восьмиугольная башня в пятьдесят этажей – возвышалась над забитым автомобилями проспектом Вернадского. «Мерседес» Андрея, путь которому расчищали два «Лендровера» сопровождения, нырнул в туннель подземного гаража.

Персональный лифт вознес Андрея в его кабинет на последнем, пятидесятом этаже. Просторный зал, залитый светом – его стены представляли собой стеклянные грани огромной призмы, – мог показаться чересчур большим для одного человека и даже вызвать приступ агорафобии. Поляризованные голубоватые стекла были непроницаемы снаружи, но взору хозяина кабинета открывалась практически вся Москва. Величественное здание МГУ на севере, кристаллы небоскребов на Юго-Западе, окаймленная зеленью парков лента Москва-реки в районе Рублевского шоссе... Порой Андрею казалось, что, сидя в своем кресле, он парит над Москвой, словно пилот фантастического летательного аппарата. Впрочем, сейчас ему было не до красот августовской столицы. Бросив ноутбук на белый кожаный диван, Гумилев подошел к столу и нажал кнопку на телефоне.

– Лена, позови ко мне Санича.

Начальник службы безопасности компании появился так быстро, словно ожидал вызова за дверями кабинета. Высокий, полный, с улыбочивым круглым лицом, Олег Санич производил впечатление добродушного увальня. В действительности это был жесткий и цепкий профессионал, прошедший две локальные войны капитаном, а затем майором Главного разведывательного управления Генштаба. После тяжелого ранения, полученного в бою с боевиками «Аль-Каиды», Санич был вынужден выйти в

отставку. Травма позвоночника не позволяла ему поддерживать физическую форму постоянными тренировками, отчего майор очень переживал. Гумилев, искавший специалиста, который мог бы возглавить службу безопасности его растущей империи, сделал Саничу предложение, от которого тот не смог отказаться – стать «экспериментальной моделью» для лаборатории, занимавшейся разработкой искусственных имплантантов. В течение двух лет Олегу заменили поврежденные позвонки на металлокерамические детали, вшили в мышцы специальные электростимуляторы, увеличивающие силу и быстроту реакции, усовершенствовали вестибулярный аппарат, слух и зрение. Теперь коллеги, уважительно посмеиваясь, называли Санича Робокон, но он, кажется, не имел ничего против.

– Здравствуйте, Андрей Львович, – голубые глаза Санича, не мигая, смотрели на Гумилева, и тому в который раз показалось, что вместо черных точек зрачков за ним наблюдают объективы крошечных видеокамер. – Поздравляю с днем рождения дочери!

– Спасибо, – Андрей с благодарностью принял подарок – роскошную иллюстрированную «Энциклопедию Ниндзя», с обложки которой недобро смотрел закутанный в черное персонаж. В руке ниндзя держал поблескивающую метательную звездочку-сюрикен.

Вид металлической звездочки напомнил Андрею о том, что волновало его последние несколько дней.

– Есть какие-нибудь новости по Сингапуру?

– По моей просьбе капитан Чжао провел собственное расследование, – Саничу не нужно было сверяться с блокнотом – как настоящий робот-полицейский, он держал в голове всю необходимую информацию. – К сожалению, оно почти не дало результатов. Личность индуса в розовой рубашке установить не удалось. Личности похитителей – тоже, хотя автомобиль был найден в двадцати километрах от города. Это именно тот «Мицубиси-Тритон», который вы описывали. К сожалению, преступники избавились от отпечатков пальцев – все пластмассовые детали в машине вытерты спиртовыми салфетками. Автомобиль был куплен за неделю до вашего прилета в Сингапур. Покупатель расплачивался кредиткой на имя некоего Лю Вана, однако с вечера девятого августа

кредитка заблокирована, и никаких следов Лю Вана обнаружить не удалось.

– То есть – ничего? – Андрей едва удержался, чтобы не швырнуть «Энциклопедию Ниндзя» на стол. – Прошло уже четыре дня – и все, что удалось обнаружить, это брошенный автомобиль?

– Не совсем так, Андрей Львович, – невозмутимо ответил Санич. – Чжао считает, что похитители, скорее всего, связаны с «Триадами» – вы знаете, это старинная китайская мафия, контролирующая всю Юго-Восточную Азию. На эту мысль его наводит сам почерк неудавшегося похищения, а также марка автомобиля. «Триады» любят «Тритон», некоторые даже устанавливают в кузове управляемый из кабины станковый пулемет. Однако это не главное.

Он выдержал хорошо рассчитанную паузу.

– Капитану Чжао показалась очень интересной деталь, которую вы упомянули, рассказывая об индусе – а именно, металлический паук с лапками. Полиция Сингапура не раз получала информацию о людях, принадлежащих к неустановленному тайному обществу или секте, отличительной чертой которых были такие вот металлические фигурки. Это могут быть пауки, морские коньки, кошки – в общем, любые животные, насекомые или рыбы. По всей видимости, индус принадлежал к их числу.

– И что это нам дает? – нельзя сказать, чтобы Гумилева обрадовало то, что он услышал. Особенно учитывая тот факт, что, по словам Маруси, индус подарил металлическую ящерку Еве, а Ева не торопилась рассказывать об этом мужу.

– Все-таки зацепка, хотя и слабенькая. Если секта окажется причастна к похищениям людей, для полицейского, который сумеет доказать такую связь, это будет прекрасной возможностью подняться по карьерной лестнице. Поэтому можно не сомневаться, что Чжао будет рыть носом землю и в конце концов до чего-нибудь докопается. Он уже задействовал всю свою сеть информаторов...

– И что информаторы? – кисло спросил Андрей.

– Боятся, – пожал плечами Санич. – Видно, репутация у поклонников металлических зверей еще та. Да, вот интересная деталь: один из агентов Чжао, говоря о секте, упомянул каких-то «прозрачных».

– Что еще за «прозрачные»? – насторожился Гумилев.

– Чжао не сумел объяснить – похоже, и сам толком не знал. Но вот в этой книге, – Санич кивнул на «Энциклопедию Ниндзя», – говорится о том, что горные отшельники – ямабуси, которые и создали искусство воинов-невидимок, на высших ступенях своей медитации становились как бы прозрачными – через них проникал солнечный свет.

– Бред какой-то, – Андрей рассеяно пролистал книгу. – Ямабуси, «Триады»... Более реалистичных версий нет?

– Прорабатываем, – сухо ответил Санич.

– Ладно, продолжайте работать.

Отпустив шефа службы безопасности, Андрей уселся за стол, размеры которого наводили на мысль о палубе авианосца. Включил компьютер, проглядел данные, присланные отделами экономического и политического мониторинга, ознакомился с прогнозами основных тенденций на фондовом рынке.

Мелодично промурлыкал звонок интеркома.

– Андрей Львович, к вам Арсений Ковалев, – доложила секретарша.

– Пусть заходит.

Гумилев и сам подумывал о том, чтобы вызвать старого приятеля, но планировал сделать это после обеда. Но Арсений пришел без вызова – видимо, чувствовал, что у Андрея к нему есть претензии.

Когда Ковалев зашел в кабинет, Андрей стоял у огромного панорамного окна, глядя на бурлящий под его ногами город.

– Вот что, Арсений, – Гумилев не стал оборачиваться. – Ты, наверное, и сам догадываешься, что вчера сказал лишнее.

– На заседании Арктического клуба? Да я ведь ничего конкретного...

– Тему испытаний искусственного интеллекта вообще не следует поднимать при посторонних, – перебил его Гумилев. – Эти испытания под большим вопросом. К тому же они слишком рискованны, чтобы кого-то в них посвящать!

– Но, Андрей, без официального разрешения мы все равно ничего сделать не сможем, – Арсений насторожился. Тема предстоя-

щих испытаний всегда вызывала у них много споров, в которых Ковалев неизбежно проигрывал.

На этот раз Гумилев все-таки обернулся.

– Я, кажется, все тебе сказал, – в его голосе слышалось раздражение. – И давай закроем эту тему. Больше никому ни слова о наших планах.

Арсений Ковалев и Андрей Гумилев дружили лет с трех. Родители Сени – репрессированный отец, вернувшийся из колымских лагерей только в годы оттепели, и тихая мать-учительница, которая была намного моложе мужа, – жили по соседству с семьей Гумилева. Дворовая дружба уже в школе переросла в дружбу по интересам, а затем и во взаимовыгодный симбиоз. Высокий, сильный, занимавшийся спортом Андрей взял под защиту сублильного ботаника Сеню, который за это в течение нескольких лет делал за Гумилева домашние задания и решал контрольные.

Еще во время учебы в вузе Гумилев запатентовал ряд своих IT-изобретений и стал первым бизнесменом, сделавшим миллионы на русскоязычном Интернете.

Из всех старых друзей только Арсений искренне и по-доброму радовался успехам Гумилева. Мама Андрея однажды сказала, что у Сени настолько обострено чувство справедливости, что оно вытесняет всякую зависть. Казалось, Ковалев, который каждый день решал, купить себе хот-дог или отложить деньги на новые ботинки, потому что в кроссовках зимой холодно, не испытывал никакого неудобства или стеснения рядом с Гумилевым, выбиравшим между новыми моделями БМВ и «ауди». Конечно, Андрей старался поддерживать друга, но тот, возможно, из-за того же гипертрофированного чувства справедливости, никогда не стал бы брать денег, которые не заработал. В итоге все закончилось тем, что Гумилев взял старого друга к себе в корпорацию, сделав начальником отдела перспективных исследований. Поскольку, кроме исключительных душевных качеств, Ковалев обладал еще острым интеллектом и чудовищной работоспособностью, этот шаг оказался выгодным для обоих. Гумилев получил ценного ра-

ботника, постоянно генерирующего идеи, а Арсений – интересную работу с более чем достойным жалованьем.

Арсений был свидетелем на свадьбе Андрея и Евы, а после рождения Маруси даже вопроса не стояло, кто будет ее крестным отцом.

Для Арсения, который так и не обзавелся семьей, крестины стали грандиозным событием. Он и раньше с восторгом относился к маленькой Марусе, а теперь почувствовал себя полноправным членом семьи Гумилевых.

Глядя в виноватые глаза Ковалева, Андрей почувствовал себя не в своей тарелке. Сейчас Арсений казался ему старым верным псом, по случайности огорчившим хозяина и очень переживавшим из-за этого. Чтобы сгладить возникшую неловкость, Гумилев решил сменить тему.

– Сегодня у нас короткий рабочий день. Сейчас у меня встреча с представителями «Эр Франс», а часов в пять собирайся и поедем к нам. Надо спасти Еву – она, кажется, позвала на детский праздник всех Марусиных подружек!

Ковалев робко улыбнулся.

– Я заезжал к вам час назад – праздник был в самом разгаре! Думаю, все соседи запомнят этот день надолго. Я сам чуть не оглох от детского визга, лопающихся шариков и хлопушек!

– Ты уже был у нас? – удивленно посмотрел на друга Андрей.

– Конечно! Ты думал, я буду ждать вечера, чтобы поздравить мою крестницу? Я на пару минут заехал, отдал подарок – и сразу в офис.

В пять, разумеется, закончить рабочий день не удалось. Как всегда, на Андрея обрушилась целая гора неотложных дел, и только к девяти вечера они с Ковалевым, наконец, покинули штаб-квартиру.

Когда Андрей и Арсений уже ехали в машине, позвонила Ева.

– Дорогой, можешь возвращаться. Все дети разошлись, дома почти тихо. Только все засыпано конфетти и мишурой, но это ничто по сравнению с тем, что тут творилось весь день.

– Да, мне Арсений уже рассказал, – Гумилев подмигнул другу.
– Как Маруся?

– Спит без задних ног. Просила разбудить ее к твоему приезду, чтобы задуть свечки и съесть кусочек торта.

– А ты сама-то как? Силы еще есть?

– Я в порядке. Во время морского сражения в бассейне у меня открылось второе дыхание, – засмеялась Ева. – Завтра отосплюсь, а потом – снова в бой.

Только закончив разговор, Андрей понял, о каком новом бое говорила Ева. Завтра вечером она улетает в тайгу. Гумилев помрачнел. Перемена в настроении друга не укрылась от Арсения, и он озабоченно поинтересовался:

– Какие-нибудь проблемы?

– Что? – Андрей рассеянно взглянул на Ковалева. – Нет-нет, ничего, просто задумался.

Всю оставшуюся дорогу Гумилев старался сосредоточиться на предстоящем семейном торжестве. В конце концов, завтра – это завтра. А сегодня самое главное – сделать так, чтобы день рождения Маруси, начавшийся веселым детским праздником, не был испорчен из-за проблем взрослых людей.

Растрепанная, покрасневшая и абсолютно счастливая Маруся изо всех сил дунула на три оранжевые свечки посередине огромного трехъярусного торта, украшенного фигурками персонажей ее любимых мультиков – от Винни-Пуха до Буратино.

– Ты загадала желание? – хором спросили Бунин и Ковалев, сидевшие за столом друг напротив друга.

– Да. Но я не скажу какое, – важно ответила малышка.

Андрей невольно задумался, что могла пожелать его дочь. Ему казалось, что у Маруси есть все, что только можно купить трехлетнему ребенку. С нематериальными ценностями тоже был полный порядок – счастливая семья, множество подружек и любовь, окружавшая ее со всех сторон. Хотя, может, она загадала встречу с летающим слоном, улыбнулся про себя Гумилев. Кто знает, какие мечты и фантазии живут в голове маленькой девочки?

– Папа, смотри, что мне подарил дядя Сеня!

Маруся уже успела принести откуда-то роботизированного динозавра, водрузила его на стол, и теперь зверь по-кошачьи терся об ее руку, издавая нечто среднее между мурлыканьем и скрипом.

– Это Плео! Он уже узнает меня! – радовалась Маруся.

– Тогда будешь учить его, как правильно вести себя за столом, – Ева еле успела выхватить тарелку с креветками по-креольски из-под ног игрушки.

Андрей видел, что девочка устала от событий, подарков и поздравлений. Она почти засыпала над куском именинного торта, на котором сидел Пятачок с отъеденным ухом. Ева проследила взгляд мужа, сняла пальцем с Марусинога носа кусочек розового крема и подхватила дочку на руки.

– Пойдем спать, моя хорошая. Я тебя уложу.

Маруся не сопротивлялась и сонно повисла на руках у матери. Уже в дверях она вдруг вспомнила, чему ее учили, и кокетливо помахала рукой гостям.

– Спокойной ночи!

– Спокойной ночи, Маруся, – снова хором ответили Бунин и Ковалев.

– Я поцелую тебя на ночь, – сказал Андрей, вставая из-за стола.

Комната малышки была заставлена коробками с еще не открытыми подарками – сегодня на это просто не хватило времени. Когда Ева вынесла девочку из ванной, малышка уже крепко спала.

– Заснула, пока я ее умывала, – улыбнулась Ева.

Андрей помог жене уложить дочку в кровать, засунул ей под руку любимую плюшевую собачку и подоткнул одеяло. В комнате царил полумрак – с потолка падал мягкий рассеянный свет, «предсонный режим», как называла Ева эту функцию. «Умный дом» держал этот свет включенным, пока встроенные в кроватку датчики не сообщали ему, что ребенок, наконец, заснул. Сейчас свет погас, как только Андрей вышел из детской.

Когда Гумилевы спустились вниз, гости уже доедали торт. Андрей налил себе и мужчинам виски, Еве – красного вина и поднял свой стакан.

– За мою наследницу!

– За ее светлое будущее! – добавил Ковалев. – Время пролетит быстро. Скоро будешь думать, кем она станет, когда вырастет, чем будет заниматься.

– У дочери таких замечательных родителей должна быть особая миссия, – мягко сказал Бунин.

– Например, спасти мир! Не больше и не меньше, – Ева лукаво взглянула на своего друга.

Андрей снисходительно усмехнулся.

– Моя дочка сможет купить себе полмира. Пусть его спасают другие. А Маруся может ни о чем не беспокоиться и заниматься в жизни всем, чем захочет. Главное, чтобы она была счастлива.

– Кстати, о каком мире ты говоришь, Ева? – Арсений Ковалев уже слегка захмелел. Он вообще не умел пить – это было одно из его слабых мест. – Мы скоро испытаем экспериментальный модуль станции, которую твой муж создал для покорения Луны. Когда Маруся вырастет, люди будут жить не только на Земле.

– Вот именно. Если с Землей что-нибудь случится – например, падение астероида или еще какая-нибудь катастрофа, – мы сможем переселиться на Луну, Марс или другую планету, которую обживем к тому моменту, – Андрей оседлал любимого конька. – Я не хотел говорить раньше времени, но раз уж мы сегодня спорим о будущем... В следующем году мы запускаем разработку проекта «Искусственное солнце». Если эксперимент закончится успехом – точнее, когда он закончится успехом, – исчезнут многие физические препятствия, мешавшие людям колонизировать другие планеты.

– А как же люди? Ты перевезешь на Луну все семь миллиардов? – Еве явно не понравились слова мужа.

– Ну зачем же все семь? Потом, Луна – довольно маленький мир. Это будет своего рода полигон. А вообще-то мы сделаем свой Ноев ковчег, выберем лучших представителей рода человеческого и отправим в космос.

– Что значит – лучших? Самых богатых, самых успешных? – усмехнулся Бунин.

– Нет, на первых порах самых сильных, выносливых, а главное

– энергичных. Нам нужны люди, подобные тем, что вместе с Ермаком завоевывали Сибирь. Такие, как переселенцы, покорявшие Дикий Запад. Не случайно же фонд, который возглавляет моя любимая жена, называется «Новые рубежи».

– А потом, когда эти новые конкистадоры завоюют другие миры и сделают их пригодными для жизни, отправим туда остальных? – чуть заплетающимся языком спросил Ковалев.

– Именно так. В конце концов, история развивается по спирали. Испокон веков цивилизации всегда гибли и возрождались. Просто на этот раз возрождение произойдет за пределами Земли.

– Не легче ли попытаться сохранить то, что есть? – прищурилась Ева. – Подумать об экологии, например?

– Дорогая, но тогда нужно остановить прогресс! Вернуться, так сказать, к истокам. Пересесть на конные упряжки, закрыть заводы... – Андрею вдруг пришла в голову мысль, как разрядить ситуацию. – Кстати, у тебя ведь перед глазами пример твоих морлоков. Разве их жизнь – не результат такого вот возвращения в первобытное состояние?

– Ну, в определенном смысле – да, – Андрей попал в точку. Ева сразу оживилась, получив возможность поговорить о том, что ей интересно. – Только мы еще не знаем, какие именно факторы привели их к деградации.

– Это вы про кого? – Ковалев, как выяснилось, впервые слышал о морлоках.

Ева решительно поднялась из-за стола.

– Если вы не спешите домой, я могу показать несколько записей.

– Виски рекомендую взять с собой, – заметил Гумилев. – Ева не держит у себя на башне спиртных напитков.

Мужчины, весело переговариваясь, последовали за хозяйкой дома на лестницу, ведущую к башне.

ГЛАВА ПЯТАЯ

Кто в доме хозяин

«Башня» Евы на самом деле была двухэтажной пристройкой, соединенной с домом длинной застекленной галереей, в которой был разбит зимний сад.

Это был подарок Андрея жене к рождению Маруси – их первого и пока единственного ребенка. Когда Гумилев узнал, что Ева беременна, он решил оградить ее от утомительных и небезопасных поездок в центр города, где располагался офис фонда «Новые рубежи». К тому же Ева не любила ездить с водителем, предпочитая самостоятельно водить машину. Конечно, джип сопровождения все равно двигался на некотором удалении от ее красного купе «БМВ», но если Ева замечала, что он подобрался слишком близко, то начинала играть с охраной в «пятнашки» на дороге. До беременности Андрей относился к чудачествам жены совершенно спокойно, но теперь его начали преследовать страхи. В очередной раз проснувшись от кошмара, в котором его жена попадала в аварию, он придумал выход из создавшейся ситуации.

– Давай оборудуем для тебя полноценный офис здесь, дома, – предложил он. – Ты сможешь работать, принимать гостей и проводить совещания. Сделаем отдельный вход и стоянку для машин. По крайней мере для ребенка так будет гораздо лучше!

Ева согласилась – главным образом, для сохранения мира в семье, – но вскоре поняла, что новый проект полностью захватил ее. Ей доставляло огромное удовольствие планировать вместе с архитектором внутреннее пространство и дизайн своего кабинета.

Если штаб-квартира Гумилева была выдержана в жестком хайтек-стиле, из ледяного стекла и голубоватой стали, то «башня» Евы представляла собой царство дерева, камня и теплых натуральных тканей. Полы из португальского дуба, тяжелая мебель из розового палисандра, зеленоватые обои из индонезийских трав создавали мрачноватое впечатление, но Еве там было уютно. Пер-

вый этаж занимала гостиная с удобным диваном цвета сливочного мороженого и овальным столом, за которым Ева проводила мозговые штурмы с сотрудниками, регулярно приезжавшими к ней за город. Здесь же в стену, покрытую полотном из янтарной крошки, был вмонтирован огромный ЖК-экран, где просматривали сделанные в экспедициях записи.

Второй этаж, куда вела пологая деревянная лестница, окаймляла широкая галерея. Там Ева оборудовала свое рабочее место, откуда свободно просматривалась гостиная. На стенах были развешаны яркие картины неизвестных азиатских художников – во время поездок по Индонезии, Малайзии и Камбодже Ева всегда выискивала на местных рынках интересные полотна.

Когда родилась Маруся, няня часто приносила малышку в кабинет к Еве. Пока та работала наверху, дочка спала в кроватке на первом этаже, и Еве было достаточно заглянуть за перила галереи, чтобы убедиться, что с девочкой все в порядке. Чуть позже в гостиной была отведена игровая зона для Маруси, так что Ева могла почти не разлучаться с дочкой и не перекладывать заботы о ней на няню.

Зайдя в кабинет, Ева небрежно махнула в сторону дивана, а сама быстро взбежала по лестнице наверх.

– Вы там пока располагайтесь, я сейчас возьму диски и спущусь, – крикнула она, перегнувшись через перила галереи.

– Кто-то возьмет диски, а кто-то выпьет виски, – пробормотал явно захмелевший Ковалев. Андрей шутливо толкнул друга в плечо, и тот грузно повалился на диван.

Пока горничная расставляла на столе чашки с кофе, Ева так же стремительно сбегала вниз, включила видеосистему и вставила диск в рекордер.

На экране замелькали зернистые серые полосы, затем появилось не очень качественное изображение каких-то зарослей. Ева не отрывала взгляд от экрана, так, будто видела запись впервые.

– А динозавры будут? – осведомился Арсений, наливая себе новую порцию.

– Ни динозавров, ни мамонтов. Зато у нас есть снежный человек! Вернее, еще не человек – скорее человекек. Ребенок ёхху

– маленький, волосатый и смешной. Я учу его говорить, – не оборачиваясь, ответила Ева.

– Откуда... – начал было фразу Арсений, но Ева его резко прервала.

– Потом! Смотрите!

Через заросли протиралось животное размером с небольшого медведя. Оно двигалось на двух ногах, длинные руки свисали почти до самой земли. Когда существо приблизилось к камере, стало видно грязное, покрытое редкой шерстью жилистое тело, с нанесенными на него синими татуировками. Татуировки, сделанные крайне неумело, все же наводили на мысль о том, что перед камерой стоит не животное, а человек. Заросшее щетиной лицо с мощными надбровными дугами, низким лбом и бегающими, глубоко посаженными маленькими глазками было искажено злобной гримасой. Рот существа терялся в неопрятной, спутанной бороде. У существа были широкие плечи, огромные плоские ступни, узловатые длинные пальцы и осанка гориллы. На бедрах у него болталась то ли тряпка, то ли вытертая до проплешин шкура. Существо замерло прямо перед объективом, прислушалось к чему-то. Позвериному припало к земле, потом легко подскочило и бросилось в сторону, мгновенно скрывшись из зоны наблюдения.

На экране вновь зазмеились серые полосы, затем пошла запись с другой камеры. Изображение было не таким четким, поскольку объекты наблюдения находились на приличном расстоянии от оператора. На этот раз их было уже трое. Существа, выглядевшие примерно так же, как и первое, сцепились на поляне. Драка была короткой – двое бойцов легко одолели третьего. Несколько минут они продолжали остервенело пинать безжизненное тело ногами, затем победители бросили свою жертву и, не оборачиваясь и не глядя друг на друга, разошлись в разные стороны.

– Это неандерталыцы? – нарушил молчание Ковалев.

– Мы называем их морлоками. Кем они сами себя считают, мы еще не выяснили, – Ева пыталась шутить, но это выходило у нее плохо – она была слишком взволнована.

– Так вам удалось открыть замершую в своем развитии микрогруппу реликтовых гоминидов? Их не коснулась эволюция?

– Нет... Мы почти уверены, что эти люди прошли путь эволюции. Но в результате действия какого-то загадочного фактора их развитие остановилось и пошло в обратную сторону. Они стали деградировать. И деградируют до сих пор.

– Как такое могло произойти?

– Это мы и хотим выяснить. Но для этого нужно наблюдать за ними в течение хотя бы нескольких лет. А это возможно только при условии, что о существовании морлоков не будет известно никому, кроме участников экспедиции. Поэтому все, что связано с проектом, держится в строгом секрете. Если информация просочится в прессу, в тайгу съедутся толпы ученых и журналистов. И тогда можно забыть обо всех исследованиях, ты же понимаешь.

– Дорогая, это на них ты готова меня променять? – попытался пошутить Гумилев, но тут же стал серьезен. – Тебе не кажется, что это слишком опасно?

– Брось, Андрей, – вмешался Бунин. – Ученые сидят в подземном бункере, все наблюдения ведутся через управляемые дистанционно камеры. Никаких прямых контактов – это запрещено правилами проекта. Чистота эксперимента будет сохраняться только при условии, что морлоки не будут знать о присутствии там других людей. Все абсолютно безопасно.

– Но как же люди попадают в этот бункер? – поинтересовался Ковалев.

– К лагерю ученых ведет полуторакилометровый подземный ход, – объяснила Ева. – Он выходит на поляну, специально расчищенную для посадки вертолета. Так я и попаду в бункер. Есть и резервный выход на поверхность, ведущий непосредственно в лагерь, но им разрешено пользоваться только в крайних ситуациях, чтобы не привлекать внимания объектов наблюдения.

В это время на экране появилось мутное изображение толпы морлоков – съемки велись в темноте, но поляну, где находились существа, освещало несколько костров. На этот раз морлоки выглядели необычно – их тела казались намазанными каким-то блестящим маслом, из-за чего они стали менее мохнатыми и больше похожими на людей. Татуировки тоже стали заметнее. В руках существа держали странные предметы, похожие на копья, большие

камни, деревянные плоски и доски. Несколько секунд морлоки стояли неподвижно, подняв головы к темному небу. Вдруг они разом начали двигаться в каком-то диком танце вокруг костров, но делали это бесшумно, не издавая никаких звуков. Казалось, каждый из них исполняет одному ему известную роль. В темноте, подсвеченной кострами, и полной тишине это зрелище выглядело зловещим и отталкивающим.

– Это праздник новой луны, – начала рассказывать Ева. – Морлоки поклоняются природным силам, а свою жизнь отсчитывают по новым лунам. В новолуние они как будто впадают в религиозный транс. Часами так танцуют, – она кивнула на экран, где продолжали сомнамбулически двигаться странные существа, – и не замечают ничего, что происходит вокруг. Поэтому мы свободно можем приземляться на вертолетной площадке, выгружать оборудование и вещи. В полнолуние у них тоже бывает праздник, но совсем другой, они пьют наркотическое зелье и рыщут по всей территории, разрывая пойманных по пути животных на куски. Поэтому полеты над территорией морлоков разрешены только в ночь новолуния.

– И где же расположено это место? – Ковалев с интересом наблюдал за морлоками, которые водили свои зловещие хороводы вокруг костров.

– Тебе понравится – это место называется Бараки Ада, – улыбнулась Ева. – Это в Сибири, там совершенно фантастическая природа. Завтра я отправляюсь в Хабаровск, оттуда – в тайгу. А через месяц обратно.

– Завтра? – Бунин посмотрел на часы. – Уже сегодня! Что-то мы засиделись за полночь, пора оставить хозяев наедине: им теперь не скоро удастся побыть вдвоем.

Бунин усмехнулся так, что Андрею вдруг захотелось дать ему в зубы. Ева заметила, как сузились глаза мужа, и быстро встала с дивана, подавая знак, что вечер закончен.

– Спасибо, что пришли! Маруся была очень рада.

Проводив гостей до машин, которые ожидали их возле ворот, Ева и Андрей не стали возвращаться сразу в дом, а задержались на веранде. Несмотря на поздний час, воздух был теплым, словно парное молоко. По темно-синему куполу неба скатывались сере-

бряные капли падающих звезд. Ева прислонилась спиной к перилам, муж подошел вплотную, обнял ее за тонкую талию. Андрей был на голову выше жены, и когда она – так, как сейчас – смотрела на него снизу вверх, он видел перед собой маленькую, послушную и беззащитную девочку. Впрочем, никто лучше Гумилева не знал, как обманчиво это впечатление.

– Я не хочу, чтобы ты уезжала.

– Знаю, милый. Но мне это очень нужно. Пойми меня, пожалуйста, – глаза Евы заблестели. – Я очень люблю тебя и Марусю. Но, когда я здесь, в этом мире, в этом доме, в этом городе, где никого не интересует ничего, кроме денег, мне кажется, что настоящая жизнь проходит мимо. У меня ничего не происходит. Понимаешь?

– Не понимаю. Чем дом-то тебе не угодил?

– Дом чудесный! Но я здесь как на острове... нет, даже не как на острове. Представь, что ты на космической станции, летящей по орбите над Землей! Она может быть очень комфортабельная, настоящий космический отель, но ты все равно будешь чувствовать себя оторванной от настоящей жизни!

– Но ты ведь работаешь! Ты проводишь совещания, получаешь все данные из экспедиций. Какая космическая станция, не выдумывай!

– Но ведь и космонавты получают всю необходимую им информацию, проводят эксперименты... вот только от настоящей жизни их отделяют триста пятьдесят километров!

– Знаешь, – Гумилев немного отстранился, – ты так все описываешь, что мне даже становится стыдно. Получается, будто я тиран, который посадил тебя в золотую клетку и контролирует каждый шаг.

– Не обижайся, Андрюш, – Ева попыталась теснее прижаться к нему, но очарование вечера уже прошло, и он не почувствовал в ее движении искренности. – Знаешь, как раньше называли ученых, которые делали свои открытия, не тратя время на поездки и экспедиции? Кабинетные крысы! Я не хочу быть такой!

Гумилев выпустил Еву из рук и отошел в сторону. Стоя в глубине веранды, он смотрел на жену: ее волосы горели в свете луны, а лицо оставалось в темноте. Какие эмоции она испытывала, оста-

валось загадкой. Сам же Андрей был очень зол – на нее, но в большей степени – на себя. Он дал ей все, что она просила, но так и не смог удержать ее дома.

– Ева, послушай теперь меня. Я устал от всей этой гонки. Мне тоже надоел этот город, бесконечные пробки, пустые переговоры, бессмысленные встречи.

– Но у тебя есть твой бизнес, ты всегда в гуще событий!

– И это мне тоже надоело. Я десять лет занимаюсь своей корпорацией, ты же знаешь: там все работает, как часы. По большому счету мне совершенно не обязательно ездить каждый день на работу или деловые встречи. Все, что нужно, я всегда могу решить дистанционно – по телефону или Интернету.

– К чему ты ведешь?

– Я хочу пожить в свое удовольствие. Я нашел отличный дом на берегу океана – в Малайзии, на острове Лангкави. Помнишь, я пытался рассказать тебе о нем в Сингапуре? Ты только подумай: не надо никуда бежать, играть роли, решать вопросы. Можно просто наслаждаться жизнью. И как хорошо будет Марусе расти на чистом океанском воздухе!

– Но, Андрей! Как же твои грандиозные планы? Твои терраформирующие станции, твой проект «Искусственное солнце»?

Гумилев помрачнел.

– Ты права, конечно. Я тоже об этом думал. Но испытание модуля пройдет уже через несколько месяцев, а «Искусственное солнце» мы запустим в следующем году. После этого я сделаю передышку. Невозможно всю жизнь бежать по кругу, как хомяк, которого посадили в колесо. В конце концов, я имею право воспользоваться плодами своих трудов до того, как превращусь в шамкающего старикашку с болезнью Альцгеймера!

Ева дернула его за рукав.

– Не говори глупости! Я согласна, что Лангкави – просто земной рай. Но, Андрей, ведь там жизнь совсем остановится! Чистый воздух, море, обезьяны... но сколько так можно прожить? Две недели, месяц? А что потом? Я же завою от скуки!

– Черт, Ева! Когда мы успели стать такими разными? – Андрей сделал шаг к жене и слегка встряхнул ее за плечи.

– Мы всегда такими были, Андрюш. Просто раньше... раньше влюбленность не позволяла замечать различий, а потом родилась Маруся и стало не до этого...

– Теперь, значит, влюбленность прошла? – Гумилев не сумел скрыть сарказм.

– Ох, Андрюш, это же все эмоции! Они перестали туманить разум и выросли в настоящие чувства. Я люблю тебя. Но мне нужна моя собственная жизнь. Ты правильно сказал: замечательно, когда не надо играть роли. И, если мы уедем на Лангкави, мне придется играть роль жены и матери, но мне-то нужно гораздо больше!

– А мне нужна жена, Марусе – мать! Я рад, что у тебя есть увлечения. Мне было бы скучно с тобой, если бы тебя интересовали только салоны и бутики. Но сейчас ты переходишь всякие рамки. Что значит, ты будешь играть роль? Ты женщина, это твое предназначение, а не тяжкая повинность. Или не так? – голос Андрея стал жестким. Либерализм в отношениях явно не принес им ничего хорошего. Пора переходить к расстановке акцентов на том, кто в доме хозяин.

Ева отвернулась, обхватила себя руками за плечи, сразу став похожа на нахохлившегося птенца.

– Андрюш, милый, не дави на меня. Дай мне время. Мне действительно нужно разобраться в себе, многое понять. Давай я съезжу в тайгу, и потом мы вернемся к этому разговору? Обещаю, что серьезно подумаю о твоём желании перебраться в Малайзию, – Ева почувствовала, что надо срочно гасить конфликт.

Но Андрей не захотел в очередной раз заминать эту болезненную для их отношений тему.

– Вот что, милая. Насчет этой поездки мы уже все решили еще в Сингапуре. Пусть так. Поезжай. Но это последняя твоя экспедиция в тайгу. Хватит. После возвращения ты будешь работать только в Москве. Ну, или на Лангкави.

Ева круто развернулась к нему.

– Но, Андрей!

– Тебе будут присылать все необходимые материалы. Если надо, я построю тебе еще один офис. Или зоопарк для твоих снежных людей и морлоков. Но это будет здесь, а не за тысячи километров от дома.

– А если я не соглашусь? – Ева, привыкшая выходить победительницей из всех споров с мужем, с вызовом взглянула на него.

– Я прекращу финансирование твоего проекта и выставлю на торги подземную базу в тайге, – Андрею нелегко дались эти слова, но он твердо решил настоять на своем.

– Это последнее, что ты должен был делать – шантажировать меня своими деньгами! – Ева задохнулась от злости.

– Вот именно, последнее! Других аргументов ты не слышишь.

– Ты сейчас ведешь себя со мной, как со своими деловыми партнерами, которых нужно прогнать любой ценой!

– Ты сама вынуждаешь меня к этому, – Андрей уже был не рад, что начал этот разговор. Но раз уж начал, нужно было закончить.

Минуту Ева молчала и пустым взглядом смотрела сквозь мужа.

– Хорошо, Андрей. Будет так, как ты скажешь. Ты тут хозяин, – она сказала это так медленно и спокойно, что Андрей тут же почувствовал себя подлецом. Но он был уверен, что в итоге его жесткость принесет их семье только пользу. Ева слишком заигралась в Индиану Джонса в юбке. Слишком поверила в то, что главная в их семье – именно она. А это было неправильно.

Некоторое время они молча стояли на веранде, глядя на разбросанные по саду перевернутые плетеные стулья и кресла, застрявшие в ветвях воздушные шарiki и блестящие в свете садовых фонарей разноцветные ленты. Праздник кончился, подумал Андрей.

– Ты иди спать, я еще немного тут постою и приду, – Ева отвернулась, пытаясь скрыть слезы. Андрею захотелось обнять жену, прошептать ей на ухо что-нибудь ласковое, но он боялся, что такое проявление чувств будет истолковано как слабость.

Он пожал плечами и вошел в дом.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Первая встреча, последняя встреча

Андрею приснилось море. Ласковое, лазурное, раскинувшееся под ярким тропическим небом. Он стоял босиком на теплом белоснежном песке, держа за руку Марусю, и смотрел на приближающуюся к ним легкую яхту под розовыми от рассветного солнца парусами. На носу яхты стояла девушка – во сне Андрей был уверен, что это Ева, хотя не мог различить лица. Потом девушка, грациозно изогнувшись, прыгнула в воду и поплыла к берегу в ореоле сверкающих брызг. Но чем ближе она подплывала, тем отчетливее видел Андрей, что с ней творится что-то неладное. Загорелые руки превратились в черные плавники, волны рассекало мокро поблескивающее вытянутое тело большого дельфина. Андрей хотел отвернуться, но его словно парализовало, и он застыл на берегу, наблюдая за страшным превращением своей жены. Потом Маруся выдернула свою ручку из его ладони и бросилась в море, туда, где плескалось животное, минуту назад бывшее Евой...

Гумилев застонал и проснулся. Он лежал поперек их огромной кровати, сжимая в объятиях Евину подушку. То, что Ева так и не пришла ночевать в спальню, он понял сразу.

Несколько минут он лежал, глядя в потолок и пытаясь удержать в памяти рассыпающиеся на глазах фрагменты сегодняшнего сна. Сон, без всякого сомнения, был наполнен символами и смыслами, вот только Андрей совершенно не разбирался в толковании сновидений.

«Может быть, сон говорит о том, что Ева сильно изменилась в последнее время? Настолько, что я почти перестал ее понимать?»

Да, без сомнения, его жена разительно отличалась от той юной и чрезвычайно самоуверенной особы, с которой Андрей Гумилев познакомился семь лет назад. Их знакомство произошло на конференции, посвященной «социальной ответственности крупного бизнеса перед наукой», проходившей под эгидой партии власти. Смысл ме-

роприятия заключался, главным образом, в том, чтобы заставить предпринимателей раскошелиться и оказать спонсорскую поддержку перспективным разработкам российских ученых. Кроме того, следовало продемонстрировать перед телекамерами горячую заинтересованность отечественных капиталистов в инвестировании в наукоемкие производства, представить массовой аудитории бизнес, делающий ставку на развитие высоких технологий, а не на сырьевую экономику. Поскольку предпринимателей, по-настоящему готовых вкладывать деньги в инновации, среди гостей практически не было, в атмосфере конференции чувствовался тонкий душок лицемерия. Впрочем, присутствие Гумилева во многом выручало организаторов мероприятия: его компания, занимавшаяся инновационными разработками, уже тогда приносила многомиллионные прибыли, а сам Андрей служил олицетворением «предпринимателя новой формации», о чем так любили писать СМИ.

Довольно быстро устав от назойливых журналистов, Гумилев сбежал в бар, где наткнулся на Петра Чернецкого – молодого преуспевающего выпускника Академии имени Губкина, недавно купившего контрольный пакет акций периферийной нефтедобывающей компании. В отличие от матерых зубров нефтянки, не лишенный представления о последних достижениях науки Чернецкий мог поддержать разговор о необходимости внедрения новых технологий – правда, только в сфере добычи и транспортировки энергоносителей. Впрочем, он был веселым малым и относился ко всему происходящему со здоровым цинизмом.

– Слушай, старик, – сказал он, хлопая Андрея по плечу. – Меня вся эта говорильня изрядно подзае..ла. Давай-ка хлопнем граммов по триста хорошего вискаря – я тут в буфете видел «Лафройг».

Андрей не стал отказываться, и они удалились в дальний угол бара, где, как выразился Чернецкий, «ни один журналюга нас не найдет. А если найдет, будем отстреливаться».

На столике, который они облюбовали, лежал маленький мобильный телефон в черепаховом корпусе. Андрей покрутил головой, ища его хозяина – или, скорее, хозяйку, – но сидевшие за соседними столиками бородатые профессора и монументальные дамы явно не проявляли никакого интереса к оставленному телефону.

– Хорошо жить стали, – сказал Чернецкий, небрежно отодвигая телефон к краю стола и ставя на стол бутылку «Лафройг». – Мобильниками разбрасываются. А помнишь, Андрюх, еще лет семь назад какая круть была – мобила? Такие гробы с собой таскали, размером с армейскую рацию! У кого мобилы не было – тот однозначно лох!

Они успели опустошить бутылку на треть, когда черепаховый телефон издал приятный мелодичный звук и слегка завибрировал, двигаясь по полированной поверхности столика по направлению к Чернецкому.

– Возьми, – хмыкнул Андрей, – это тебя!

Чернецкий двумя пальцами взял маленький телефон, раскрыл и приложил к уху.

– Але, – промурлыкал он, явно подражая Калягину в роли тетушки Чарли, – это кто? Ой, а вы куда звоните? Девушка, я спрашиваю, куда вы звоните? Что? Забыли телефончик? Так это ваш? Ой, а мы-то думаем, чей тут телефон валяется! Где? Да тут, в баре. Подходите, да, мы ждем!

Он захлопнул крышку телефона и посмотрел на Гумилева абсолютно трезвыми глазами.

– Они сейчас подойдут. Скажу, что это ты с ними разговаривал.

– Голосом старого педераста? – усмехнулся Андрей. – Нет уж, ты эту кашу заварил, ты и расхлебывай. Сейчас припрутся какие-нибудь журналистки, а потом скандал в газете. «Невинные забавы молодых олигархов». Эх, боцман, дурак ты, и шутки твои дурацкие...

Он ошибся. Девушки, подошедшие к их столику, не были журналистками – это стало ясно по их бейджикам. У худенькой блондинки в бежевом деловом костюме на бейдже было написано «Анна Токарева, Институт биологической медицины», бейдж ее спутницы, одетой в черную узкую юбку-карандаш и белую блузку со стоячим воротником, извещал, что она Ева Казанцева из Института развития человека. Анна, смущаясь, начала бормотать что-то о том, что она не хотела причинять никому беспокойства, но Ева ее перебила.

– Просто Аня у нас Маша-растеряша, вот и все. Спасибо, мальчики, что не прикарманили игрушку.

«Мальчики» переглянулись, едва удержавшись от того, чтобы не захохотать в голос.

– Да, конечно, большое спасибо, – пролепетала блондинка. Ева потянула ее за рукав.

– Ну, все, пошли, не будем мешать занятым людям.

Чернецкий поднялся из-за стола, галантно подвинул девушкам два плетеных кресла.

– Не торопитесь, девочки! Мы с другом с удовольствием угостим вас шампанским. Правда, Андрей?

Он явно забавлялся, вспоминая студенческие времена. Гумилев не любил незнакомых людей в компании, но девчонки вроде бы не выглядели хищницами из породы «охотниц за олигархами». Просто молоденькие аспирантки или новоиспеченные кандидаты наук, каким-то чудом получившие приглашение на закрытую конференцию. По нынешним временам редкость: молодежь не слишком охотно шла в фундаментальную науку, и HR-департамент компании Гумилева с трудом отыскивал подходящие кадры среди выпускников вузов. «Любопытно поглядеть, что они из себя представляют», – решил Андрей и согласно кивнул.

Ева и Аня, как и полагается приличным девушкам, поломались, но потом все же согласились выпить с симпатичными молодыми людьми – но не шампанского, а всего лишь кофе. Андрей и Петр продолжали дегустировать односолодовый шотландский виски, и, может быть, именно из-за этого разговор за столиком тек легко и непринужденно.

Как любой состоятельный и вдобавок привлекательный мужчина, Андрей привык к избыточному женскому вниманию. То, что в начале его восхождения казалось сверкающим призом: ты богат, а значит, любая девушка может стать твоей – в действительности обернулось довольно серьезной проблемой. Красавицы модельной внешности наперебой демонстрировали желание окаться с ним в постели, соревнуясь в умении стильно одеться и поддержать светскую беседу. При этом каждая старалась подчеркнуть свои особые достоинства – умопомрачительную длину ног,

размер и форму бюста, мягкость подправленных силиконом губ. Ничего плохого в этом, разумеется, не было. Плохо было то, что каждая из них хотела быть с Андреем не потому, что он нравился ей как мужчина, а потому, что он был миллионером (в те времена Гумилев еще только готовился к тому, чтобы заработать свой первый миллиард). И даже против этого Андрей не имел бы никаких возражений – в конце концов, любая девушка мечтает о бриллиантах и дорогих машинах, – если бы в какой-то момент ему не стало ясно, что для красоток, старательно изображающих пылкие чувства, в принципе все равно, с кем просыпаться утром – с ним, с Чернецким, с пожилым «бокситным королем» Урала Сундуковым или даже с горбатым владельцем сети фармацевтических предприятий Брумелем. Принципиальным для них был запах богатства, который они чуяли лучше, чем вышедшая на тропу рысцует свежую кровь.

Еще хуже было то, что многие девушки ставили своей целью во что бы то ни стало выйти замуж за олигарха. Это был целый бизнес, включающий в себя сводников, информаторов, владельцев баз данных, специалистов по подстроеным «как бы случайным» встречам, частных детективов, шоферов, охранников, массажистов, шантажистов и тому подобных людишек, кормящихся крохами, падающими со стола сверхбогачей. Зная о существовании таких профессиональных «охотниц», Андрей поневоле начинал сомневаться в каждой новой знакомой. Вот и сейчас: не была ли подстроена ситуация с мобильником заранее? Но откуда девушкам было известно, что приятели выберут именно этот столик? Правда, других свободных столиков поблизости не было, но ведь, если бы не желание сбежать от надоедливых журналистов, они могли бы остаться у стойки бара.

Так ничего и не решив, Гумилев принялся изучать оживленно болтающих с Чернецким подруг. То, что лидером в этом тандеме была Ева, сомнений не вызывало: яркая, заводная, с бедовыми зелеными глазами, она мало походила на человека, серьезно занимающегося наукой. Андрей плохо знал биологию, но кое-каких терминов у сотрудников своей биохимической лаборатории хватался. Когда разговор зашел о новой технологии пересадки

стволовых клеток, он воспользовался этим обстоятельством и задал Еве несколько коварных вопросов.

К его удивлению, Ева не только с ходу ответила на все вопросы, но и тактично дала ему понять, что в этой сфере знания он является полным дилетантом. «Ага, – подумал Андрей, – ну-ка, посмотрим, так ли ты хороша в других областях!»

Оказалось – хороша. Когда Андрей в очередной раз был вынужден признать свое поражение, Ева засмеялась и сказала:

– Андрей, ну почему вы все время стараетесь выглядеть умнее, чем вы есть? То, что к науке вы не имеете никакого отношения, видно невооруженным глазом. Вы и ваш друг, наверное, из этих, – она показала пальцем в потолок, – из спонсоров, да? Ну так зачем же прикидываться?

– Вот, – засмеялся Чернецкий, – Андрюха, приложили тебя! Не в бровь, а в глаз!

Гумилев тоже улыбнулся, не желая показывать, что ирония Евы его задела.

– Вообще-то я считаюсь неплохим специалистом в области интеллектуальных технологий.

– Зачем же вы оправдываетесь? – поддразнила его Ева. – Я же не говорила, что вы вообще ни на что не годны, кроме манимейкерства. Просто ученых хорошо видно со стороны.

– Вы тоже не слишком похожи на синий чулок, – буркнул Андрей.

– Мы – специалисты новой формации, – Ева подмигнула подруге. – Вот, например, Аня – специалист по метилированию ДНК. Точнее, по ДНК-метилтрансферазам. Таких, как она, в России три человека.

– Пять, – робко проговорила Аня.

– Пусть пять. Как бы то ни было, эксперты такого уровня – это золотой фонд страны.

– А какой толк в этом метилировании? – ухмыльнулся Чернецкий. – Оно вообще кому-нибудь, кроме этих пятерых, интересно?

– Не метилировании, а метилировании, – Ева перегнулась через стол и взяла ладонь Чернецкого своими тонкими пальцами. – Вот смотрите, Петр. Сейчас вы молоды, здоровы и богаты. У вас силь-

ные руки с хорошей кожей. Но представьте, что через сорок лет вы состаритесь. Увы, это неизбежно. Мышцы ваши станут дряблыми, кожа покроется старческими пятнами и складками...

Гумилев вдруг поймал себя на мысли, что ему неприятно видеть, как эта дерзкая зеленоглазая девчонка прикасается к Чернецкому. Почему она не взяла его руку?

– Но к этому времени исследования Ани позволят врачам управлять деятельностью клеток человеческого организма. В том числе и омолаживаться, причем кардинально. Вы пройдете курс клеточной терапии, и вот, смотрите: ваше тело вновь стало сильным и красивым, кожа разгладилась, мышцы обрели прежнюю гибкость...

Счастливый владелец нефтедобывающей компании, как заводской, смотрел на свою ладонь.

– Зубы новые выросли, – задумчиво проговорил Гумилев, – так что вставную челюсть можно выбрасывать...

– Потрясающе! – засмеялся Чернецкий. – А это не разводка? Ну, знаете, вроде средства от облысения?

Ева собиралась ответить какой-то колкостью, но Андрей предостерегающе дотронулся до ее руки. Он сам удивился, каким естественным получился у него этот жест.

– Давайте послушаем нашего уникального специалиста.

Аня очень мило засмущалась, щеки ее вспыхнули пунцовым румянцем.

– Это одно из наиболее перспективных направлений современной науки. К сожалению, у нас в стране на фундаментальные исследования выделяют совсем небольшие средства. А вот в Штатах, где я проходила стажировку, и государство, и частные компании вкладывают огромные суммы в генную инженерию...

– Потому что хотят жить долго, – добавила Ева.

– Расскажешь мне об этом поподробнее? – Чернецкий очень естественно перешел с Аней на «ты». Гумилев удивился: он всегда искренне считал, что приятеля не интересует ничего, кроме его любимой нефтянки. Вмешиваться, впрочем, он не стал – интерес Петра к Анне его вполне устраивал. Андрей понял, что Ева чем-то его зацепила: то ли тем, что не боялась с ним спорить и делала это вполне аргументированно, то ли ироничным отношением

к его богатству, то ли просто тем, что была совсем не похожа на девушек, с которыми Гумилев общался в последние годы. Вечер закончился тем, что Чернецкий уехал с Аней; Ева от предложения отвезти ее домой наотрез отказалась, сославшись на какие-то дела. Ложась спать, Андрей поймал себя на мысли, что постоянно думает о девушке с зелеными глазами, а на следующий день послал курьера в институт, где работала Ева. На визитной карточке, где были перечислены все его регалии, он написал: «Милая Ева, без Вас мне скучно в моем раю. Приглашаю Вас сегодня вечером на ужин в ресторан «Кантинетта Антинори». Мой шофер заедет за вами в 18.00. Пожалуйста, не отказывайтесь!» К визитке он добавил голубую картонную коробочку.

Ева пришла в ресторан с распущенными по плечам волосами, подведенными глазами и в сиреновом платье по колено, плотно облегающем ее точеную фигуру. Из украшений на ней была только подвеска с полуторакатным бриллиантом, присланная Андреем с утра.

– Я был почти уверен, что ты откажешься от подарка, – сказал Гумилев, целуя ей тонкую руку.

– Почему? – улыбнулась Ева. – Достойный подарок от благородного человека – почему я должна отказываться?

«Потому что девяносто процентов девушек начали бы ломаться, убеждая меня в том, что они не могут принять бриллиант, который их к чему-то обязывает, – подумал Андрей. – Потому что им нужен не один бриллиант, а сотни. И все они рассчитывают получить эти бриллианты, продемонстрировав, какие они хорошие, немеркантильные девочки».

– Я рад, что ошибся, – искренне сказал Андрей. – Не люблю чересчур предсказуемых людей.

– В этом мы похожи, – Ева чуть прищурила свои зеленые кошачьи глаза. – Поэтому мне сейчас немного скучно.

– Почему? Тебя не прельщает тосканская кухня?

– Нет, я как раз люблю Италию и все, что с ней связано. Просто все действительно слишком предсказуемо. Дорогой подарок, ужин в элитном ресторане... потом ты отвезешь меня домой и зайдешь на чашечку кофе... или ты не женат и пригласишь меня к себе?

Гумилев сдержанно улыбнулся – так улыбается гроссмейстер, загоняя в ловушку талантливую, но неопытную шахматистку.

– Я действительно не женат, но планы на оставшуюся часть вечера у меня совершенно другие. Сейчас мы поужинаем и поедем на экскурсию.

– Куда-куда? – весело переспросила Ева.

– Я покажу тебе сердце своей компании – новый исследовательский центр. Мы спустимся в подземные лаборатории, оснащенные сверхсовременным оборудованием. Проедем по цехам настоящего завода, где делают лучшие в мире процессоры для искусственного интеллекта. Ты увидишь самые интересные разработки ученых, работающих на мою компанию. Ну как, нравится программа?

– Еще бы! – Ева мгновенно сбросила с себя всю напускную тоимость, с которой она рассуждала о «предсказуемости» Андрея, и превратилась в азартную девчонку, охваченную жадой приключений. – А может, ну его, этот ужин?

Андрей не стал спорить, и они покинули «Кантинетту Антинори», так и не притронувшись к закускам – к большому разочарованию шеф-повара. Всю ночь Гумилев показывал Еве технологические чудеса своего исследовательского центра, и к утру оба почувствовали, что жутко проголодались. Ужин, он же завтрак, был сервирован в пентхаусе Гумилева и состоял из заказанной по телефону пиццы и банки маслин – больше ничего Андрей предложить гостю не смог, поскольку дал горничной выходной еще накануне. Но Ева, кажется, была не в претензии.

Утро застало их в растерзанной постели, где среди тончайших испанских простынь чернели варварски раздавленные маслины. Пробивавшиеся через жалюзи солнечные лучи превращали загорелую Еву в изящную золотую статуэтку. Андрей смотрел на ее тонкие, незащищенные руки, на стройные ноги, закинута на скомканное одеяло, на чуть трепещущие ресницы и думал о том, что нашел наконец свое счастье.

С тех пор прошло семь лет, и вот теперь он просыпается один в пустой спальне, а его счастье проводит ночь у себя в кабинете. А потом улетает в тайгу на целый месяц. «Отрицательная динамика», как называли бы это его аналитики.

«С воспитательной точки зрения было бы правильно молча уехать в офис, не разговаривая с ней», – подумал Гумилев. С другой стороны, отпускать жену в экспедицию, не помирившись с ней, ему не хотелось. Вчера он погорячился – конечно, сворачивать исследования в Сибири нерационально. Слишком ценные данные может добыть для него научная база в глубине непроходимой тайги. Одно открытие племени снежных людей – ёхху – само по себе может войти в анналы науки. А тут еще загадочная история с быстро деградирующим обществом морлоков... Андрей чувствовал, что ёхху и морлоки вовсе не случайно обитают в одном районе. Существует какой-то фактор – а может быть, целый комплекс факторов, – объясняющий эту аномалию. И, когда его ученые докапаются до истины, Андрей найдет, как распорядиться этими уникальными сведениями.

Гумилев спустился вниз, прошел через стеклянную галерею с зимним садом в «башню» Евы. Дверь ее кабинета не была заперта. Ева, свернувшись калачиком, лежала на том самом оливковом диване, на котором они с гостями смотрели вчера фильм из жизни морлоков. Прямо в лицо Еве бил солнечный свет, но это никогда не мешало ей спать. Андрей всегда плотно задергивал шторы в спальне – при его светочувствительности яркие лучи будили его уже на рассвете. Ева же любила просыпаться в залитой солнцем комнате. «Тогда я точно знаю, что новый день уже наступил! И солнце светит, и все будет хорошо!» – не раз повторяла она.

Подойдя к дивану, Андрей осторожно опустился на колени, так, что его лицо оказалось вровень с лицом жены. Ева наверняка услышала его шаги и проснулась – об этом можно было судить по изменившемуся ритму дыхания, – но не стала открывать глаз.

– Ева! – прошептал Андрей.

Жена не отозвалась, но длинные ресницы ее едва заметно вздрогнули. «Как тогда, в наше первое утро вдвоем», – подумал Гумилев. Он чувствовал странную печаль. Все действительно было очень похоже – даже лучи солнца падали под тем же углом, как и семь лет назад. Вот только сами они стали другими – и превратиться в прежних беззаботных любовников им было уже не дано.

– Ева! – снова позвал он и легонько дотронулся до ее теплых, сонных губ своими. – Просыпайся, милая!

– М-м-м, – Ева потянулась и приоткрыла глаза. – Доброе утро, дорогой! Я засиделась допоздна, заснула часов в пять утра... Завтракай без меня, хорошо?

– Ладно, – он подоткнул грозившую упасть на пол подушку. – Я просто хотел пожелать тебе хорошей дороги. Позвони сразу же, как доберешься до станции. И будь осторожна, пожалуйста, – он замялся, потом добавил: – Не сердись на меня.

Но Ева уже снова опустила ресницы, никак не отреагировав на его слова. Или задремала, или решила не возвращаться к теме их вчерашней ссоры. На сердце у Андрея легче не стало, но он решил поддержать игру жены – в конце концов, время поможет ей справиться с обидой. Гумилев коснулся губами ее щеки и тихо вышел из кабинета.

Больше они не виделись.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Обман

Первое сообщение от Евы пришло утром следующего дня: «Я в Хабаровске, все хорошо. Через три часа вылетаю вертолетом на базу. Люблю, целую!»

Андрей улыбнулся – слово «люблю» говорило о том, что Ева больше не злится на него. «Все-таки она лучшая женщина в мире», – подумал он, чувствуя, как отпускает владевшее им со вчерашнего утра напряжение. Набрал номер, но мобильный жены был недоступен.

– Связь на грани фантастики, – недовольно проворчал Андрей. На всякий случай набрал ей ответное сообщение: «Рад за тебя, будь осторожнее, пиши. Мы с Марусей ждем тебя. Привет морлокам!»

Эсэмэска улетела в эфир, но сообщения о доставке Андрей так и не получил.

Вечером на адрес его электронной почты пришло письмо от Евы. «Милый, – писала жена, – здесь кошмарная связь. Вышел из строя спутник, а трансляторов в тайге нет. Раз в три дня прилетает вертолет из Хабаровска, это единственная связь с Большой землей. Я придумала выход: буду записывать на флешку письма для вас с Марусей, а пилот будет посылать их тебе по e-mail. Скучаю по вас, мои дорогие! Целую тебя и Маруську!»

На следующий день Андрей велел секретарше узнать, что за спутник обеспечивает связь с тем районом тайги, в котором была расположена исследовательская база. Оказалось, что это один из спутников широко разрекламированной системы ГЛОНАСС, действительно вышедший из строя неделю назад. Гумилев вспомнил, что два года назад предлагал Министерству обороны помощь в разработке программного обеспечения для спутников ГЛОНАСС, но получил отказ. Как конфиденциально сообщил ему знакомый генерал, военные предпочли заключить договор с фирмой, пообещавшей им пятьдесят процентов отката.

Подсознательно Андрей все время чувствовал тревогу за жену: все-таки остаться без связи в тайге, пусть и в окружении других исследователей – довольно серьезное испытание. Но навалившиеся дела не давали ему возможности как-то повлиять на ситуацию. Андрей ездил на заседания Арктического клуба, подписал все платежные поручения на финансирование экспедиции, хотя по-прежнему отказывался принимать в ней участие. Он даже неожиданно сдружился с генералом Свиридовым, окончательно придя к выводу, что Бунин зачем-то возводил на него напраслину. Генерал был чрезвычайно собранным и дельным человеком, меньше всего склонным совать нос в чужие отношения. Зато Свиридов прекрасно ориентировался во всех проблемах, стоящих перед организаторами арктической экспедиции, и не раз предлагал им элегантные стратегические решения.

Много времени занимали испытания по тестированию искусственного интеллекта, на который Андрей возлагал большие надежды. Обычно Гумилев возвращался домой уже за полночь, ужинал, не разбирая вкуса приготовленной поваром еды (повар, выполняя указания Евы, старался кормить его диетической пищей, но Андрею было все равно), и проваливался в короткий сон без сновидений. В девять утра он уезжал в офис, успевая перед уходом лишь пять минут поиграть с Марусей.

Однако в дни, когда из Хабаровска приходили письма Евы, все было иначе. Гумилев старался приезжать домой не поздно, для чего ему приходилось покидать офис еще до начала традиционных вечерних пробок. Маруся в такие вечера ждала Андрея в гостиной, и стоило ему зайти в дом, как она тут же бросалась к нему на шею и тащила за руку в гостиную – «смотреть кино про маму». Если же Андрей все-таки задерживался, малышка устраивала няне скандал, ни за что не желая ложиться спать без просмотра Евиных посланий.

Ева сдержала обещание: каждые три дня она присылала письмо с прикрепленным к нему видеофайлом. Благодаря этим письмам Андрей и Маруся знали обо всем, что творится на таежной базе. Ева рассказывала смешные истории из жизни «города подземных ученых», как она называла базу экспедиции, делилась но-

востями про то, как удалось установить на территории морлоков еще несколько новых камер, хвасталась, что теперь у ученых есть картинки из логова «пахана», как сами морлоки звали своего вожака.

Видеофайлы, записанные в основном на мобильный телефон Евы, иллюстрировали эти рассказы. Другие были записями, снятыми с камер наблюдения, установленными на базе и по периметру территории морлоков. На одной из записей Ева держала на руках рыжий меховой комок, который разворачивался в небольшую обезьяну со смешным детским лицом. Это был тот самый детеныш снежного человека – Рыжик – которого ученые нашли в тайге еще весной. Маруся хохотала до слез, наблюдая за тем, как мама учит неуклюжую зверюшку разговаривать и пользоваться ложкой.

Некоторые видеофайлы представляли собой сценки из жизни морлоков – как они охотятся, как едят и танцуют в священном экстазе во время новолуния.

На третью неделю после отъезда Евы Гумилев проводил совещание с экспертами, ответственными за тестирование систем искусственного интеллекта. Неожиданно зазвенел внутренний телефон.

– Андрей Львович, – голос секретарши Лены показался Гумилеву испуганным, – с вами просит соединить профессор Покровский Эдуард Никитич.

– Кто это такой? Я же просил ни с кем не соединять!

– Да, Андрей Львович. Но он говорит, что не сможет позвонить позднее. Он работает в вашем научно-исследовательском центре...

– Ну так пусть звонит Бунину! – рявкнул Гумилев. – Мне некогда решать их вопросы...

– ... в лагере «Реликт», – продолжала педантичная Лена. – Сейчас он звонит из Хабаровска. Переключить на Бунина?

Андрей запнулся. Из Хабаровска? Лагерь «Реликт»? Да ведь это же та самая база, где сейчас находится Ева!

– Нет, – сказал он после секундного раздумья. – Я поговорю с ним сам.

Он извинился перед экспертами и вышел в отгороженное полупрозрачной стеной помещение, где у него была оборудована комната отдыха с татами для медитаций и макиварой для снятия эмоционального напряжения.

В трубке что-то щелкало, потом слегка задышающийся голос произнес:

– Алло? Алло? Барышня, но ничего же не слышно!

– Профессор? – перебил Андрей. – Говорите, я слушаю.

– Андрей Львович! Рад вас слышать! Извините, что отвлекаю...

– Все нормально. Вам что, наладили телефонную связь?

– Да нет, – сокрушенно вздохнул профессор. – Спутник по-прежнему не функционирует, сидим, как на необитаемом острове. Я звоню из Хабаровска, выбрался сюда на пару дней.

– Это удачно, – сказал Гумилев. – А Ева осталась в лагере?

– Что? – растерянно переспросил Покровский. – Ева? Да, я как раз насчет Евы вам и звоню. Извините, что беспокою вас, но что-то никак не могу с ней связаться. Телефон у нее недоступен, а дома ваша... э-э... горничная все время отвечает, что ее нет, но не уточняет, когда можно перезвонить... А у нас, между прочим, проект горит!

Сердце Гумилева пропустило несколько ударов.

– Подождите, профессор... Я ничего не понимаю. Зачем вы ищите Еву дома, если она в тайге?

– Андрей Львович, как так – Ева в тайге? Это что же, что ж, поехала к нам и не предупредила? И когда ее ждать? Не время сейчас на вертолете летать, можно спугнуть морлоков!

Андрею стало страшно. Он понимал: прежде всего надо убедиться, что этот старик – не какой-то шут, а настоящий профессор Покровский, что он действительно в Хабаровске, что он, в конце концов, говорит правду – и только потом давать волю эмоциям, но страх был сильнее рассудка.

– Алло! Алло! Андрей Львович! Алло! Ну вот, и здесь неполадки со связью, – бормотал в трубку Покровский.

– Да-да, я здесь. Профессор, Ева должна была появиться у вас на базе в ночь на семнадцатое августа, во время новолуния.

– Ну да, семнадцатого к нам прилетела очередная группа ученых. Но, извините, вашей жены там не было! – старческий голос

звучал расстроено и слегка напряженно: похоже, Покровский не мог понять, то ли Гумилев так шутит, то ли действительно надо волноваться. – Я все-таки не страдаю склерозом!

– Но она присылала мне письма! Каждые три дня, с вертолетом! Пилот отправлял их из Хабаровска!

– Андрей Львович, голубчик! Какой там вертолет раз в три дня! Мы боимся беспокоить морлоков! Я сам добирался сюда на перекладных – сначала на джипе, потом...

– Подождите! – властно прервал его Гумилев. – Я видел видеозаписи! В том числе этих ваших морлоков. И как минимум две записи, на которых моя жена таскает на руках маленькую рыжую гориллу!

– Это не горилла. Это Рыжик – детеныш снежного человека. Наша уникальная находка! – нащупав тему, в которой он чувствовал себя уверенно, профессор, наконец, перестал бормотать и заговорил твердым голосом. – Только его сейчас даже наши грузчики на руки не поднимут – он за лето вымахал так, что теперь весит не меньше центнера! Это Ева его еще по весне нянчила, когда он совсем крохой был, даже говорить не умел...

– Но она сообщала в письмах новости о вашей жизни! – не желал сдаваться Андрей. – Как какой-то Васькин разрисовал лицо краской на манер морлоков и ходил пугал всех на станции. Как кто-то запаролил вход в туалет!

– Да, было такое. Летом – мы об этом Еве писали. Сама она этого не видела. Андрей Львович, – профессор сделал печальную паузу, – регулярная связь с базой стала невозможной после того, как вышел из строя спутник. Ева никак не могла отправлять вам письма. Никак.

Гумилев молчал. Он ощущал только звенящую пустоту внутри себя. Самое страшное уже произошло. Ева исчезла почти три недели назад. Где теперь искать ее следы?

– Спасибо, профессор. Мы разберемся, что произошло, – Гумилев не дал ошарашенному Покровскому попрощаться и положил трубку.

Он вернулся в кабинет и быстро, скомканно довел совещание до конца. Не потому, что видел в этом смысл, а потому, что нужно было ухватиться за какую-то соломинку, чтобы не утонуть в подступающих волнах безумия.

Когда эксперты вышли из кабинета, он открыл почту, нашел последнее письмо от Евы и включил воспроизведение видеофайла.

– Андрей, дорогой, у нас сегодня сказочная погода, – безмятежная Ева сидела в своей лаборатории и говорила в камеру мобильного, который держала в правой руке. – Жаль, что на улицу не выбраться: морлоки сегодня подошли близко к станции, загоняют медведя. С утра такой ор стоял! А Рыжик научился говорить мое имя. Правда, на свой лад. От звериного акцента мы, видимо, никогда не избавимся, – Ева засмеялась и перевела камеру на детеныша снежного человека, игравшего в углу с изрядно покусанным футбольным мячиком. – Рыжик! Иди ко мне, – позвала она, и существо, радостно швырнув мяч в стену так, что он расплющился в блин, рвануло к Еве, забралось к ней на колени и уткнулось носом в шею. – Ну-ну, тише. Как меня зовут? Ну же, как меня зовут?

Существо задумчиво посмотрело на Еву, потом в камеру, которую она держала, и гордо прошепелявило:

– Мам-Ефа! Мам-Ефа! Моя Мам-Ефа!

– Надеюсь, у вас все хорошо, – Ева перевела камеру на себя. – Я очень по вас скучаю, скоро вернусь. А пока мы с Рыжиком передаем вам с Марусей привет! – она схватила малыша за лапку, на которой уже хорошо просматривались двухсантиметровые когти, и помахала ею в камеру.

Запись закончилась.

У Андрея появилось ощущение нереальности происходящего. Абсурд. Вот она – его Ева, она в тайге, воспитывает Рыжика, изучает морлоков, шлет им с дочкой видеоотчеты. С ней все в порядке. И если ничего не предпринимать, подождать до вечера, то она пришлет еще одно сообщение, которое Андрей с Марусей раз десять прокрутят дома, перед тем как няня уложит дочку спать. А через три дня – еще одно. И так будет – он уверен – на протяжении всего времени, оставшегося до конца ее таежной экспедиции. Ничто не нарушит их привычного образа жизни.

А потом она просто не вернется.

Или все-таки вернется?

Андрей подошел к стене кабинета – прозрачной изнутри и непроницаемой снаружи голубоватой плоскости огромной призмы

– и посмотрел вниз. У его ног был весь город – и вовсе не в переносном смысле этого слова. Андрей Гумилев – тот, кого принято называть хозяином жизни, состоявшимся человеком, self-made man. Только жена не захотела остаться рядом с ним.

Прежде чем что-то предпринять, он попытался разложить все по полочкам. Ева улетела в Сибирь, но в лагере так и не появилась. Если бы произошла авария, разбился ее вертолет, об этом уже стало бы известно. К тому же она не предупредила Покровского и других ученых о своем приезде. Так, может быть, она и не собиралась в тайгу? И экспедиция была всего лишь предлогом, чтобы улизнуть из дома на целый месяц? Тогда все складывается в единую картину: Ева еще весной задумала свой побег. Запаслась съемками из подземного города ученых, записала десятки коротких видеосообщений, чтобы поддерживать у него иллюзию ее присутствия в тайге. Затем солгала про поездку, ушла из дома и отключила телефон, чтобы избежать неудобных расспросов. И теперь раз в три дня она отправляет ему заготовку, думая, что никто не раскроет ее мистификации.

Измена?

Странно, но это предположение не вызвало у Андрея ярости. Только облегчение – ведь если все сводится к банальному адольтеру, это означает, что с его женой ничего не случилось. Пройдет еще десять дней, и она вернется – как ни в чем ни бывало – с виноватыми глазами и рассказами об экзотических морлоках.

Сможет ли он простить измену? Андрей знал, что на этом его отношения с Евой прекратятся. Он допускает, что во многом сам мог толкнуть ее к другому мужчине, он готов признать свою вину и даже понять Еву. Но принять обратно – нет. Она навсегда останется матерью его ребенка, близким ему человеком, даже другом – но не женой.

Гумилев цеплялся за рассуждения о возможной измене Евы, как за соломинку, чтобы не думать о более страшных вещах. На самом деле где-то в сердце уже была уверенность: Ева не вернется, случилось что-то непоправимое, фатальное для его семьи. И семьи его – в том смысле, который он вкладывал в это слово, – больше не существует.

Андрей понимал – даже знал, чувствовал – Ева не могла разыграть такую схему ради интрижки на стороне. Если бы она влюбилась в другого, то просто ушла бы от мужа. Не стала бы цепляться за статус, деньги и ту комфортную жизнь, которую дает ей замужество за самым богатым человеком в стране.

Гумилев скрипнул зубами и набрал номер телефона, только несколько дней назад занесенного в адресную книгу.

Генерал Свиридов выслушал Андрея спокойно, не перебивая, так, будто ему каждый день приходилось общаться с терявшими жен миллиардерами.

– Андрей Львович, я уже говорил вам, что окажу вам любую поддержку – насколько это будет в моих силах. Не волнуйтесь, у нас хорошие шансы найти вашу жену.

«Еще бы», – подумал Гумилев. За генералом стояла вся мощь государственных спецслужб – ФСБ, ГРУ, ФАПСИ. Именно поэтому Андрей и принял решение обратиться к Свиридову. Конечно, сыграл роль и чисто психологический фактор – свои возможности были и у службы безопасности компании, возглавляемой Саничем, и даже у начальника личной охраны Андрея корейца Сергея Кима. Но обращаться к своим подчиненным с просьбой найти пропавшую жену Гумилев считал унижительным.

Впрочем, очень скоро выяснилось, что факт исчезновения Евы скрыть от охраны не удастся. Первое, на чем настоял Свиридов, – на тщательном обыске загородного дома Гумилева.

– Я понимаю, что вам неприятно вторжение в ваше личное пространство, Андрей Львович, – сказал он, – но это базовое мероприятие, без которого мы не сможем организовать розыскную работу. Со своей стороны гарантирую строгую конфиденциальность.

Ему легко было говорить! А если слух о том, что спецслужбы ищут Еву, распространится за пределы «ближнего круга»?

Впрочем, все эти частные проблемы меркли перед той бедой, которая обрушилась на Гумилева. Интуиция, никогда не подводившая Андрея, подсказывала ему: с Евой произошло что-то страшное. Поэтому он отбросил сомнения и ответил:

– Хорошо, генерал. Но вам придется подождать меня. Без моего личного присутствия ваших парней в дом не пустят, а на штурм уйдет слишком много сил.

– Договорились, – Свиридов никак не отреагировал на шутку Гумилева. – Встречаемся у поворота к поселку, через час. Вы успеете?..

Спустя десять минут «Мерседес» Гумилева уже летел по Комсомольскому проспекту, нарушая все возможные правила и ограничения. Дорогу ему расчищали два «Лендровера» сопровождения с проблесковыми маячками и сиренами. Только чудом они избежали столкновения с таким же мигающим кортежем с правительственными номерами.

Впрочем, Андрея это мало волновало. Он думал о том, что могло случиться с Евой, и не находил ответа. Чтобы делать какие-то выводы, нужны факты, исходные данные. Их у Гумилева пока нет, и появятся они не раньше, чем спецы Свиридова обыщут его дом. А пока есть только повод для панической атаки, от которой Андрей уже начинал задыхаться. Давление подскочило, в висках нарастал глухой, давящий стук.

«Успокойся, – приказал себе Гумилев. – В конце концов, ты же хозяин своего тела! Если ты не можешь владеть собой, не удивительно, что и с женой ты тоже не смог совладать! Вот она и сбежала от тебя!»

Неожиданно подобная тактика дала плоды – Андрей разозлился, и паническая атака отступила. К месту встречи со Свиридовым он подъезжал уже почти спокойным.

На перекрестке стояли «Тойота-Лэнд-Крузер» Свиридова и неприметный минивэн с затемненными стеклами. Свиридов, прогуливаясь около машины, курил свою неизменную сигарету. Гумилев велел шоферу остановиться, вышел из «Мерседеса» и подошел к генералу. Они обменялись рукопожатием.

– Главное – не паниковать раньше времени, – в голосе Свиридова слышалось неподдельное сочувствие. – Обещаю, мы во всем разберемся.

– Я не сомневаюсь в вас, генерал, – Гумилев старался, чтобы его голос звучал как можно тверже, но получалось плохо. – У вас уже есть какие-нибудь предположения?

Свиридов невесело усмехнулся.

– Я оперирую фактами, Андрей Львович. Факты таковы: мы установили, что телефон, с которого вам звонили сегодня, находится на кафедре Хабаровского государственного университета. И с него действительно звонил Эдуард Никитич Покровский, приехавший на два дня из таежного лагеря «Реликт». То есть вариант розыгрыша, мистификации практически исключается.

– Что ж, – вздохнул Андрей, – отрицательный результат – тоже результат.

– И еще одно, – генерал посмотрел на Гумилева, словно решая, сообщать ему очередную плохую новость или нет, – IP-адрес, с которого посылались вам письма и видеофайлы, зарегистрирован не в Сибири, а здесь, в Москве.

Про начальника личной охраны Гумилева ташкентского корейца Сергея Кима Ева говорила, что у него в роду явно были немецкие овчарки. Этот невысокий немногословный человек относился к своим обязанностям с фанатизмом средневекового самурая. Приказ Андрея пропустить в дом команду спецов Свиридова он, разумеется, выполнил, но Гумилев явственно услышал, как скрипнули его зубы.

Спецов, приехавших в затонированном минивэне, было пятеро. На сотрудников спецслужб они походили мало – скорее на компьютерщиков и техников по обслуживанию локальных сетей. Они быстро рассредоточились по дому, водя по стенам, окнам и мебели мигающими приборами.

Андрей и генерал прошли в гостиную, уселись за стол, на котором уже стояли чашечки с ароматным кофе. Свиридов пригубил напиток, одобрительно покивал.

– Кто у вас варит такой чудесный кофе? Я пил подобный только в Ливане.

Гумилев понимал, что генерал пытается отвлечь его, и по правилам предложенной игры он должен поинтересоваться, что Свиридов делал в Ливане, но сейчас это его совершенно не интересовало.

– Лариса, наша кухарка. Насколько я знаю, она из Молдавии.

– А, – протянул Свиридов, будто узнал что-то действительно важное. – А можно попросить ее сварить еще кофе?

В гостиную вошел один из спецов в зеленом комбинезоне. Вопросительно посмотрел на генерала.

– Что, Леша? – видимо, в отношениях с подчиненными Свиридов играл роль «слуга царю, отец солдатам». – Что-нибудь нашли?

– Товарищ генерал, – в устах Леша это обращение прозвучало странно, – нам необходимо войти в компьютер, расположенный в другом крыле дома.

– Вы что, разрешения спрашиваете? – не понял Свиридов. Леша пожал плечами, кивнул на Гумилева.

– Входите, если надо, – Андрей старался не смотреть на генерала. – Я, кажется, дал разрешение на осмотр всего дома...

Но мысль о том, что посторонние люди будут рыться в компьютере его жены, где, помимо деловых документов и материалов из экспедиций, хранится немало личных фотографий и писем, подействовала на него крайне угнетающе. Он встал и, заложив руки за спину, подошел к окну гостиной. Выглянул в сад.

– Андрей Львович, я хорошо вас понимаю, но, поверьте, эмоции сейчас лучше всего убрать в самый дальний чулан. Ясность мысли – вот что важнее всего.

– Разумеется, – сухо ответил Гумилев. Поддерживать психотерапевтический разговор со Свиридовым ему не хотелось.

Прошли бесконечные двадцать минут, и на пороге вновь появился Леша.

– Товарищ генерал! – на этот раз в голосе его звучал азарт. – Нашли!

– Отлично, – генерал поднялся с кресла. – Андрей Львович, пойдемте со мной.

Гумилев с трудом подавил раздражение: Свиридов распоряжался так, как будто это был чужой для Андрея дом. Но решил последовать совету генерала и спрятать все эмоции.

Они прошли по стеклянной галерее в кабинет Евы. Андрей не входил сюда со дня отъезда жены. Маруся с няней, наоборот, посещали «башню» довольно часто – об этом говорили разбросанные по светлому дивану мягкие игрушки и трогательный букет из желтых осенних листьев, собранный Марусей в саду и стоявший в фарфоровой вазочке на краю стола.

Вслед за Лешей, едва не приплясывавшим от нетерпения, они поднялись на второй этаж. У компьютера Евы сидел еще один парень в зеленом комбинезоне, перед которым лежал маленький ноутбук. На экране ноутбука была та же картинка, что и на мониторе Евиного компьютера – кадр из нового видеосообщения: Ева на фоне тайги, держит за руку маленького Рыжика.

– Письма и видеофайлы отправлялись отсюда, с этого компьютера, – сказал парень, не поворачиваясь. – Простенькая программка посылала их с интервалом в три дня. Последнее письмо будет отправлено шестнадцатого сентября, но, если хотите, его можно посмотреть уже сейчас.

– Зачем? – мертвым голосом спросил Гумилев. Он чувствовал себя человеком, на которого рухнуло небо, вдруг оказавшееся стеклянным.

– Не знаю, – пожал плечами специалист. – Может быть, там будет что-то интересное...

Но ничего интересного в последнем видеофайле не оказалось. Ева, счастливая и загорелая, собирала книги и вещи в своей комнате – запись велась с веб-камеры ноутбука. Повернувшись к камере, Ева радостно объявила: «Ну вот, моя экспедиция закончена! Сегодня ночью я возвращаюсь в Хабаровск, а на следующий день уже буду с вами, мои любимые!»

Андрей в ярости ударил сжатым кулаком по стене. Раз, второй, третий... Острая боль, пронзившая костяшки пальцев, немного отрезвила его.

– Андрей Львович, – отеческим тоном сказал Свиридов, – может быть, все еще и обойдется. Это сообщение дает основания предполагать, что ваша жена намерена вернуться.

Свиридов не говорил об этом явно, но Андрей понимал: первая версия при расследовании такого исчезновения – банальная супружеская измена.

Они спустились в гостиную. Эксперты разделились: часть исследовала спальню Гумилевых, часть – кабинет Евы. Горничных, поваров и садовника отвели на кухню, где с ними беседовал приехавший позже всех человек в штатском.

– Генерал, сколько человек знает о том, что здесь произошло?

– Андрей колебался, задавать ли этот вопрос, но решил, что Свиридов поймет его правильно.

– Профессор Покровский, семеро моих оперативников и ваш... гм, обслуживающий персонал. За своих людей я ручаюсь, они будут молчать. А вот профессор наверняка уже поставил на уши весь лагерь. Но все ученые, равно как и персонал дома, полностью зависят от вас – думаю, вы сможете их убедить не болтать лишнего, – Свиридов внимательно следил за реакцией Андрей на его слова.

– Именно это я и хотел услышать, генерал.

– На первом этапе следствия мы вполне можем обойтись без огласки. Более того, я убежден, что возбуждать уголовное дело по факту исчезновения вашей жены сейчас нежелательно. Но я не исключаю, что наступит момент, когда нам придется привлечь внимание общественности – самым ценным свидетелем может оказаться случайный человек..

– Вы ведь не считаете, что мою жену похитили? – на всякий случай спросил Андрей. Сам он старался не думать о таком варианте развития событий.

– Вы ведь не получали требования о выкупе? На вас не выходили шантажисты? – в тон ему ответил Свиридов.

– Нет.

– Пока все указывает на то, что Ева добровольно участвовала в этой инсценировке.

– Так, может быть, если поднимем шум, мы все испортим? – Андрей вскочил с дивана и начал кружить по гостиной. – Если она сама хотела исчезнуть, значит, у нее была на то причина.

– Андрей Львович, вы все понимаете правильно. Не исключено, что ваша жена уехала на месяц и планирует вернуться в назначенное время. Я предлагаю пока не обсуждать возможные причины этого поступка, но вы должны знать: позже мы, возможно, будем вынуждены вернуться к этой неприятной теме.

– Спасибо. В таком случае...

– В таком случае, увидев, что ее обман раскрыт, Ева может просто побояться вернуться домой. Мы ее спугнем.

– Вот именно. Главное, что мне сейчас нужно, – это уверенность, что с ней все в порядке.

– Ну, формально нам не о чем беспокоиться. Все пока идет по ее плану – то, что она оставила заготовки сообщений якобы из тайги, говорит о ее намерении вернуться к вам. Мы можем просто подождать до середины сентября. И возможно – вполне возможно – Ева Гумилева зайдет в эти двери, – Свиридов кивнул на вход в дом. – И тогда вся эта история останется внутри вашей семьи.

– Но, если она не вернется, время будет упущено!

– К сожалению, время уже упущено. Ваша жена покинула дом четырнадцатого августа, а сегодня – первое сентября.

– Папа, папа! – в комнату кубарем влетела счастливая Маруся. Повиснув на шее отца, она радостно требовала: – Ты принес кино про маму?

– Простите, Андрей Львович, – в гостиную зашла няня Маруси Валентина. Судя по тому, как тяжело дышала пожилая женщина, она безуспешно пыталась угнаться за своей воспитанницей. – Малышка увидела во дворе вашу машину и бросилась в дом. Она весь день говорила про Рыжика, которого воспитывает ваша супруга. Хорошо бы, в сегодняшнем фильме было что-нибудь про Рыжика! Иначе Марусю будет трудно уложить спать...

Не успел Андрей открыть рот, как Свиридов забрал девочку у отца и несколько раз подкинул ее вверх. Маруся изумленно смотрела на большого седого человека, которого видела первый раз в жизни, но, судя по всему, ни капли не боялась.

– Ну конечно, красавица! Как раз сегодня мама прислала папе кино про Рыжика. Андрей Львович, включайте большой экран, мы все вместе посмотрим, что там происходит в тайге.

Усадив Марусю на диван, Свиридов сунул ей в руки черного мехового кота, валявшегося рядом, и дал указание парню в зеленом комбинезоне запустить один из видеофайлов.

На экране появилась Ева с Рыжиком. Маруся завизжала, откинула игрушку и бросилась к телевизору.

– Мама, мамочка!!!

На этот раз Маруся потребовала прокрутить запись пять раз подряд, после чего няня смогла-таки увести ее в столовую и накормить ужином. Двое мужчин наконец остались одни.

– Давайте сделаем так, – Андрей все для себя решил. – Вы пока будете проводить расследование по своим каналам. Когда нельзя будет обойтись без каких-то публичных действий, мы еще раз вернемся к этому разговору.

– Это разумно. Так и сделаем, – Свиридов коротко кивнул и пошел по направлению к кухне.

– Посмотрю, как идет беседа с вашим персоналом, – кинул он через плечо Андрею.

Спецы Свиридова задержались в доме Гумилевых допоздна. Сумки с предполагаемыми вещдоками, жесткие диски из компьютера Евы, ее записи и личные вещи грузились в машины и отправлялись в лабораторию. Когда они все же уехали, Андрей чувствовал себя так, будто целый день таскал на себе тяжеленные мешки с железными болванками. Настроение было отвратительным. Дом, в котором целый день топтались чужие люди, казался ему оскверненным. Не в силах сопротивляться навалившейся усталости, он налил себе полный стакан «Гленlivetа», выпил в три больших глотка, не почувствовав вкуса, и рухнул на кровать.

Разбудил Андрея звонок генерала Свиридова.

– Ваша жена действительно вылетела в Хабаровск четырнадцатого августа, – вместо приветствия сказал генерал.

– Одна? – Андрей не собирался задавать этот вопрос, но спросонья не успел прикусить язык.

– Мы проверили всех пассажиров «Боинга», на котором она летела – там не было никого, с кем бы она поддерживала связь по известным нам номерам мобильных телефонов.

– Хорошо, это не главное. Что еще вы узнали?

– Пятнадцатого августа Ева Гумилева арендовала у местного жителя вертолет. В ночь на семнадцатое августа пилот высадил ее в тайге – в месте, точные координаты которого она назвала. Больше она с ним на связь не выходила.

– Может быть, она что-то ему рассказывала?

– Ваша жена выдала ему ту же версию, что и вам – что едет в экспедицию в лагерь ученых. Интересно другое: Ева договорилась с

пилотом, что тот заберет ее вечером пятнадцатого сентября – в день, когда будет очередное новолуние.

– Мы должны срочно лететь туда, искать ее! – Андрей, плечом прижимая трубку к уху, уже оделся и бегом спускался вниз, в гостиную.

Он и раньше был уверен, что Ева не предавала его ради другого мужчины. Это казалось немыслимым – в жизни Гумилева никогда не было женских измен, неразделенной любви и тому подобных трагедий. Избалованный вниманием женщин, Гумилев не мог и мысли допустить, что возлюбленная способна по собственной воле уйти от него. Ева, конечно, была особенной, но все-таки женщиной – и как другие женщины, не могла сопротивляться его магнетизму. Во всяком случае Гумилев в это свято верил.

В гостиной уже суежилась кухарка Лариса, почему-то взявшая на себя функции горничной. Она несколько скованно расставляла на журнальном столике чашки с кофе, бутерброды с бужениной и тарталетки с паштетом. Время от времени она опасливо поглядывала в сторону большого кресла. Андрей проследил за ее взглядом – и с удивлением обнаружил, что там устроился генерал, как будто не покидавший его дом. Но вид у Свиридова был свежий, а толстая папка распечаток в руках говорила о том, что с утра он уже успел получить доклады обо всем, что нарыли его спецы за прошедшую ночь, и даже поработать с ними.

– Я позволил себе прийти в гости без приглашения и даже озаботить эту очаровательную женщину приготовлением завтрака, – Свиридов встал, протягивая Гумилеву руку.

Лариса никак не отреагировала на комплимент и быстро вышла из комнаты.

– Я очень вам благодарен, генерал. Есть какие-нибудь новости?

– Да, и именно поэтому я приехал сам. Видите ли, я запросил записи со всех камер наблюдения, которыми ученые обложили стоянку этих морлоков. Мы обработали изображение – если позволите, я покажу.

Прежде чем Андрей успел сказать «да», Свиридов подошел к цифровой панели, вставил диск и нажал кнопку воспроизведения.

На экране появились густые заросли, освещенные закатным солнцем. Сначала картина была неподвижна, затем в левом верхнем углу замелькали какие-то пятна. Прямо на камеру кто-то шел. Через минуту изображение стало достаточно четким, чтобы Андрей узнал свою жену. Так она и выглядела в этих фальшивых сообщениях из тайги. Камуфляжный комбинезон с десятком карманов, большой рюкзак, каштановые волосы убраны под бейсболку.

– Где это снято?

– Это тропа, ведущая к поселению морлоков – некоему заброшенному поселку «Алые зори». Профессор Покровский рассказал, что Ева давно настаивала на необходимости контакта с изучаемыми объектами.

– Ева ушла к морлокам? – Андрей не мог поверить в услышанное. – Она, конечно, безрассудная, взбалмошная... но она же не идиотка! Мы видели фильмы про этих дикарей – они же опаснее любых горилл!

– Мне вас успокоить нечем. Разве что вас порадует – записей о встрече вашей жены с морлоками нет. Все, что удалось зафиксировать, – ее движение вглубь тайги. После нее по этой тропе никто не ходил, так что есть надежда, что ей удалось избежать опасного столкновения.

– Надежда! Мне нужно знание! Мы должны немедленно вылететь в тайгу, генерал.

– Профессор Покровский проконсультировал меня: если мы сейчас приземлимся в тайге и пойдем по маршруту вашей жены, мы спугнем морлоков. Если Ева у них в плену, то последствия могут быть самыми печальными. А если она где-то прячется, проводя свои исследования, то мы можем ей навредить – морлоки в панике могут ее обнаружить. И тогда...

– Я все понял, – раздраженно перебил его Гумилев. – И вы предлагаете ждать еще две недели – вдруг моя жена сама выйдет из тайги? А если не выйдет?

– Решать вам, Андрей Львович. Я всего лишь обозначил все риски. Не исключено, что во время первой экспедиции в подземный лагерь Ева успела подготовить базу для этой вылазки. Она знала,

с кем ей придется столкнуться – и, вероятно, предусмотрела все неожиданности. Но вооруженный спецназ, высаживающийся в тайге, она вряд ли ожидает.

– Хорошо, генерал, я взвешу все аргументы. И приму решение, – допив кофе и не притронувшись к закускам, Андрей встал, показывая, что разговор окончен.

– Я буду держать вас в курсе, – кивнул Свиридов, поднимаясь с кресла.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

Таёжная погоня

Утро, как и в предыдущий день, началось со звонка Свиридова. Гумилев спросонья не сразу нашарил на прикроватной тумбочке телефон, потом уронил его и долго искал под кроватью. Наконец, выудил, провел пальцем по сенсорной панели.

– Андрей Львович, я вас, наверное, разбудил, но есть срочные новости, – мрачно сказал генерал.

– Ерунда, я уже проснулся... Что там еще случилось? – Гумилев сел на кровати, отбросил одеяло и потряс головой, разгоняя остатки сна.

– Журналисты обо всем узнали. Ваша кухарка, Лариса Смирнова, дала им большое интервью, в котором рассказала об исчезновении вашей жены. С кучей журналистских выводов и домыслов, разумеется.

– Лариса? Не может быть... Вы уверены, что это именно она?

– Абсолютно, Андрей Львович. По нашим данным, Смирнова улетела в свой родной Кишинев вчера около полуночи. Газета «Желтый экспресс» заплатила ей за интервью пятьдесят тысяч долларов. Для Молдавии – замечательные деньги.

– Я тоже ей платил достаточно, не понимаю... из-за жалких пятидесяти тысяч – вот так поступить с нами?!

– Люди иногда совершают более подлые поступки совершенно бесплатно. Уж поверьте, насмотрелся, – сказал Свиридов. – Ладно, черт с ней, с кухаркой. Что вы собираетесь предпринимать?

– А что тут предпримешь? Подавать в суд бессмысленно, покупать газету со всем ее гадюшником – поздно... Сейчас и другие уцепятся, и процесс, что называется, пошел... – Андрея на секунду охватило отчаяние, но он взял себя в руки. Наблюдать, как журналисты лезут своими грязными пальцами в его личную жизнь, было не в характере Гумилева.

Свиридов терпеливо ждал, в трубке слышались его тихое дыхание и уличный шум на заднем плане.

– Генерал, без рейда в тайгу нам не обойтись. Я сейчас соберусь и поеду в аэропорт, чтобы самому принять участие в поисках.

– Этого я от вас и ожидал, – с некоторым удовлетворением в голосе сказал собеседник Гумилева. – А теперь рассудите здраво: вы в хорошей форме, но тайга – это специфика, а вы не специалист по таежным переходам и работе в таких условиях. Куда разумнее отправить из Хабаровска спецгруппу человек в пятнадцать на вертолете, ее соберут и снарядят в течение часа. Даете добро?

– Сделаем иначе, – ответил Гумилев, немного подумав. – Пусть ваши люди отправляются на поиски. Я тем временем прилечу в Хабаровск на своем самолете, это займет часов восемь-десять. Если за это время Еву найдут – отлично. Если нет – я возьму вертолет и полечу вслед за группой, к месту их высадки. Идет?

– Идет, – сказал генерал. – Знал, что не согласитесь дома сидеть. Да и будем надеяться, что, пока вы долетите, вопрос решится сам собой. Я имею в виду, решится положительно.

– Я бы тоже очень хотел в это верить...

Свиридов отключился.

На заднем сиденье «Мерседеса» лежала большая стопка «Желтого экспресса». Когда Андрей давал распоряжения водителю Юре, то велел купить в ларьке газету.

– «Экспресс»? Знаю такой. А сколько штук, Андрей Львович? – спросил водитель.

– Все! – рявкнул Гумилев.

Водитель исполнил приказ в точности. Воняющая типографской краской кипа вызывала отвращение, но Андрей заставил себя взять газету в руки.

Вся первая полоса была занята статьей с лаконичным заголовком «От миллиардера Гумилева сбежала жена». Под заголовком красовался сам миллиардер Гумилев с весьма пакостной физиономией – фотограф поймал Андрея на каком-то официальном мероприятии в момент, когда он что-то доказывал невидимому в

кадре оппоненту. Глаза прищурены, губы растянуты в ухмылке, зубы оскалены, словно бы замахивающаяся рука сжата в кулак. Наверняка еще и в фотошопе подработали...

Получился некий неандерталец в смокинге, от которого не только жене, а всем встречным впору разбежаться в стороны с воплями о помощи. Покачав головой, Гумилев раскрыл газету. Там фотографий тоже хватало, но в основном Евы – она выглядела совершенно невинной: вот – на заседании научного общества, вот – на теннисном корте, вот – в компании со своими подругами, с Марусей на руках, во время шопинга...

И снова Андрей: с мрачным видом садится в автомобиль – ни дать ни взять Дон Корлеоне; целится из пистолета в тире; сфотографирован на фоне решетчатой ограды какого-то сада или парка, смахивающей на тюремную. Надо отдать им должное, тут поработали серьезно, подумал Гумилев и начал читать саму статью.

Статья оказалась достойна подборки фотографий. Текст состоял из откровений сбежавшей в Кишинев кухарки: «очень жесткий человек», «никогда не бывал дома», «красивая женщина», «у нее было много друзей-мужчин», «сказала, что едет в экспедицию, а сама...», «конечно, я думаю – другой мужчина», «в этой истории мне больше всего девочку жалко». Там, где Лариса недоговаривала, вступал журналист, услужливо разъяснявший читателю, почему Гумилева следует считать «домашним тираном» и «человеком, поменявшим семейное счастье на деньги и акции».

Гумилев отложил газету. Трудно было ожидать, что журналисты не ухватятся за такую горячую новость. Теперь ему предстоят несколько недель информационного ада – мало того, что ему не будут давать прохода репортеры всех существующих в стране – да и не только в стране – СМИ. Ему будут звонить знакомые всех мастей – чтобы посочувствовать и заодно из первых рук получить сенсационные новости и детали скандала. Странно, что пока молчат...

Андрей знал: открыто никто злорадствовать не будет. Напротив, сейчас все начнут «инвестировать в отношения с ним» – подерживать и предлагать свою помощь, чтобы после того, как великий Гумилев оправится от удара, – а никто не посмеет со-

мневаться, что он оправится, – миллиардер не забыл о тех, кто подставил плечо в трудную минуту.

Открыв ноутбук, Андрей проверил электронную почту. Отдел мониторинга уже прислал ему отчет о том, какой резонанс вызвала в Интернете статья из желтой газеты. Почти сотня перепечаток, редакционных статей, комментариев всевозможных специалистов и целый ряд конспирологических версий.

Политологи уверяли, что весь скандал инициирован пиар-департаментом корпорации Гумилева. «Через год состоятся выборы в Московскую городскую думу, которые определяют, кто станет новым мэром столицы. Андрей Гумилев вполне может претендовать на этот пост. Смотрите сами: Гумилев сколотил миллиардное состояние на инновациях, бизнес у него давно налажен. Чего еще желать мужчине, которому слегка за тридцать? Вот именно, власти! Но как сделать из бизнесмена политика? Правильно, с помощью грамотных политических технологий. Сегодня все сочувствуют Гумилеву и обсуждают его семейную драму. Благодаря скандалу с исчезновением жены имя Гумилева будет обсуждаться в каждом доме. Миллиардер, которого до сих пор большинство жителей города воспринимало как небожителя, теперь стал обычным человеком. А соперничество сближает. Вот увидите, не позднее, чем через месяц, выяснится, что Ева Гумилева, скажем, была с благотворительной миссией в какой-нибудь Зимбабве или Руанде. Она торжественно вернется к мужу, а потом поддержит его на выборах», – грассируя, вещал в эфире интернет-телевидения престарелый политконсультант.

«Как ни жестоко это звучит, но для Андрея Гумилева и его дочери будет лучше, если внезапно выяснится, что с Евой Гумилевой произошел несчастный случай. Если жена сбежала к другому, то миллиардеру, конечно, будут сочувствовать, но это плачевно скажется на его репутации. Образ рогоносца не вписывается в глянцевою картинку о безоблачной карьере прогрессивного молодого человека, к тридцати годам ставшего миллиардером, которую нам на протяжении девяти лет настойчиво подсовывают нам пиарщики Гумилева», – говорил холеный имиджмейкер.

Психологи рассказывали о том, как некоторые женщины сначала стремятся охмурить богатого мужчину, а потом, оказавшись запертыми в золотой клетке, сходят с ума от безделья и лени. «Купаясь в роскоши, эти дамы не чувствуют себя счастливыми. Вместо сотого бриллианта они предпочли бы провести с мужем романтический вечер. Но нежность редко встречается в таких союзах. Мужчина откупается от жены подарками, все больше времени проводя вне дома. Поэтому не удивительно, что, устав от такой жизни, женщины заводят тайные романы со своими шоферами, телохранителями и садовниками, а иногда даже сбегает с ними, оставив мужу детей», – медленно, явно любуясь собой, излагал свою версию некий специалист по разрешению семейных конфликтов.

Андрей почувствовал полное безразличие к тому информационному водовороту, что начинал закручиваться вокруг его имени. Это происходило где-то в виртуальном медиаполе, все эти эксперты обсуждали некоего «миллиардера Гумилева», не имеющего ничего общего с ним, Андреем.

Все правильно, Гумилев был для них лишь глянцевой картинкой успеха и богатства. Ему всегда было плевать на общество, и в ответ обществу плевать на его чувства – теперь он плюс ко всему еще и герой кухонных сплетен.

Ну и черт с ними, в конце-то концов.

– Юра, – громко сказал Гумилев водителю, – когда поедешь обратно, выбрось все это дерьмо в мусорный контейнер.

– Сделаем, Андрей Львович! – с готовностью отозвался водитель.

В Хабаровске уже была глубокая ночь, когда алый «Лирджет» Гумилева приземлился на аэродроме «Новый». Андрей с трудом дождался, пока самолет вырулит по дорожкам к положенному ему месту, и буквально сбежал по трапу.

Свиридов во время последнего разговора, состоявшегося час назад, сообщил, что группа прибыла на место и работает, но пока никакой новой информации нет, к тому же появились проблемы со связью. В аэропорту Гумилева должен был встречать человек

генерала – и точно, он уже спешил к «лирджету», на ходу выбрасывая недокуренную сигарету.

– Капитан Грищенко.

Гумилев пожал протянутую крепкую руку и спросил:

– Новостей нет?

– Никак нет, Андрей Львович, – покачал головой капитан. – Спецгруппа молчит.

– Вертолет для меня готов?

– Так точно. Но, может быть, вы хотите немного передохнуть? Покушать?

– Я отдыхал в полете, капитан, – довольно резко сказал Гумилев и тут же поправился, не желая обижать этого доброжелательного человека:

– Спасибо, конечно. Извините, на нервах весь день...

– Понимаю, – сухо ответил капитан. – Идемте, вертолет ждет. Я лечу с вами.

Это оказался «Белл-206», простая и надежная машина, весьма удачно перестроенная из военной модели. Гумилев в свое время подумывал приобрести именно такой, но не купил, потому что Ева вертолетов боялась и называла «летающими мясорубками».

– Хорошо живет ваше ведомство, – покачал головой Андрей, хлопав ладонью по борту.

– Это не наш. Одолжили у добрых людей. Разумеется, не афишируя целей. Так что при пилоте вы не откровенничайте, куда мы и чего – уж извините, что даю указания.

– Пилота тоже одолжили?

– Именно.

– Хорошо, – улыбнулся Гумилев. – Спасибо. Все затраты я возмещу.

– Не беспокойтесь, сами разберемся, – махнул рукой капитан.

– Слушай, капитан, – сказал Гумилев решительно. – Что ты смотришь на меня так, словно я Роман Абрамович?! Думаешь, наверно: вот стоит мужик, у которого до хрена денег, чего хочет, то и делает, самолет у него свой, вот захотел – погнал в лес хороших людей бабу свою искать... Так?

Грищенко молчал.

– Я обычный человек, капитан. У меня жена пропала. Ищу ее, как могу. Не было бы денег – прилетел бы рейсовым, дальше на попутках или на лыжах. Есть деньги – извини, трачу их, как умею... Знаешь Джона Моргана?

– Нет, – сказал капитан неуверенно. – А кто это?

– Это знаменитый пират, потомки которого стали не менее знаменитыми банкирами. Так вот, он сказал: «В основе каждого крупного состояния лежит преступление».

Капитан вежливо молчал.

– Так вот, капитан, это неправда. Не каждого.

Грищенко несколько мгновений смотрел на Андрея, а потом громко и по-доброму рассмеялся.

Через три часа с небольшим вертолет приземлился на вырубленной в лесу площадке. На вырубке их ожидал профессор Покровский. Высокий старик с аккуратно подстриженной седой бородой заметно нервничал. Судя по опухшим векам и постоянной зевоте, он вообще не ложился спать.

– Есть новости от спецгруппы? – спросил Андрей.

– Увы, пока никто не возвращался, – патетически сказал профессор, прижимая руки к груди. – Мы, в свою очередь, как можем, стараемся помочь поискам. Я поручил господину Исину – это наш искусственный интеллект – постоянно отслеживать и анализировать всю информацию, поступающую с установленных в тайге камер наблюдения. Он должен подать сигнал, если в поле зрения появится человек, похожий на Еву. Но пока никого не опознали. Да и съемки ведутся с большого расстояния, а камеры покрывают далеко не весь периметр – кстати, я в последнем своем письме к господину Перельману указывал, что желательно увеличить охват, и даже прилагал смету...

– Эдуард Никитич, давайте не сейчас, – оборвал старика Гумилев. Тот виновато закивал.

Из невысокого наружного корпуса они спустились в подземный тоннель, слабо освещенный энергосберегающими лампами. Голос Покровского теперь глухо отражался от стен, и эхо создавало тягостное, гнетущее ощущение. Капитан Грищенко вертел головой с явным удивлением, но помалкивал.

– Когда прилетел первый вертолет со спецназом, наши дикари как с цепи сорвались, – продолжал Покровский. По тоннелю зашелестело эхо. – Началась паника, перевернули тут все вверх дном.

– Какие еще дикари? – не выдержал Грищенко.

– Сейчас узнаете, капитан, – сказал Андрей. – Только учтите, это государственная тайна.

– Да я уже понял... Раз такое здесь отгрохали...

– Так что там ваши дикари, Эдуард Никитич? – вернулся Гумилев к разговору с профессором. – Разбежались?

– Напротив, пахан – это их главарь – приказал идти и смотреть, что произошло. Они вооружились копьями и пошли к поляне, на которой вы только что приземлились. Спецназ к тому моменту уже шел им навстречу, прочесывая тайгу.

– И они столкнулись?

– К сожалению, – развел руками профессор. – Прибывшие были правильно проинструктированы и стреляли вверх, чтобы отпугнуть дикарей. Но беда в том, что накануне у тех было что-то вроде собрания, где все мужчины решают общие проблемы племени. На этих сходках всегда курятся специальные травы, которые собирает в тайге их знахарь. Так вот, после этих трав у них начисто исчезает чувство страха. Несколько дикарей кинулись на спецназовцев, ударили одного копьем. Тогда и началась стрельба на поражение...

– Потери есть? – быстро спросил Грищенко.

– Четыре морлока убито. Один из ваших легко ранен, он здесь, в медпункте...

– А что произошло с остальными... дикарями?

– Скрылись в тайге, – пожал плечами Покровский.

Андрея затрясло. Здоровые тренированные мужики, вооруженные до зубов, еле справились со стадом дикарей. «Ева! Такая смелая, такая отчаянная! Верила, что с тобой ничего не может случиться. Что же ты наделала?»

Тоннель закончился массивной металлической дверью, на которой отсутствовали ручки и замочные скважины. Вместо этого на железном полотне слегка светились кнопки сенсорного кодо-

вого замка. Профессор быстро набрал свой персональный пароль, и трое мужчин вошли в помещение. В сухом теплом воздухе пахло озоном и химическим освежителем.

– Это нижний этаж? – нарушил тишину Гумилев.

– Нет, что вы! Это только минус второй. Ниже еще пять этажей, но мы используем далеко не все помещения.

– Откуда оно здесь такое, Андрей Львович?! – спросил капитан.

– Прямо как в кино «Обитель зла»... Тайга вроде бы кругом.

– Это круче, чем «Обитель зла», – усмехнулся Гумилев. – Это, капитан, бывшая советская военная база. Запасной командный пункт на случай ядерной войны. Строился в семидесятых, потом долго стоял на консервации. А потом я его купил, благо Минобороны он был совершенно ни к чему.

Капитан хмыкнул и продолжил вертеть головой, разглядывая обшитые пластиковыми панелями стены коридора, а Гумилев замолчал. Он вспоминал, как генерал-хозяйственник сказал ему, подписывая сделку: «Вы авантюрист, господин Гумилев. Я еще понимаю, если бы купили такой объект на Черноморском побережье или даже на Урале. Но в такой глуши...» Гумилев тогда отшутился, что собирается здесь производить наркотики и забить баки колумбийской наркомафии. Генерал посмеялся, сделку обмыли, а потом он занялся заброшенной базой. Андрей начинил ее самым современным оборудованием для изучения окружающей среды, установил последнюю модификацию искусственного интеллекта, систему жизнеобеспечения, устроил даже оранжереи и бассейн. «А если бы я не сделал здесь город ученых, Ева сейчас сидела бы дома и читала с Марусей книжки», – злясь на себя самого, подумал Андрей. Хотя на самом деле он понимал: Еву тянуло на свершения и открытия, семейный быт ее подавлял. Не будь тайги, она сбежала бы в горы или в пустыню.

Троица свернула в очередной коридор. Искусственный интеллект, контролируя передвижение, предусмотрительно включал свет на их пути. Яркие лампы разбудили существо, спавшее, свернувшись калачиком на большом квадратном матрасе, уложенном на полу то ли клетки, то ли камеры – комната была отгорожена от остальных помещений и коридора решеткой из стальных прутьев.

Существо пружинисто подскочило, и в то же мгновение на Андрея уставились кошачьи желтые глаза с вертикальными зрачками.

Капитан Грищенко присвистнул.

– Это наш Рыжик. Он у нас умница, – с гордостью представил зверя Покровский, словно собственного сына, победившего на олимпиаде по физике.

– Тот самый снежный человек, с которым возилась Ева? – Андрей еле узнал в этом мохнатом великане пушистого рыжего малыша, которого таскала на руках его жена. – Он действительно подрос.

– Уф... Есть хочу, – рыжая громадина постучала пальцами ноги по вылизанной пластиковой миске. – Пусто. Не нрафится. Уф...

– Скоро будет завтрак, подожди немного. Картошка и кабачки, ты это любишь, – Покровский протянул руку через прутья и потрепал зверя по лысоватой приплюснутой голове со смешно торчащими ушами. Тот совершенно по-человечески заулыбался, прикрывая от удовольствия ярко-желтые глаза.

– Картофка. Хорофо! Нрафится!

– А он вам руку не оторвет в один прекрасный день? – осведомился капитан, когда они отошли на приличное расстояние от продолжавшего радоваться скорому завтраку Рыжика. – Вон какая здоровенная орясина...

– Нет, что вы, – улыбнулся профессор. – Это добрейшее существо. К тому же при желании даже подросток снежного человека запросто сломает эти прутья. Рыжик сам захотел жить так, чтобы видеть всех, кто ходит по лагерю. Он очень общительный и не переносит одиночества. К тому же дверь не заперта – он свободно может передвигаться по всему этажу.

– А для чего он вообще вам нужен? – спросил Грищенко. – Для охраны?

– Раньше был нужен, а теперь... Ума не приложу, что теперь делать с Рыжиком. Все, что нас интересовало, мы изучили. К тому же этим проектом занималась Ева, он для нас не имеет особенного значения.

– Так отпустите его на волю, Эдуард Никитич.

– Не все так просто. Семейство снежных людей живет в нескольких километрах отсюда. Я не уверен, что Рыжик сможет найти дорогу к своим. К тому же он воспитан людьми. Как он впишется в общину ёхху?

Гумилеву удалось поспать около часа, пока Грищенко навещал раненого коллегу в медпункте. Потом они наскоро перекусили в пищеблоке отличным борщом и гуляшом, выпив – как выразился капитан, «для различной профилактики» – граммов по сто пятьдесят кедровой настойки, которую ученые готовили сами. После плотного завтрака профессор привел худощавого бородача, которого представил как Радия Иванова, младшего научного сотрудника. Покровский снабдил их специальным ружьем, стреляющим ампулами с сильнодействующим снотворным.

– Может, мне тоже с вами пойти? – спросил профессор, глядя, как группа собирается.

– Увольте, Эдуард Никитич. Здесь вы будете полезнее. Не на прогулку идем тем более...

Покровский пожал плечами и удалился.

По тайге двигались молча и стараясь не шуметь. У Иванова и Грищенко были автоматы АН-94 «Абакан» из арсенала базы, которые они держали наготове, Гумилев же по настоянию капитана вооружился пистолетом – девятимиллиметровым «викингом» Ижмашевского производства. По данным с камер наблюдения, морлоки покинули свою стоянку, но все же рисковать не стоило.

Вскоре они добрались до полуразрушенного поселка. Щитовые одно- и двухэтажные дома давно не ремонтировались, в крышах зияли отверстия, сквозь которые к небу тянулись чахлые растения. Двери покосились и болтались на ветру – те, кто жил в этих развалинах, явно не пользовались замками. Обшарпанный двухэтажный Дом культуры, пустое кафе «Луна», разграбленный магазин «Продукты» – все это выглядело уныло, но чувствовалось, что здесь еще недавно кто-то обитал. В глаза бросались пепелища от костров, вкопанные в землю палки, на которых болтались драные медвежьи шкуры, кучи обглоданных костей, в одной из которых Гумилев углядел скалящийся человеческий череп.

– Что это за место? – спросил капитан, снимая «Абакан» с предохранителя.

– Бывший поселок «Алые зори», – с готовностью объяснил Иванов. – В советские времена здесь жили шахтеры, добывавшие из местных минералов редкоземельный элемент лютеций. После развала Союза шахты закрыли, а люди здесь остались. Вначале им обещали переезд и устройство на другую работу, потом, с перестройкой, просто махнули рукой и забыли. В результате кто-то выбрался из тайги своими силами, а кто-то предпочел остаться и жить, как придется. В основном остались бывшие уголовники, приехавшие в тайгу подзаработать – в большом мире их никто не ждал, и в новой России им вряд ли нашлось бы хлебное место.

– А ели они тут что? Охотились, что ли?

– И охотились, и ягоды собирали, и рыбу ловили. Сначала даже огородничали, хлеб сеяли – видел я тут заброшенные поля и грядки. Но в какой-то момент эти люди начали деградировать. Потерялся почти весь активный запас слов, сохранился только уголовный жаргон. Они стали жить, руководствуясь первобытной моралью и правом сильного, а не законами общества.

– То есть морлоки – это те самые уголовники? – не поверил Гумилев.

– Именно. Сильно опустившиеся, но те же самые. Мы впервые столкнулись с примером обратной эволюции, и это невероятная удача для научного мира!

– Что же на них так повлияло?

– Мы так пока и не установили. Это одна из самых больших загадок...

Пока ученый читал лекцию о морлоках, капитан попробовал выйти на связь со своими сослуживцами. Спецгруппа должна была разделиться на несколько отделений, каждое из которых прочесывало свое направление.

Выйдя на нужную частоту, Грищенко несколько раз назвал свои позывные «Тайшет», послушал ответную тишину, повторил. Развел руками:

– Ничего.

– Тут со связью обычно всегда проблемы. Не знаю уж почему.

Может, аномалии какие-то. Мы собирались заняться этим вопросом, но для нас он не первостепенен, – виновато сказал Иванов.

Вдруг рация зашипела.

– Уходим. Уходим! Я не буду спать. Я не могу спать! – захрипел чей-то сорванный голос. Затем раздался вопль, потом еще один и еще. – Что за черт? Что это за твари?

Это было последнее, что они услышали, затем связь прервалась.

– Оружие с предохранителя, – резко скомандовал капитан, внимательно осматриваясь по сторонам.

Подойдя ближе к одному из кострищ, Андрей присмотрелся, и его передернуло. По краям черного, обугленного круга валялись грязные, бурые кости, слишком похожие на человеческие. На некоторых еще держались кусочки обгоревшего мяса.

– Наши передавали по рации, что обнаружены чьи-то останки. Они не стали собирать и пошли вглубь периметра, – капитан скинул с себя рюкзак, достал оттуда пластиковый пакет, который используют для сбора улик, и, натянув перчатки, аккуратно упаковал туда несколько костей. – Их отправят в Москву на ДНК-анализ.

– Я понял, не продолжайте, – Андрей уже сам подумал о том, что могут означать эти кости. Он повернулся к Иванову. – Радий, а морлоки занимаются каннибализмом?

– Да, мы зафиксировали такие случаи, – с готовностью поведал младший научный сотрудник. – Во-первых, они съедают тех, кто проигрывает в крупных драках. Далее, были случаи, когда в этом районе пропадали охотники и промысловики... Не думаю, что они вылавливают их специально, тем паче тут никто и не ходит особенно. Но если вдруг забредут... Уже при нас пара охотников так вот заплутала. Мы ничем не успели им помочь. Но вообще давно уже не было инцидентов.

– Уч-ченые... – неприязненно произнес Грищенко. – Сюда надо боевые вертолеты и всю зеленку с воздуха хорошенько зачистить, как на Кавказе делали. А не эксперименты проводить.

В кустах за кафе «Луна» раздался шорох, потом вскрик. Радий и капитан тут же направили автоматы на заросли. Оттуда с во-

плями вылетел чумазый ребенок лет четырех: на нем не было никакой одежды, зато тело было покрыто какими-то знаками, нарисованными красной краской. За малышом выбежала такая же грязная, обросшая женщина, завернутая в полинявшую шкуру непонятного происхождения.

Мать выглядела как опустившаяся алкоголичка, но все же сохраняла все человеческие черты. В отличие от нее, ребенок был похож скорее на звереныша, нежели на человека. У малыша явно был виден низкий лоб с выдающимися надбровными дугами, лицо покрывала темная шерсть, а двигался он, как обезьянка, то и дело опускаясь на четвереньки.

– Не стреляйте, – предупредил ученый. – Самки этого племени не опасны. Ни разу ни на кого не нападали.

– Это они при вас не нападали, – Грищенко не стал опускать автомат. – Лучше перестраховаться.

– Но раз они здесь, значит, и мужчины где-то рядом?

– У морлоков женщина – не человек, а низшее существо. Они просто оставили здесь эту самку и ее дочь. Мужчинам безразлично, выживут эти двое или нет. Если помрут – потом, может, съедят по возвращении.

– Но почему эта девочка выглядит как животное? – удивился Андрей.

– Причина в деградации, о которой я вам рассказывал. Если взрослые просто опустили и потеряли ряд навыков, то у детей, рожденных здесь, уже наблюдаются антропологические изменения. У них другое строение черепа, скелета и полностью отсутствует способность к речи, – объяснил Радий Иванов. – Интересно посмотреть, что произойдет с ними через поколение? Наверное, хвост вырастет и начнут по деревьям скакать.

Оборванка тем временем, подвывая, прижала к себе ребенка и испуганно смотрела на вооруженных людей. Потом бросилась обратно в кусты – слышно было, как она ломится сквозь ветви.

– Ладно, идем дальше, – сказал капитан, когда удаляющийся шум затих. – Ушло мурло и мурленка с собой забрало.

Они пошли дальше, приближаясь к окраине поселка, если такой термин здесь был уместен: тайга давно уже подмяла под себя

человеческие постройки и медленно стирала границу бывшей цивилизации. Миновав ржавую кабину допотопного ЗИЛа, шедший первым капитан остановился, подняв палец.

– Тс-с... – прошипел он.

Гумилев прислушался. Поскрипывали на ветру сосны, где-то довольно далеко грохотал отставший от крыши лист шифера...

– Ах ты гад! – крикнул Грищенко. Гумилев выхватил пистолет, сам удивляясь своей быстроте, а капитан уже стрелял короткими очередями по два патрона в ветхий дощатый сарайчик, к которому и привалилась древняя кабина. Гнилые доски разлетались в стороны, а потом стена рухнула наружу, и вместе с ней вывалился морлок. Мертвый.

Капитан сделал к нему шаг и выпустил еще пару пуль в голову – для верности. Морлок дернулся и затих, оплывая кровью. Рядом с ним валялось копье.

– Подстерегал, гадина, – объяснил Грищенко.

– Как поняли, что он там сидит?

– Сопел. И бормотал что-то себе под нос.

– Может, он просто так там сидел, – вставил младший научный сотрудник.

– Может, и сидел, – согласился капитан. – А вот если бы он выскочил и вам – а вы крайним идете – в спину копье воткнул?

Иванов ничего не ответил. Андрей посмотрел на бессильно распластавшееся тело морлока, на большущую лапу и вспомнил морду Рыжика. «Картофка. Хорофо! Нрафится!»... Зверь разговаривает, а одичавшие люди едят друг друга. Кто из них имеет большее право называться человеком?

– Идемте дальше, только внимательнее, – велел капитан. – Где один, там и другой, по Кавказу знаю.

Около двух часов они шли по тайге. Вокруг снова не было никаких следов цивилизации, не было и признаков того, что здесь недавно прошла спецгруппа. Грищенко несколько раз пытался связаться со своими, но безуспешно.

– Я же говорил – со связью здесь странные вещи творятся, – прокомментировал младший научный сотрудник.

– А как вы между собой общаетесь?

– А мы далеко не ходим, – коротко ответил Иванов.

После короткого привала, на котором было съедено по упаковке сублимированной ветчины с хлебом и выпито по несколько глотков кедровой, впереди пошел Иванов. Гумилев шагал следом, глядя на камуфлированную спину ученого, и думал – что, если этим же путем совсем недавно шла Ева? Или ее... или ее тащили... Воображение тут же услужливо предоставило картинку: полуобнаженную Еву, привязанную за руки и за ноги, тащат на палке двое морлоков.

Андрей потряс головой, прогоняя страшное видение, и едва успел остановиться, потому что шедший перед ним Иванов с воплем провалился под землю.

Они с капитаном встали на колени, вглядываясь в разверзшуюся яму. Трухлявые бревна, скрепленные толстыми скобами, были проломлены, а где-то внизу копошился Иванов, перемежая стоны с руганью, не вполне достойной младшего научного сотрудника.

– Что у вас там? Целы? – крикнул Грищенко.

– Цел... Нога вот только... – отозвался Иванов.

– Угроздило же вас... – с досадой сказал Грищенко. – Давайте спускаться, Андрей Львович. Посмотрим, что там за погреб, оценим потери, да и будем вытаскивать.

Это и в самом деле оказался погреб – с бревенчатыми стенами, поросшими белесыми грибами и плесенью, с грубо сколоченными полками и даже подобием лежанки, на которой валялись сгнившие тряпки. Пока капитан возился с Ивановым, осматривая поврежденную ногу, Андрей исследовал помещение.

На полках стояли проржавевшие консервные банки без этикеток. Он заглянул под лежанку и обнаружил там продолговатый ящик, с виду цинковый. Вытащил, откинул крышку, посветил фонариком. В ящике лежали связанные бечевкой толстые пачки советских денег довоенного образца, автомат ППШ, несколько круглых дисков к нему, две длинных винтовки, пара ребристых гранат.

– Капитан, посмотрите! – позвал он. Грищенко сунулся через плечо, хмыкнул:

– Ого! Наверное, старый схрон.

– Чей бы это?

– Мало ли чей. Может, японские шпионы делали, может, наши уголовнички... Тут и до, и после войны кого только не шастало. Вон, до сих пор, видали, что творится?

– И куда это все?

– Да засуньте обратно, пускай гниет. Не в музей же. У нас к тому же хватает проблем – доцент ногу сломал.

– Я не доцент! – откликнулся Иванов. – Я младший научный сотрудник.

С грехом пополам они выволокли стонавшего «доцента» наверх, где Грищенко смастерил ему шину из березки и сделал укол обезболивающего.

– Что будем делать? – спросил Гумилев. – Скоро стемнеет.

– Заночуем. Все равно не успеем до света дойти, с грузом-то... Может, наши на связь выйдут.

– Страшновато, – признался Гумилев.

– А что поделать? Давайте-ка дров насобираем, костер разложим. И теплее, и светлее, и горячего поедим.

Пока они занимались костром, в самом деле стало почти темно. Заморосил дождик, вокруг назойливо зудели комары, но их отгоняли прицепленные к курткам электронные японские пугалки.

Поужинав и еще раз безуспешно попытавшись связаться с группой, решили дежурить по очереди, по три часа. Иванов потребовал, чтобы и его включили в дежурные, но капитан велел ему спать, а сам вызвался стеречь первым. Андрей согласился и тут же уснул, прислонившись к стволу дерева.

...Проснулся он от того, что Грищенко тряс его за плечо.

– Ш-ш-ш! – прошипел капитан. – Кто-то вокруг ходит.

Андрей тут же вынул пистолет и прислушался.

Тайга жила своей ночной жизнью: скрипы, шорохи... Ничего особенного Гумилев не слышал, но полагался на острый слух капитана – уловил же тот сопение морлока в сарайчике... Хотя нет – вот неподалеку треснула сломанная ветка.

– Кто там ходит? – вполголоса окликнул Грищенко. – А ну, обзовись! А то стрелять буду!

Тот, кто стоял в темноте, не ответил. Снова чуть слышно хрустнула ветка.

– А, гадина, – сказал капитан и дал короткую очередь в том направлении. И сразу же вокруг заухало, загоготало; в нечленораздельных воплях прорывались вроде бы различимые слова, Андрей точно услышал «чужой» и «убить». Прижавшись к стволу, он принялся палить в темноту. То же делали Грищенко и проснувшийся Иванов. Когда патроны в обойме кончились, Гумилев схватил длинную головню из костра и бросился туда, где, как ему казалось, находился найденный ими погреб.

– Куда?! Стой, дурак! – заорал вслед капитан, но Андрей не слушал.

Он не ошибся, выбрав направление. Соскользнул в погреб, кинулся в угол, к лежанке. Нашарил под ней цинковый ящик, выволок, обламывая ногти, откинул крышку, ощупью нашарил гранаты. Сколько им лет?! Вдруг там что-то проржавело? Но рассуждать было некогда – он выкарабкался наверх и побежал к свету костра, надеясь, что не попадет под огонь своих. Вокруг по-прежнему ухало и верещало. На ходу Гумилев выдрал из гранат кольца – он примерно представлял, как обращаться с подобными вещами – и одну за другой швырнул их в темноту, туда, где вопили громче всего.

И упал ничком, споткнувшись о корневище.

Он закрыл руками голову, ожидая, что на спину кто-то бросится и начнет рвать когтями и зубами. Секунда, другая, третья... Совсем рядом бухнуло, посыпались комья земли, потом бухнуло еще раз, так, что зазвенело в ушах.

И наступила тишина.

Утром они мастерили носилки из двух винтовок и опустошенных рюкзаков. Лежать на них было нельзя, зато сидеть – вполне.

Остаток ночи прошел спокойно. Они не спали – сидели у костра, потягивая каждый из своей фляжки. Пару раз стрельнули для остротки на шум, но никто их более не тревожил. Когда немного рассвело, пошли посмотреть на следы ночной битвы.

Две небольшие воронки располагались в паре метров друг от друга. Земля и опавшие листья были забрызганы кровью, валялась оторванная челюсть с клочком грязной бороды. Трупов не было.

– Обгадились, мурло, – удовлетворенно произнес капитан.

– Крови много, – сказал Гумилев. – А трупов нет.

– Могли с собой уволочь. Это ж еда.

Вероятнее всего, так и было.

Усадив Иванова на импровизированные носилки, они отправились в сторону «Алых зорь». Но не успели пройти и ста метров, как впереди вновь слышались голоса. Навстречу вышли несколько мужчин в спецназовском камуфляже. Они тоже несли два тела на носилках, сделанных из веток и курток.

– Здравия желаю, товарищ подполковник! – с облегчением сказал Грищенко, вешая на плечо автомат. Гумилев, не в силах двинуться, смотрел на носилки. Мертвые?! Неужели... нет, вроде бы это мужчины, не Ева, нет, конечно же, не Ева...

От группы отделился человек и подошел к ним.

– Привет, Грищенко, – сказал он. Протянул Андрею широкую ладонь. – Подполковник Косарев. А вы, верно, Андрей Львович Гумилев?

– Так точно, – ответил Гумилев, пожимая руку.

– Можно идти назад. Ничем не могу вас порадовать – мы обыскали несколько зон, граничащих с «Алыми зорями», но никаких следов вашей супруги не нашли.

– А это? Что с ними случилось? – Гумилев кивнул на носилки.

– Группа из двух человек пошла в сторону места, которое ученые называют Комариной пустошью. Внезапно связь с ними прервалась, я отправил людей проверить, что случилось. Витя... старший лейтенант Хохлов был уже мертв, когда мы его нашли. Судя по состоянию тела – острая кровопотеря, но вокруг не было ни капли крови. Как будто вампир его загрыз, честное слово! Сколько живу, такого не видел. Идемте, сами глянете.

Гумилев послушно, как сомнамбула, пошел за подполковником к носилкам. Косарев приподнял куртку, накрывавшую погибшего парня, и показал крупные бескровные проколы на шее и разорванный чем-то острым камуфляж, как будто тело несчастного искололи штыком.

– А второй?

– Он жив, но в коме. Надеюсь, успеем спасти. Но у него то же самое. Поэтому давайте поскорее двигаться. Там сзади еще небольшая группа, они нас догонят. А это вы здесь ночью воевали? Мы слышали взрывы.

– Мы, – сказал капитан и вкратце объяснил, что произошло.

– Удачно выкрутились, – покачал головой Косарев. – А мы-то вас вызывали постоянно – и ничего.

– То же самое, товарищ подполковник. Мертвая зона какая-то...

– Давайте-ка скорее отсюда убираться, – повторил Косарев и тревожно огляделся по сторонам.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

Не в этом мире

Пострадавших отправили в Хабаровск, а поиски Евы продолжились. Андрей прожил в лагере ученых еще три дня, участвовал во всех вылазках в тайгу, но не нашел ни единого подтверждения тому, что его жена вообще была в этой местности. Ева исчезла бесследно.

Ничего необычного больше не происходило. Морлоки как сквозь землю провалились, прочесывание стало рутинной процедурой, и Гумилев решил возвращаться в Москву, а спасательный отряд принялся обыскивать территории, находящиеся в радиусе тридцати-сорока километров от подземной базы. В назначенное время Андрей с капитаном Грищенко вышли на поляну, где их уже ждал вертолет. Гумилев в последний раз оглянулся на тайгу.

– Ученый сказал, что это место называется Бараки Ада, – сообщил капитан, который покидал базу с явным облегчением.

– Откуда такое зловещее название?

– Ну, тут речка течет, она Ада называется. А рядом раньше были бараки. Золотопромышленники или еще кто, давно оно было... Да и бараки снесло ураганом, одна избушка осталась, в ней охотники иногда ночуют.

– Ну и названьице, – плюнул Гумилев и пошел к вертолету, уже начинавшему раскручивать лопасти винта.

В Москву Андрей вернулся с тягостным чувством.

Несколько дней он прожил на автомате. Ожидая новостей от Свиридова и его группы, продолжавшей прочесывать тайгу, Гумилев максимально изолировал себя от общения с людьми, если только этого не требовали интересы дела, не открывал газет, не включал телевизор, не слушал радио и не заходил в

Интернет. Большую часть времени он проводил на нижних этажах своего офиса, где работали компьютерщики, далекие от всего, что не касается программ и виртуальных миров. Он с головой погрузился в работу, которая всегда помогала ему переживать удары судьбы.

Время от времени звонил Свиридов и докладывал, что в очередной раз ничего не обнаружено.

Так прошло пять дней, на протяжении которых Гумилев с трудом удерживался от того, чтобы не начать пить. Когда к нему пришел Арсений Ковалев, Андрей откупорил бутылку солодового шотландского виски «Дан Эйдан Дангласс» 1967 года и налил в стаканы на два пальца. Бросил кубики льда, тонко зазвеневшие о стены. Понюхал янтарный напиток из далекого Эдинбурга и поставил на место, не сделав даже глотка.

Арсений, напротив, опрокинул свой стакан залпом. Забегал по кабинету, размахивая руками и восклицая:

– Да как ты можешь тут спокойно сидеть! Я бы на твоём месте уже с ума сошел от беспокойства!

– Отличные перспективы для Маруси – мама пропала, папа сошел с ума! – грустно улыбнулся Гумилев и снова наполнил его стакан. – Пей лучше виски, не мельтеши.

– Виски, виски... – Арсений опустил в кресло, воинственно восторпщив бороду. – Можно подумать, я сюда пить пришел!

Тем не менее свой стакан он тут же опустошил и вновь принял-ся вещать:

– «Отличные перспективы для Маруси»... Ты еще и шутишь! Либо у тебя железные нервы, либо полная атрофия человеческих чувств.

– У меня здравый смысл. Я могу сейчас биться головой об стену – но это ничего не изменит. Люди Свиридова работают, чем я могу им помочь? Как ускорить? Зато, пока я сохраняю трезвый взгляд на происходящее, я могу быстро принимать решения, когда они потребуются.

– Ты робот, а не человек, – покачал головой Ковалев. – Налей еще чуточку, неплохая штукавина.

– Бери мой стакан, – сказал Андрей, – я все равно не буду...

Поиски были официально закончены через десять дней с начала операции в тайге. Как и думал Андрей, ничего нового спасательная группа в итоге не узнала. Теперь он ждал информации о ДНК-экспертизе костей, собранных в тайге. Арсений по обыкновению бродил вокруг и страдал.

– Что ты теперь будешь делать? – зеленый, с кругами вокруг ввалившихся и лихорадочно блестящих глаз, Ковалев одним своим видом нагонял тоску. – Надежды больше нет?

– Ну почему же. Нет надежды на то, что поисковый отряд обнаружит Еву в тайге. Но не более того.

– И на что ты теперь можешь надеяться?

– На то, что экспертиза ничего не покажет. Тогда я буду надеяться, что пятнадцатого сентября Ева выйдет на эту чертову поляну и вернется домой. Я даже распорядился, чтобы вертолет ждал ее в назначенное время.

– А если она не выйдет?

– Тогда я буду ждать, что она вернется в лагерь ученых, Арсений. Когда-нибудь, но вернется. Поэтому я не стану сворачивать там исследования. Пусть изучают, что хотят. Главное, чтобы там всегда были люди, которые смогут ее встретить и помочь.

У Гумилева зазвонил телефон – это был Свиридов. Сердце сжалось.

– Слушаю, генерал. Есть результаты экспертизы?

– Есть, – сказал Свиридов. – Это человеческие останки, но, к счастью, мы не обнаружили совпадений с ДНК вашей жены.

– Спасибо. Я на это и надеялся... Это все?

– Не совсем. Скажите, вы верите в сверхъестественные силы?

– Я верю в себя.

– И все-таки? В этом мире слишком много загадок. Не отмахивайтесь – в вашем случае важна любая информация. Пусть даже самая абсурдная.

– О чем вы?

– Включите ТНТ. Прямо сейчас.

Гумилев щелкнул пультом, выбрал нужный канал. Во весь экран сразу же развернулась фотография Евы в прозрачной бирю-

зовой блузке. Андрей узнал этот снимок – он был сделан одним из глянцевого журналов на открытии его нового офиса.

Затем на экране появился Михаил Пореченков, актер, ведущий программу «Битва экстрасенсов».

– Сегодня мы попытаемся приоткрыть тайну исчезновения молодой красавицы Евы, жены самого богатого человека в России Андрея Гумилева, – сказал Пореченков вальяжно. – Мы предложим пяти экстрасенсам фотографию Евы Гумилевой, спрятанную в конверте. Что почувствуют участники нашего конкурса? Какие видения придут к ним? Узнаем ли мы правду о том, что случилось с Евой Гумилевой?

Андрей поморщился.

– Генерал, зачем вы заставляете меня смотреть эту чушь?

– Сейчас поймете, Андрей Львович. Кстати, вы ведь до сих пор не знаете, какое управление я возглавляю у нас в... организации, не так ли?

– Кстати, не знаю.

Андрей и в самом деле не представлял, что возглавляет Свиридов в своей конторе. Он даже в форме его ни разу не видел, только в штатском. Что он за генерал? Генерал-майор? Генерал-полковник? Или, может, генерал армии? Ясно было лишь одно – когда генерал щелкал пальцами и говорил: «Прыгайте!», все тут же спрашивали, насколько высоко. А таких людей в Российской Федерации не слишком уж много.

Пореченков продолжал нести какую-то чушь, пока генерал продолжал:

– Я вам расскажу как-нибудь позже, а сейчас лишь замечу, что людей, подобных персонажам этой программы, мы частенько используем в работе. И, не побоюсь сказать, весьма успешно.

– Так-так, – сказал Андрей. Арсений внимательно прислушивался к разговору, вцепившись от волнения себе в бороду и переводя взгляд с экрана на Гумилева и обратно. – Стало быть, некое управление по паранормальным явлениям. «Икс-файлы».

– Да как хотите называйте.

– Генерал, программа ведь идет в записи? Значит, вы уже видели ее, так?

– Да, видел. Поэтому и звоню вам.

– Хорошо, я посмотрю, – сказал Гумилев и положил телефон на столик.

На экране тем временем крепкий приземистый мужчина с вывернутыми ноздрями и лысой сияющей головой водил над конвертом с фотографией Евы какой-то соломенной куклой.

– Вы уверены, что там есть фотография? – спросил он наконец.
– Я ничего не чувствую! Вообще ничего!

Его сменила совсем молоденькая блондинка. На вид ей было лет пятнадцать, но в титрах было сказано, что девушка преподает в художественной школе и давно практикует ясновидение.

Кончиками пальцев блондинка прижала конверт к столу. Закрыла глаза, запрокинула голову. Вдруг побледнела, вздрогнула.

– Мне страшно! Очень страшно! Я вижу все какими-то вспышками – страшные люди, как будто какой-то костюмированный бал или инсценировка. Но от них исходит зло, животная агрессия. У них раскрашенные лица, тела покрыты татуировками и шерстью. Они кидаются на меня!

Ясновидящая в ужасе распахнула глаза и резко оттолкнула от себя конверт, прервав связь с фотографией.

– На снимке какая-то девушка. Я не знаю, кто она, но мне удалось на несколько секунд увидеть то, что видела она. Это очень страшно. Я не могу продолжать, – по ее белым щекам катились слезы.

– Но что с ней сейчас, где эта девушка? – настаивал ведущий.

– Я не могу, простите, не могу. Этой девушки больше нет! Есть только страх!

Блондинка, рыдая, выбежала из-за стола.

«Раскрашенные люди... Морлоки?» – подумал Гумилев. – «Да нет, чушь». Притом пугалась и рыдала девушка довольно наигранно.

Следующими испытание проходили близнецы из Белоруссии. Брат и сестра сели напротив друг друга, между собой на стол положили конверт. Достали длинные ножи с узорчатыми костяными ручками, приложили их к разным концам конверта.

Андрей так и не понял, как близнецам удавалось так говорить – но как только замолкала женщина, мужчина на той же ноте продолжал ее мысль, затем снова вступала она – и так далее. Складывалось впечатление, что их рассказ течет беспрерывно, на одной волне, просто озвучен он почему-то разными голосами.

– Это фотография женщины, у которой есть маленький ребенок.

– Дочка лет трех-четырёх.

– Женщина сейчас находится не дома.

– Ее ищут. Не только муж, но и много-много людей.

– Среди них темные люди, у них свои цели.

– Но они не причастны к ее исчезновению.

– Женщина ушла по своей воле.

– Другой мужчина тут ни при чем.

– Ушла очень далеко, за много сотен километров от дома.

– Летела по воздуху – самолет, вертолет.

– Потом долго шла.

– Она что-то ищет, хочет получить ответы.

– Ответы не от людей.

Близнецы скрестили свои ножи, лязгнув лезвиями. Сеанс был окончен. Больше они так и не смогли ничего сказать.

– Канал закрылся, – хором объяснили они.

– Фигня, – сказал Арсений Ковалев. – Тоже мне, экстрасенсы... Озвучили информацию, которую при желании может раздобыть каждый. Это какое-то шарлатанство!

– Тс-с! – перебил Гумилев. В студию привели старушку из ярославской деревни. Тоненькая, высохшая колдунья с невинными детскими голубыми глазами посмотрела на конверт, потом прямо в камеру. Вдруг ее глаза как будто выцвели, стали почти белыми, слепыми – Андрею сразу вспомнилась болгарская прорицательница Ванга.

Старушка заговорила ровным сильным голосом.

– Много зверей вокруг. Орлы, саламандры, пауки, морские коньки. Из чудесного металла. Все они живут в мире между собой, но есть у них вражда с некоторыми людьми. Они кружат ря-

дом с этой женщиной, зовут ее к себе. У нее разноцветные глаза. Она – часть их мира. Она ушла. Ее больше нет. Ее нет в этом мире. Я вижу металлических зверей, но не вижу ее.

В глаза колдуньи вернулся голубой цвет, она повернулась к ведущему.

– Но пропавшая жива? Она вернется? – засуетился тот.

– Вернется, но не скоро. Маруся. Я слышу это имя.

– Маруся? Так зовут эту женщину?

– Нет, Маруся – это та, кто ее вернет, – безмятежно улыбнулась старушка.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

Марго

До пятнадцатого сентября – то есть до того дня, когда Ева обещала вернуться из тайги, – Андрей исправно крутил для Маруси «кино про маму». В последнем своем сообщении Ева радостно объявила: «Ну вот, моя экспедиция закончена! Сегодня ночью я возвращаюсь в Хабаровск, а на следующий день уже буду с вами, мои любимые!»

Эту запись Гумилев решил дочке не показывать по вполне понятным причинам – он понимал, что Ева уже не вернется. Тем не менее пятнадцатого сентября на поляне, где почти месяц назад высадилась Ева, ее ждал вертолет с пилотом, врачом и двумя людьми Свиридова. Вертолет простоял там трое суток. Затем ему на смену прилетела новая команда.

Так продолжалось еще две недели, пока Гумилев не приказал отменить таежные дежурства.

Однажды к Андрею напросился на прием его пресс-секретарь Царьков.

– Андрей Львович, я на минуточку.

– Да-да, проходи, Стас, – рассеянно сказал Гумилев, просматривая биржевые сводки. – Что у тебя?

– Вы помните выпуск «Битвы экстрасенсов», в котором шла речь о вашей супруге? Так вот, на меня вышел человек с канала ТНТ. Сказал, что в эфир вышло далеко не все из того, что было отснято...

– И кому нужна эта чушь? – перебил его Андрей.

– Последняя их колдунья, бабка Мавра, оказывается, много говорила о вас. О том, что кто-то вас приворожит или как-то обманет. Про какую-то девушку с тайным лицом. Про какой-то огонь, взрыв – и еще много чего. Человек с канала говорит, что у него есть диск с полной записью.

Андрей задумался. Пресс-секретарь не знал, что старушка с по-детски голубыми глазами вызвала у Гумилева некое подобие доверия. Андрей даже поручил своей службе безопасности разыскать колдунью. Однако поиски не дали результата. В заброшенной деревеньке в Ярославской области, где раньше жила бабушка Мавра, выяснилось – после съемок программы старушка домой не вернулась. Ни через знакомых, ни через постоянных клиентов колдуньи ее тоже найти не удалось.

– И сколько этот твой человек хочет?

– 15 тысяч долларов за диск.

– А он себя не переоценивает?

– Вообще телевизионщик очень боится – говорит, все исходные записи программы были удалены. А он себе сразу после съемок все скопировал, чтобы маме показать – она у него фанатка «Экстрасенсов». А уже потом выяснилось, что кто-то специально вычистил все, что осталось за рамками эфира!

– Да брось. Скорее всего обычное телевизионное разгильдяйство. Ты вспомни, сколько журналисты нам записей заporоли? Давай сделаем так. Пусть присылает свой диск – я посмотрю. Если посчитаю нужным – дам ему премию. Нет – верну диск.

– Смешно, – с каменным лицом сказал пресс-секретарь.

Гумилев сидел за столом в гостиной и обедал в компании Арсения Ковалева. В первые дни после возвращения из «Алых зорь» он потерял аппетит и съедал за сутки лишь несколько ломтиков своего любимого овечьего сыра или чашку овощного супа. Потом все понемногу наладилось – вернее сказать, Гумилев заставил себя. Впрочем, внешне он никак не изменился, и журналисты, дежурившие возле входа в его корпорацию, делали снимки цветущего миллиардера. Сопровождались они однотипными подписями: «Андрей Гумилев продолжает заниматься бизнесом и не выглядит убитым горем из-за пропажи его жены».

На журналистов Андрей тоже плюнул и даже велел службе безопасности не гонять их, особенно после того, как одному наглому папарацци разбили камеру, отчего тот поднял крик и дошел с жалобами едва ли не до Страсбурга. Но назойливых журналистов

становилось все меньше – никаких новостей о пропавшей жене Гумилева не поступало, а кормиться бесконечно одним и тем же они не умели. Так что скоро уже некого стало и прогонять.

Поэтому обед проходил спокойно, словно ничего особенного и не случилось. Новая кухарка, Зинаида Васильевна, была коренной москвичкой и раньше работала на кремлевской кухне – ее трудовой стаж там начался еще при молодом Леониде Ильиче Брежнев. Потому она, помимо кулинарных талантов, обладала важнейшим умением не слышать и не видеть ничего лишнего. Вот и сейчас Зинаида Васильевна с улыбкой бесшумно внесла второе, бесшумно поставила его на стол и так же бесшумно исчезла. Иногда у Андрея появлялось ощущение, что его обслуживает некий домашний робот, заговаривающий лишь затем, чтобы уточнить меню. Но, памятуя о подлом поступке Ларисы, Гумилев старался не обращать на это внимания.

Накануне обеда они с Ковалевым просматривали документы об испытании искусственного интеллекта в полевых условиях, и Андрей психовал из-за проволочек, возникших по вине бюрократов из Air France.

– Для человека, у которого пропала без вести любимая женщина, ты слишком много думаешь о контрактах, – заметил Арсений, разрезая исходящий ароматным паром мясной рулет с перигорскими трюфелями. – Я бы на твоём месте и думать не смог о работе! Какой, к черту, искусственный интеллект, какие самолеты? Неизвестно даже, жива она или нет. Может быть, Ева в плену у этих волосатых дикарей. Ты же их сам видел – да я бы с ума сошел от беспокойства!

– Вот потому, Арсений, это все принадлежит мне, – Гумилев как-то неопределенно махнул рукой. Его жест мог относиться как к пространству гостиной, так и к городу за большим окном. – Потому моя корпорация переживет любой кризис. И потому ты никогда не потянул бы все это. Ты хороший человек, Арсений, ты мой друг, но без меня ты сидел бы в каком-нибудь занюханном НИИ или, не знаю, в супермаркете охранником бы работал, там платят больше.

– Андрей... – Ковалев был не готов к такой жесткой отповеди.

– Обидел тебя, понимаю, – продолжал Гумилев. – Но не нужно учить меня, как переживать потерю Евы. Для того, чтобы испытывать горе – настоящее горе – не нужно заламывать руки, сходить с ума, бухать и забивать на работу. Это уже не горе – это самолюбование. Мол, посмотрите, как я страдаю! Я – настоящий человек, я способен глубоко чувствовать! Пожалейте меня!.. Не дожидетесь! Это я не тебе говорю, это я им, – Гумилев снова ткнул пальцем куда-то в сторону окна, – им говорю!

Арсений испуганно смотрел на него, бросив еду.

– Помнишь фильм «Москва слезам не верит»? Гоша там в запой ушел с горя, Баталов его еще играл. Вот мужик – погоревал, выпил и снова пошел вперед. И женщину свою вернул. Помнишь, нет?

– «А что вообще в мире делается? – Стабильности нет. Террористы снова захватили самолет», – неожиданно ответил цитатой из фильма Ковалев. Гумилев оторопел, а потом рассмеялся. Перегнувшись через стол, хлопнул Сеню по плечу и сказал:

– Ты ешь, а то остынет. Васильевна отлично готовит.

Гумилев не стал говорить другу, что он намеренно отказался от любых лекарств, которые могли бы притупить все чувства. Что-то страшное пыталось пробиться в его сердце, душу, рвало его, царапало, истязало, но так и оставалось где-то на входе, не проникая внутрь.

Семейный врач привез ему целую аптечку снотворных, транквилизаторов и антидепрессантов. Андрей не открыл ни одной из упаковок. Точно так же он не притрагивался к спиртному – открытая однажды бутылка солодового шотландского «Дан Эйдан Данглас» так и стояла едва початой.

– И давай договоримся, Арсений: если тебе надо читать мораль и впадать в душевные терзания, делай это в мое отсутствие и, соответственно, с кем-нибудь другим. Может, тебе к психоаналитику сходить? Полежишь на тахте, послушаешь тихую музыку.

Арсений обиженно жевал. Потом вздохнул, глотнул сельдерейного сока и сказал:

– Андрей, ты меня прости. Я часто говорю и не думаю. То есть думаю, но... В общем, ты понял.

– Помнишь, реклама какой-то жвачки была: «Иногда лучше жевать, чем говорить», – улыбнулся Гумилев, показывая, что извинения приняты.

– Не обижайся, – не унимался Арсений. – Я хотел, как лучше, а своими словами сделал тебе только хуже...

– Нет, Арсений, – мягко произнес Андрей, – ты так и не понял. Ты не можешь сделать мне хуже или лучше. Ни ты, никто другой вообще не может повлиять на то, что со мной сейчас происходит. Ладно, давай-ка закроем эту тему. Так что у нас насчет Air France? Там террористы, надеюсь, не захватили самолет? Кстати, вот тебе мысль, подкинь Перельману – предусмотреть для искусственного интеллекта программы для возможного захвата самолета террористами.

– Да тут пока не до новых разработок... – проворчал Ковалев, вытирая бороду салфеткой. – Французам попал в руки отчет комиссии об испытаниях искусственного интеллекта на летных тренажерах. Авиакомпанию напугал вывод ученых – о возможных аварийных ситуациях, связанных с нашим модулем.

– Перестраховщики! – Андрей встал, отодвинув тарелку, сходил в другую комнату и принес пачку бумаг, шлепнув ее рядом с едой. Быстро прошелся пальцами по стопке бумаг на столе, выдернул скрепленный степлером документ, прочел:

– «При моделировании ситуаций, связанных с повышенным риском пилотирования, искусственный интеллект модуля, как правило, не справлялся с ситуацией».

– Именно, – подтвердил Ковалев.

– Мы только потому не оспорили этот документ, что не собирались всерьез выходить на российский авиарынок. У Air France ведь есть свое независимое заключение?

– Да, и весьма благоприятное для нас.

– Так в чем же дело? С начала 2009 года искусственный интеллект будет установлен на иранских, йеменских и финских авиалиниях. Это ли не аргумент?

– Но лучшие российские ученые против, – развел руками Арсений.

– Лучшие российские ученые! – фыркнул Гумилев. – Ты хоть

представляешь, какое заключение эти твои ученые дали бы по поводу первого автомобиля? Или паровоза? Или – того страшнее – авиалайнера? Если бы мы слушали таких замшелых консерваторов, так и остались бы на уровне каменного века. Ездили бы на лошадях, огонь вызывали трением и охотились с копьями. К тому же эти русские ученые, я на пятьсот процентов уверен, куплены на корню конкурентами. Это же Россия, Арсений. Тут можно провести десять независимых экспертиз, и все дадут разные результаты. Притом взаимоисключающие.

– Я все понимаю, но... Так ты решил не проводить доработку?

– Нет, искусственному интеллекту просто нужны летные часы, чтобы встроиться в систему. Ты же знаешь, он самообучаем. Но без реальной практики модуль бесполезен. Все, что мы могли сделать на тренажерах, – уже сделано.

– Ты рискуешь тысячами жизней, Андрей.

– Прогресс всегда достигается дорогой ценой. Я считаю, мы сделали все возможное, чтобы минимизировать риски. Послушай, ты же сам руководил всей технической работой, все знаешь лучше меня. История покажет, были мы правы или нет.

– Завтра у тебя назначена очередная встреча с этим Грени из Air France. Может быть, стоит его лично как-то заинтересовать в подписании этого контракта?

– Ты хочешь, чтобы я дал ему взятку? – изумился Гумилев.

– Почему бы и нет? Может, он именно поэтому и тянет...

– Арсений, ты видел, чтобы я хоть раз дал взятку? Хоть препода в университете, хоть гаишнику, хоть чиновнику?

– Нет, но...

– Я этого не делал и не собираюсь делать. Если я предлагаю что-то достойное, как в случае с искусственным интеллектом для авиалайнеров, то не собираюсь проталкивать это за деньги. А если я где-то ошибусь, то я способен нести за это ответственность, а не откупаться. Я могу купить человека для себя, но не дать ему взятку. Улавливаешь разницу?

– Так купи Грени.

– Он мне не нужен. Зачем мне покупать кого-то, кто мне не нужен?

– С твоей извращенной логикой я уже давно устал бороться. Надеюсь в таком случае, что ты все же продавишь решение с Грени, – Арсений отставил пустую тарелку и посмотрел, что бы еще съесть.

– А ты сомневаешься? – усмехнулся Гумилев. Он был уверен: как только французы узнают, что конкуренты уже подписали с ним договоры, вопрос решится в считанные минуты.

Арсений пожал плечами и принялся намазывать маслом кусок зернового хлеба.

И тут телефон Андрея зазвонил. На дисплее определился номер одного из охранников Маруси.

– Да! Слушаю! – Гумилев напрягся. Дочка вместе с няней и охраной должна была сегодня пойти в парк аттракционов. Телохранители никогда не звонили ему, а значит, произошло что-то экстраординарное.

– Андрей Львович, не волнуйтесь с Марусей все хорошо. Мы в больнице, – услышался в трубке голос Тимура, одного из охранников.

– Что случилось? – чуть не заорал в трубку Гумилев.

– Валентина Петровна... Она упала, руку себе сломала, – начал сбивчиво объяснять охранник. – Давайте я трубку дам девушке, она все расскажет.

– Какой еще девушке, к такой-то... – начал было Андрей, но осекся, услышав звонкий женский голос:

– Здравствуйте! Вы не переживайте, я вам расскажу, что произошло...

Когда Андрей примчался в травмпункт, Валентина Петровна – няня Маруси – как раз выходила из кабинета врача с загипсованной рукой. Увидев Гумилева, пожилая женщина расплакалась:

– Андрей Львович, сама не знаю, как это случилось. На ровном месте споткнулась, упала – и такая боль в руке! Доктор сказал – перелом. Если бы не Маргоша, не знаю, чтобы мы делали. Маруся так испугалась...

– А где дочка?

– Папочка! – Маруся выскочила откуда-то сзади и побежала к

отцу, таща за руку стройную темноволосую девушку в клетчатом твидовом пиджаке.

– Мы ходили водички попить, – с улыбкой объяснила девушка Гумилеву, как будто они были давно знакомы.

Андрей взглянул на нее и замер. В первый момент ему показалось, что перед ним стоит Ева – те же зеленые глаза, вьющиеся каштановые волосы до плеч, загнутые вверх ресницы и загорелое лицо.

– Я Марго. Маргарита Сафина. Мы говорили с вами по телефону, – так же просто сказала девушка и протянула ему руку.

– Маргоша очень хорошая девушка, – вступила в разговор няня Валя, увидев, что Андрей ошеломлен сходством новой знакомой и его пропавшей жены. – Она помогла мне подняться, успокоила Марусю и поехала с нами в больницу.

Гумилев с интересом разглядывал Марго. Через знакомые черты Евы начало проступать совсем другое, чужое, нервное лицо – с высокими скулами, тонким носом, почти прямыми бровями и слегка широковатым ртом. Девушка улыбалась, но в глазах Андрей поймал какое-то затравленное, испуганное выражение.

Андрей посмотрел на дочку – обычно при встрече она всегда висла на шее отца, теперь же Маруся не отрывалась от Марго, держа ее за рукава и за полы пиджака, требуя внимания и ласки.

Маргарита легко подхватила малышку и прижала к себе, что-то шепча ей на ухо, – у хрупкой на вид, астенического сложения девушки оказались сильные руки.

– Что же теперь делать? Я же не смогу с Марусей заниматься, – снова сквозь слезы запричитала Валентина Петровна. – Доктор сказал, кости старые, срастаться будут долго – пару месяцев придется на больничном провести.

– Вы не волнуйтесь, – Андрей, наконец, оторвал взгляд от лица Марго и посмотрел на пожилую няню. – Главное, выздоравливайте, а я что-нибудь придумаю. Я сейчас распоряжусь, чтобы вам обеспечили хороший уход и лечение.

– Спасибо, Андрей Львович, да я-то ладно, но кого же вы мне на смену-то найдете? Бедная девочка... мало того, что мама... – няня осеклась, поняв, что сказала лишнего.

Но Марго быстро сориентировалась – закружилась с Марусей в больничном коридоре, защекотала девочку так, что та завизжала на весь травмпункт и, конечно, не заметила слов няни. До сих пор Андрею, Ковалеву и прислуге удавалось отвлекать Марусю от вопросов о маме, не давая грустить и скучать. Девочке сказали, что Ева улетела в новую экспедицию – на Луну и оттуда не сможет присылать «кино».

Андрей задумался: Валентина Петровна была права. Сначала из жизни Маруси исчезла мама, теперь на несколько месяцев уйдет няня, воспитывавшая ее с самого рождения, по сути родной человек... Брать незнакомого человека из агентства – слишком большой риск, дочка его может не принять. Малышка всегда была приветлива с чужими людьми, но не подпускала их близко. Так, как Маргариту.

Маргариту?!

Маруся вновь захохотала, пытаясь укунить Марго за нос.

– Маргарита, а чем вы занимаетесь? Учитесь, работаете? – Андрей решил рискнуть.

– Я студентка иныа, изучаю французский. Только вот придется перевестись на заочное – нужно искать работу, чтобы помогать маме, она у меня в Калининграде живет.

– А почему в Калининграде учиться не стали?

– Я хочу получить профильное образование, а у нас с этим проблемы, – сказала Марго.

– Я вижу, вы легко сходитесь с детьми.

– Ну, у нас ведь в университете есть педагогика – видимо, научили, – засмеялась Марго. – Шутка, там всякой ерунде в основном учат. А на самом деле я мало с детьми общалась – просто с вашей дочкой как-то легко получилось. Само собой.

– Это я вижу. А если я предложу вам временно подменить Валентину и поработать няней Маруси? Справитесь?

– О, я даже не думала об этом... Я не знаю... – Марго явно растерялась.

– Вы сможете жить у меня дома или приезжать каждый день – как вам будет удобно. Думаю, вы знаете, кто я – так что не сомневайтесь, с деньгами проблем у вас не будет. Все равно искали работу,

так чем эта плоха? К слову, вы смогли бы и в языке практиковаться – у меня масса различных контактов с французскими партнерами.

– Ты поедешь с нами, Марго? – как-то неожиданно серьезно спросила Маруся. Она перестала дурачиться на руках у девушки и теперь внимательно смотрела ей в глаза.

– А ты этого хочешь? – Марго начала кокетничать с малышкой – значит, уже решила согласиться на предложение Гумилева.

Маруся успокоенно прижалась носом к щеке своей новой няни.

У Андрея отлегло от сердца – хорошо, что проблему, которая могла надолго стать его головной болью, удалось решить так легко и быстро.

Царьков принес диск с таким видом, словно это был алмаз «Куллинан». Андрей поблагодарил пресс-секретаря за расторопность и, понимая, что тот всяко успел просмотреть содержимое диска, не стал отсылать из кабинета. Велел сесть на диван и вставил диск в проигрыватель.

После каких-то рамок и бегущих цифр на экране появилась уже знакомая старушка Мавра с голубыми детскими глазами. Андрей помнил – когда колдунья войдет в связь с тем, от кого или от чего она черпает свою информацию, ее глаза потеряют цвет, как будто перестанут смотреть в этот мир.

Сеанс начался. Первую часть – про железных зверей и Еву, у которой почему-то разноцветные глаза, – Андрей уже видел. Но старушка продолжила. Она говорила, не выходя из транса, глядя прямо в камеру пугающе слепыми, белесыми глазами.

– У зверей из чудесного металла есть душа. Она всегда незримо рядом с ними. Прозрачная. По образу и подобию человека. Лица расплываются, я не могу их уловить... что-то голубое мелькает, холодное.

Внезапно старушка замолчала, побледнев еще больше. Пореченков, видать, забеспокоился, как бы престарелая колдунья не умерла прямо у него в студии, засуетился:

– Вам плохо? Вот водичка, попейте!

Лицо колдуньи стало совсем восковым. Она не слышала и не замечала ведущего, протягивающего высокий стакан с водой.

– Андрей. Вокруг него крутятся все события. Он – центр. В его жизни все перевернуто. Хорошие люди мешают ему, желают зла. Плохие – помогают и ведут. Самые близкие станут оружием против него. Вокруг обман. Его уже ждет женщина с тайной силой, вторым лицом и несчастным сердцем. Эта женщина – пленница.

– Пленница? Вы говорите о той, которая исчезла? Ее похитили? Держат в плену? – оживился ведущий, который уже не знал, как направить разговор в нужное русло.

Старушка вновь проигнорировала его усилия, начав монотонно раскачиваться взад и вперед.

– Она борется сама с собой и обманывает его. Но она – его спасение, – бормотала старушка. – Ее глаза разного цвета. Вижу зеленый и голубой. Так они узнают друг друга.

– И у второй женщины тоже разноцветные глаза? Я уже совсем запутался. Вы о ком сейчас говорите? – ведущий все еще надеялся, что старушка его услышит.

Колдунья на секунду в испуге закрыла невидящие глаза, замотала головой. Голос набрал еще большую силу.

– Взрыв, я вижу взрыв! Огонь, опасность и страшный холод. Ему не стоит беспокоиться, его ведут и оберегают. Мужчину ждет путь. Ледяной и опасный. На пути смерть и потери. Там он встретит свою судьбу, узнает свое предназначение. У него великое предназначение!

Выкрикнув последние слова, Мавра высоко вскинула тонкие морщинистые руки, напоминая скорее птичьи лапки, и навзничь повалилась так, что Пореченков не успел ее подхватить. Камера тут же ушла куда-то в сторону, упершись в пол, а потом изображение исчезло.

Андрей остановил диск.

Марго быстро стала кем-то вроде друга семьи, ничем не напоминая обслуживающий персонал. С Андреем она держалась дружелюбно и просто, при этом всегда сохраняя дистанцию – например, называла по имени-отчеству. С прислугой была приветлива, но это была приветливость хозяйки дома: Марго каким-то особым образом давала понять, что она не чувствует себя ров-

ней с горничными и уборщицами, умудряясь при этом никого не обидеть. За пару недель в нее влюбились буквально все: Зинаида Васильевна готовила ее обожаемые эклеры, горничная следила за ее одеждой, как будто это было в порядке вещей. Водители безропотно гоняли на мойку маленький «фиат», который Маргарита купила на выделенные Гумилевым «подъемные», несмотря на то что он предлагал ей пользоваться автомобилями из своего парка.

Маруся же и вовсе ходила за няней хвостиком. Девушка стала для нее истиной в последней инстанции – половину своих фраз Маруся теперь начинала со слов «Марго сказала...» Даже о Еве дочка стала хныкать все реже и реже, окончательно примирившись с «экспедицией на Луну».

В доме Гумилева Марго выделили гостевую спальню с гардеробной и ванной и небольшую комнату, в которой организовали кабинет, чтобы девушка могла заниматься учебой. Но Марго нечасто оставалась там ночевать – только когда Маруся капризничала, долго не могла уснуть, и няне приходилось до ночи развлекать ее сказками. В остальные дни девушка, невзирая на уговоры, уезжала на свою съемную квартиру в Москве.

Андрей тоже поддался этому общему влюбленному настроению. Находясь на работе или занимаясь делами, он и не вспоминал о Марго. Но стоило ему, придя домой, встретиться с ней взглядом, как с ним начинало что-то происходить. Усталость уходила, появлялось умиротворение и ощущение покоя. Андрею нравилось просто пить чай с Марго и болтать ни о чем. Сидя в гостиной, он всматривался в ее тонкое, нервное лицо и ловил себя на том, что все чаще останавливает взгляд на ее губах. Марго всегда улыбалась одними губами, из глаз так и не уходило непонятное отчаяние. И это ощущение трагизма вокруг молодой женщины еще больше привлекало Андрея.

При этом он видел – Марго не красавица. Ему не нравилась ее мальчишеская фигура, слишком широкий рот, угловатость в движениях. А может быть, все эти черты он замечал нарочно, чтобы избавиться от наваждения – Андрей чувствовал вину перед Евой, что так быстро увлекся другой женщиной. Впрочем,

ни о каком развитии отношений с няней и речи быть не могло. Она была рядом – и этого хватало для того, чтобы для Андрея снова появилось понятие «семейного очага», исчезнувшее было из его жизни вместе с Евой. Без нее дом превратился всего лишь в место, где можно было комфортно переночевать и поиграть с дочкой.

Думала ли Марго об Андрее как-то иначе, нежели как о работодателе, отце ее подопечной? Она проводила с ним много времени, поддерживала все темы для беседы, но никогда не была инициатором вечерних посиделок. Если Андрей задерживался на работе, Марго уезжала домой, не дожидаясь его. И ему казалось, что девушка к нему холодна.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

Покушение

Гумилев ехал на совершенно бесполезную встречу, где его присутствие было нужно лишь для того, чтобы засвидетельствовать почтение. Высокопоставленные чиновники, дипломаты и бизнесмены – всего человек двадцать пять – должны были собраться на международном инновационном форуме с довольно нелепым названием InnoRussia, чтобы обсудить «перспективы сотрудничества», «векторы развития» и тому подобные протокольные вещи. На подобных мероприятиях никогда не решаются важные вопросы, но все «первые лица» обязаны соблюдать деловой этикет – надевать галстуки и запонки, жать друг другу руки, говорить штампами о том, что всем давно известно, и стараться не уснуть во время круглого стола.

Плюнуть бы на все, взять Арсения и поехать на рыбалку! Не на специальные озера, где в воде плещутся лезущие сами на крючок жирные раскормленные карпы, а в пяти метрах от берега – дом с сауной. Нет, куда-нибудь на дальнюю речушку, в богом забытый район.

Чтобы застрять в дорожной грязи и вытаскивать машину, подсовывая под колеса выломанные на обочине орешины.

Чтобы облазить глинистые крутые берега в поисках раков – когда суешь в норку руку и со смешанным чувством страха и азарта ждешь, пока за палец ухватятся острые клешни.

Чтобы сидеть с удочкой долго-долго, кормить комаров, жариться на солнышке, поймать десяток пескарей и искренне радоваться этому улову.

Чтобы сварить на костре уху вместе с уже помянутыми комарами, пахнущую дымом и болотом, и съесть ее под водочку.

Андрей вдруг увидел вокруг себя то, что давно уже было для него в худшем случае докучливым, а в лучшем – незаметным фо-

ном. Оказалось, что на улицах давно не лежит снег, и зима, которая так соответствовала его состоянию души, закончилась. Он с удивлением смотрел на неизвестно когда позеленевшие клумбы, на проснувшиеся деревья, на слепящее солнце и людей в легкой весенней одежде.

– Юр, мы не едем на Арбат, – неожиданно для себя сказал Андрей водителю.

– Да, шеф, – ничуть не удивившись, отозвался тот. – А куда едем?

На этот вопрос он еще не придумал ответа. Сейчас Андрей никуда не стремился.

Боль, вошедшая в душу, его освободила. И ему хотелось просто видеть город, людей, улицы – все то, что он не замечал в последние месяцы, противостоя своей трагедии.

– Давай выберемся куда-нибудь, где нет пробок. Куда угодно, главное – не стоять на месте. Да, и выключи музыку, пожалуйста.

Гумилев обычно любил, когда в машине играла музыка – она как будто изолировала его от внешнего мира, становилась плотным, почти осязаемым барьером из звуков между ним и другими людьми. Чаще всего он слушал классику – длинные и нудные симфонии, которые совершенно не сочетались с обыденным пейзажем за окном «Мерседеса».

Теперь же Андрею не хотелось отгораживаться. Наоборот, ему было необходимо почувствовать, что он не один.

Все вокруг было залито солнечным светом, даже прохожие казались не такими кризисно-озабоченными, как всегда. Андрей улыбнулся и почувствовал сопротивление мышц лица. Наверное, так должен ощущать себя человек, решивший после долгого перерыва снова сесть за руль – вроде все помнишь, все знаешь, раньше часто это делал, но навык потерялся, надо теперь заново восстанавливать.

В этот день Гумилев вообще не поехал в офис, а на встревоженные звонки типа «Мы вас ждем, куда же вы делись» велел отвечать, что у него «разгрузочный день», и ничего более не комментировать. Забрав с прогулки Марусю и Марго, он отвез их домой и провел с дочкой весь оставшийся вечер. Ужинали они втроем, и

Андрей невольно вспоминал такие же семейные вечера, только с Евой в главной роли. Но Евы больше не было с ними.

– Ты так сильно скучаешь? – Марго заметила, что Андрей замер за столом, забыв о еде.

Они как-то незаметно перешли на ты и свободно обсуждали любые темы. Взаимная симпатия была так очевидна для них обоих, что не требовала каких-то объяснений, лишь действий. Но на действия пока никто не решался.

– Знаешь, сегодня все изменилось. Я, кажется, научился с этим жить, – Андрей и Марго старались лишний раз не упоминать имя Евы при Марусе, чтобы не беспокоить малышку.

– Когда ты заехал за нами, я сразу заметила, что у тебя лицо по-светлело. Так и подумала: произошло что-то хорошее.

Гумилев улыбнулся и не стал ничего больше объяснять.

Потом, после ужина, он стоял и через приоткрытую дверь детской следил, как Марго поднимает с пола игрушечного котенка и подкладывает его под руку спящей Маруси. На пару секунд няня задержалась возле кровати. Марго стояла и молча смотрела на его дочь, но Андрею показалось, что девушка знает о его присутствии. Знает и дает ему возможность понаблюдать за собой. Андрей тихо отступил в темный коридор.

Он ждал, когда Марго выйдет из комнаты девочки. Андрея безумно влекло к ней. Но заводить роман с няней своей дочери? Бальнее только интрижка с секретаршей.

Андрей хотел уйти. Марго знала, что он стоит за дверью, и давала ему шанс передумать и оставить все, как есть.

Но он не ушел.

Просто не мог уйти.

Дверь детской приоткрылась чуть шире и сразу мягко закрылась за Марго. Она не стала делать вид, что удивилась, но и никаких других эмоций тоже не показала.

– Я завтра с утра заеду в магазин игрушек. Маруся куда-то положила своего медвежонка. Сегодня полдня его искали – бесполезно. Она переживает, лучше я куплю ей такого же и скажу, что он нашелся, – совершенно буднично сказала девушка. Не глядя друг на друга, они спустились в гостиную.

– А если найдется тот, старый медвежонок? – Андрей сам удивлялся, что дежурная часть его мозга может не только анализировать услышанное, но и генерировать вполне подходящие ответы. Остальная – значительно большая – часть его сознания была подавлена физическим желанием. Они остановились друг напротив друга.

– Тогда я что-нибудь придумаю, выкручусь, – по логике этой фразы Марго должна была улыбнуться. Легко и непринужденно, как обычно.

Но девушка не улыбалась. Она просто смотрела на него. Ничего не происходило, но свет в комнате вдруг стал резать ему глаза. Андрею показалось, что пространство вокруг Марго сверкает, а вся обстановка комнаты стерлась в вязком тумане.

У него отключилось боковое зрение. Все, что он видел сейчас, – это Марго. Андрей не понимал, что в ней изменилось. Еще час назад ему казалось, что няня, готовясь к ужину, переделалась из домашнего велюрового костюма в обычную, ничем не примечательную одежду.

Но сейчас – в этом режущем свете – оказалось, что ее серая блузка тонка и почти не защищает ее тело от взгляда, что вырез достаточно глубокий, что разрез на юбке, обнимающей бедра, открывает ее колени, а при каждом движении девушки появляется тонкая полоска кожи на талии.

Андрей больше не мог фокусироваться на ее зрачках. Его глаза спускались по шее Марго, до ключиц, и уходили в вырез блузки, касались талии, гладили колени, скользили до тонких щиколоток и поднимались вверх.

Она видела – не могла не видеть, – что с ним происходит, но оставалась такой же спокойной.

Могла уйти, вспомнив, что уже поздно, – теперь уже Андрей давал ей возможность остановить то, что происходило.

Она не уходила, но и не выдавала никаких эмоций. Только зеленая радужка ее глаз почти исчезла за предельно расширенными – распахнутыми – зрачками.

– Надо придумать какую-то легенду про второго медвежонка, – Андрей надеялся, что его фразы имеют хоть какой-то смысл. – Например, брат приехал в гости.

Он слышал свой голос как будто издалека, через стук своего сердца. Они не сдвинулись с места, но ему казалось, что дистанция между ними исчезла, как будто даже не осталось кислорода, потому что ему было тяжело дышать, а Марго, казалось, вообще не дышит.

Расстояние схлопнулось, затягивая их, резко привлекая друг к другу. Андрей не сделал ничего, просто ослабил сопротивление и поддался этому притяжению. Марго что-то сказала, ему показалось, что она произнесла его имя, но он не был в этом уверен. Это было так естественно, что Андрей не сразу понял, что грань перейдена.

Он поцеловал ее. Мир не взорвался, ничего не изменилось – наоборот, Андрею казалось, что этот поцелуй длится уже давным-давно, все эти полгода, что они ежедневно встречаются у него дома. Просто теперь то, что всегда происходило между ними, обрело физическое проявление.

Марго не оттолкнула, но и не обняла его. Она ответила на поцелуй, хотя Андрей не был уверен, что, отстранившись, не увидит в ее глазах протест или страх. Он сделал шаг назад, Марго отвернулась.

– Я поеду. Уже поздно, – медленно, после паузы, сказала девушка.

– Ты можешь остаться здесь, – Андрей совершенно не понимал, чего она сейчас на самом деле хочет.

– Я поеду.

Марго быстро – но не так, чтобы это было похоже на бегство, – вышла из гостиной. Скоро он услышал, что хлопнула дверца машины возле дома. Андрей посмотрел в окно. Марго сидела за рулем, положив на него вытянутые руки, и смотрела прямо перед собой. Так прошла минута или две. Затем Марго завела машину и тронулась с места.

...На улице был настоящий, классический май – тот, который обычно вспоминается в самые промозглые и слякотные дни осенне-зимней непогоды. Даже пробки не раздражали Андрея, и он велел водителю не выставляя на крышу мигалку. Стоя в неподвижном потоке, Гумилев мог рассмотреть давно знакомые

старинные здания, чередующиеся со стеклянными небоскребами, цветущие каштаны и улыбающихся людей – все то, что обычно сливалось в яркую радугу, проносящуюся мимо на большой скорости.

В салоне снова играла музыка. Тягомотные симфонии отправились на покой – Андрей велел водителю купить что-нибудь на свой вкус, только не слишком попсовое. Тот купил и угадал: быстрая, летящая электрогитарная музыка без слов с легкими ударными напоминала о лете, море, волнах... Стиль назывался «серф», и Гумилев поблагодарил Юру за хорошую музыку. И даже написал премию.

Окно стоявшего слева «Форда» слева приоткрылось и оттуда показалась огромная белая морда лабрадора. Собаке было жарко в нагретой на солнце машине, и она тяжело дышала, вывалив язык и распахнув – как будто улыбаясь – зубастую пасть. Андрей, обычно сидящий на заднем сиденье справа, наискосок от водителя, передвинулся на соседнее место, чтобы понаблюдать за псом...

Он вспомнил, как год назад они с Евой и Марусей пришли в гости к их друзьям – семейной паре, у которых было двое маленьких детей и точно такой же кремовый лабрадор. Пока родители общались в гостиной, дети играли с добродушной псиной. Прошел час. Кто-то тихонько поскребся в дверь гостиной.

– Это Джой. Видимо, сбежал от наших девчонок, совсем они его замучили, – догадалась хозяйка дома.

Ева, сидевшая ближе всех к двери, вскочила с дивана.

– Я впущу его, пусть передохнет, – улыбнулась она.

Распахнув дверь, Ева завизжала.

Перепуганная ее криком, в гостиную пулей влетела собака и кинулась к своей хозяйке. Та в ужасе вскочила с кресла.

– Ой, что это?

Ева уже успела прийти в себя, и теперь хохотала в голос, держась одной рукой за живот, а другой – за косяк двери.

Некогда светлый лабрадор теперь имел вид цветочной клумбы. Вокруг глаз у псины красовался фиолетовый круг и зеленый цветок. Нос был раскрашен под божью коровку. Одно ухо было

полосатым, второе – в клеточку. На левом боку собаки пестрели разноцветные бабочки, цветочки и жучки. На правом – странные пятиногие человечки, зеленые летающие тарелки и какие-то неведомые зверюшки.

– Так, зеленых человечков точно рисовала Маруся. Узнаю ее стиль, – внимательно изучив раскрашенную собаку, заключила Ева.

– А бабочек мои девчонки изобразили, – решила хозяйка дома.

– Джой, Джой! Куда ты ушел? – в гостиную ввалились три малолетние художницы, перемазанные не хуже лабрадора. В руках у них были зажаты фломастеры и кисточки.

Девочки властно окружили собаку, которая встретила их с покорностью и принятием неизбежного в глазах.

– Что вы еще хотите сделать с бедным животным? – удивился Андрей. – На собаке уже чистого места нет.

– А хвост? – Маруся деловито подошла к псине и двумя пальцами подняла пушистый собачий хвост, еще не до конца перепачканный краской.

Андрей улыбнулся этим воспоминаниям. Откуда-то сзади начал приближаться рев мощного двигателя. Гумилев оглянулся: мимо двух рядов плотно стоящих машин к ним приближался черный спортивный мотоцикл. Защитный костюм байкера и шлем тоже были черного цвета. «Вот кому сейчас хорошо, – подумал Андрей. – Пробки для него не проблема, и мигалка ни к чему».

Лет десять назад Гумилев участвовал во всех байкерских сезонах, тратя свободное студенческое время на поиски адреналина. Разбив пару мотоциклов – не таких крутых, а переделанных самостоятельно в старом гараже «Уралов» – сломав себе несколько костей и обзаведясь десятком шрамов, он решил, что кататься по Москве на двухколесном друге слишком опасно. К тому же у него все меньше времени оставалось на развлечения – Андрей полностью ушел в свои разработки и исследования. Адреналина там оказалось побольше, чем в уличных гонках. Тем не менее он всегда с удовольствием и ностальгией рассматривал новые модели мотоциклов.

Это был «Дукати Монстр», хорошая машина. Байкер приближался справа, и Андрей хотел было передвинуться на то место, где только что сидел, чтобы поглядеть на «Монстра» поближе, но внезапно его прошиб озноб, все мышцы резко свело. В глазах за сверкали ледяные искры. Тело сковало. Он не мог пошевелиться, не мог издать ни звука. Перед глазами неожиданно возникло прозрачное лицо с синими прожилками. Андрей вспомнил Сингапур и увидел, как мотоциклист приблизился к его машине, притормозил, снял свой рюкзак, бросил его на крышу автомобиля – над тем местом, где только недавно сидел Гумилев, – и пулей помчался вперед, лавируя между застрявшими в пробке машинами.

Андрею показалось, что его сердце тоже заморожено и уже не может биться. Он попытался вздохнуть – и замер с открытым ртом.

И вдруг все взорвалось. Грохот, сверкание, крыша машины взлетела вверх, сиденье прошила горячая лава. Гумилев почувствовал, как в него впиваются раскаленные осколки. Он услышал крик водителя, затем – свой.

Потом раздались выстрелы.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

Разноцветные глаза

Выстрелы, крики, лай собаки, истеричные гудки машин, хлопанье дверей – звуки то возникали, то растворялись в глухом тумане. Чьи-то руки – видимо, охранников, выбежавших из машин сопровождения, – вытаскивают его из развороченного салона. Боли пока нет, но очень скоро она появится. А пока тело ломит от этой странной заморозки.

Голоса.

Телохранители.

– Живой?

– Живой вроде... Осколки попали. Мало ли, что там задето внутри.

– Как Юрка?

– Без сознания, но тоже живой. Он-то впереди был, оглушило только... Эта сука бомбу прямо надо Львовичем кинул...

– Черт, «Скорая» сюда по таким пробкам сколько ж ехать будет...

Третий голос – кажется, старший сопровождения, Серега:

– Сейчас вертолет пришлют.

– Б..., нам теперь голову снимут, что пропустили киллера.

– Да как его не пропустить? Он на байке, а мы на джипах. Я, когда стрелял, боялся в людей попасть. Вот тогда бы нам точно кранты.

– А этого гада теперь по пробкам хрен поймашь. Бросит где-нибудь мотоцикл, переоденется – и еще сюда придет посмотреть, как получилось.

– Слушай, а чего шеф с другой стороны сидел? Если бы не передвинулся – уже трупом был бы.

– Кто его знает. Садился как обычно. Повезло, наверное.

– Как думаешь, тот, второй байкер вместе с киллером работал?

– На «Кавасаки»? Похоже. Попер за первым, километров двести в час шел, наверное. Я думал, заденет кого – нет, проскочил, падла.

– А я побоялся в него стрелять. Думаю, вдруг, случайный человек. Но все номера я записал.

– Что со свидетелями?

– Да вон, Сашка их ловит. Говорит, прямо на обочине, рядом с нашей машиной индус какой-то стоял. Как только его взрывом не задело, не понятно! Но он по-русски ни слова не понимает. Странный такой, у него еще один глаз синий, другой – зеленый. Пришлось других свидетелей искать.

Последние слова расплылись в пульсирующем шуме, Андрей вновь провалился в забытие. Когда пришел в себя, он уже лежал на носилках, которые грузили в вертолет. Анестезия, сковавшая его тело перед взрывом, почти отпустила – через нее все сильнее и сильнее пробивалась острая, пекущая боль. Гумилев сжал зубы. Судя по тому, что он мог шевелиться и соображать, ничего критического с ним не произошло.

«Ну надо же, покушение! – отрешенно подумал он. – Первое за всю историю моей корпорации. Когда-то это должно было случиться. Не зря мне навязали и бронированную машину, и охрану. Да только ничего бы это не помогло, если бы я остался сидеть на своем месте».

– На окнах – пуленепробиваемое стекло, в палате постоянно будут дежурить медсестра и охранник, за дверью – еще четверо вооруженных людей. Все здание больницы под контролем, – отпартовал начальник службы безопасности Санич, когда Гумилева после осмотра и перевязок поместили в предназначенную для него палату.

Боль то уходила под действием сильных обезболивающих, то возвращалась снова. Но умирающим себя Гумилев не чувствовал.

– Это успокаивает, конечно, – сказал он сварливым тоном. – Только «Мерседес» у меня тоже был самый надежный, бронированный. И две машины с охраной следом. Сколько их там? Пятеро?

– Шестеро.
– И того лучше, шестеро бойцов.
– Андрей Львович, это наш просчет, мы будем вести свое расследование...

Санич выглядел совсем убитым, и Гумилеву стало его жалко – в конце концов, начальник службы безопасности и в самом деле не был виноват. Броня на крыше – самая тонкая, предусмотреть ситуацию с пробкой и мотоциклистом было можно, но как ее избежать?

– Ладно, Олег, проехали. Живой ведь. С Юркой там все нормально?

– Нормально.

– Хорошо. А из посторонних никто не пострадал?

– Направленный взрыв, Андрей Львович. Все вниз, в салон пошло. Рядом машины даже не поцарапало почти.

– Хорошо... Что собираешься делать?

– Будем разбираться, кому это выгодно. И вас стеречь.

– Стерегите. Но толку... Если кому-то очень нужно меня убить, он это сделает. Наймет снайпера. Отравит меня в ресторане. Подкупит человека из охраны.

– Андрей Львович... – Санич едва не плакал от стыда.

– Да я шучу, не обижайся. Иначе не разговаривал бы с тобой...

В палату заглянула молодая медсестра.

– Простите, – сказала она, – вы кушать будете?

– Какие уж мне сейчас кушанья, – улыбнулся Гумилев и тут же поморщился от очередного накатившего приступа боли.

– Каша овсяная, – сказала медсестра. – Фрукты.

– Видишь – каша. А вдруг там диоксин или полоний подмешаны?

– Я попробую, – сказал Санич.

– Яды бывают медленные, не слышал? Попробуешь, потом я поем, и к вечеру обоих Кондратий обнимет. Вы, девушка, не беспокойтесь пока, – обратился он к медсестре, – я, если проголодаюсь, вас позову.

– Как будет угодно, – согласилась та и исчезла.

– Ладно, Олег, иди разбирайся. И пульт от телевизора мне дай...

Интересно, что журналисты там понаснявали.

– Вот, как раз и новости начинаются. До свидания, Андрей Львович. Выздоровливайте.

– Постараюсь. Да, и это... Не надо мне в палату охранника. Пусть за дверью сидят, а сюда – только если позову!

Санич закивал и вышел, аккуратно прикрыв за собой дверь.

После новостной заставки на экране появилось довольное лицо ведущей. «Говорящие головы» телевидения одинаково радостно сообщают и о заседании правительства, и о победе российской сборной по футболу, и о крупных авариях с человеческими жертвами. На этот раз диктор тоже не оставила своего оптимизма.

– Сегодня в Москве совершено покушение на Андрея Гумилева, самого богатого человека в России по версии журнала «Форбс» на протяжении последних трех лет. Когда машина Гумилева двигалась по Большой Якиманке в направлении Каменного моста, к бронированному «Мерседесу» миллиардера подъехал мотоциклист, установил на крышу автомобиля взрывное устройство и быстро уехал. Несмотря на то что Андрея Гумилева всегда сопровождает вооруженная охрана, остановить киллера им не удалось.

На экране появились кадры с места покушения. Искореженная машина, кровь на асфальте, саперы в спецодежде. Какой-то человек в милицейской форме с погонами полковника комментировал:

– Мы сейчас выясняем, какая взрывчатка была использована для покушения. Но заряд был достаточно сильным. Вы видите: кумулятивная струя прошла бронированную обшивку насквозь и ушла в землю на сорок сантиметров.

– Только чудом Андрей Гумилев остался жив, – радостно вклинилась ведущая. – Миллиардера и его водителя Юрия Савинова доставили в больницу с осколочными ранениями. Тем временем удалось задержать киллера, покушавшегося на жизнь миллиардера.

На экране несколько спецназовцев в масках заталкивали в машину человека в черном байкерском костюме из прорезиненной ткани. Камера приблизилась – совсем еще юный парень, от силы лет девятнадцать. Резкие носогубные складки, глаза затравленные, но рот, разбитый в кровь, решительно сжат. Лицо совершенно не знакомо Андрею.

– История задержания убийцы тоже не вполне обычна. Как рассказывают свидетели, после того как мотоциклист подложил бомбу и сорвался с места, за ним погнался другой мотоциклист. Уже на Каменном мосту он сбил киллера и задержал его до приезда милиции.

В кадре появился невысокий рыжеватый молодой человек в таком же костюме, как у киллера, только красного цвета. Левая сторона лица у парня была стерта в кровь и засохла безобразной коркой – видимо, последствия драки с убийцей. Внизу появилась подпись – «Борис Гордеев».

– Я увидел, что какой-то человек кладет рюкзак на машину. Думаю – странно. Потом вижу, что номера у машины не простые – явно какая-то шишка едет. И не просто так ему что-то подкладывают, а явно убить хотят. Но сбить рюкзак я с машины не успел, все в считанные мгновения произошло. Зато я после взрыва решил, что смогу догнать его. Ну вот, догнал, – парень потер рукой пораненную щеку.

– Спасибо, Боря, – пробормотал Гумилев и подумал, что надо бы парня потом найти, поблагодарить.

– Следствие сейчас выясняет, кому перешел дорогу Андрей Гумилев. Учитывая, что его корпорации принадлежат сотни компаний по всему миру, список потенциальных заказчиков покушения не будет коротким, – бодро завершила сюжет ведущая.

Потом начался сюжет про очередные дебаты в Госдуме, Гумилеву не интересные. Он посмотрел на тумбочку: рядом с букетом цветов (какого черта и кто его сюда поставил?!) лежал мобильный телефон. Андрей протянул руку – боль усилилась от движения – взял телефон и набрал номер.

– Живой, Андрей Львович?! – раздалось в трубке.

– А то вы не знаете, – сказал Гумилев.

– Знаю, потому и не звонил. Может, вас там штопают, – Свиридов снова перешел на вы.

– Все еще впереди. Пока лежу вот, отдыхаю, смотрю новости про себя. Поймали субчика. И сразу просьба у меня. Посодействуете моему начальнику службы безопасности? Ну, вы понимаете, – поискать, откуда там что произрастает.

- Саничу? Помогу, отчего ж не помочь.
- Я тогда ваш телефон дам, он свяжется.
- Хорошо. Сами-то киллера не признали?
- Нет. Пацан как пацан, нанимают уже черт знает кого... Ладно, Илья Ильич, заранее благодарен, буду отдыхать.
- Скорейшего выздоровления, – сказал генерал и отключился.

Операция по извлечению осколков длилась больше часа. Андрею повезло: острые куски железа не задели ни костей, ни жизненно важных органов. Тем не менее врачи настояли, чтобы он провел в больнице несколько дней.

– Я специально попросил хирурга сделать мне несколько лишних шрамов, – пошутил он, когда Марго пришла его навестить. – А то, что это за покушение, после которого даже следов толком не останется? Теперь будет чем похвастаться. Плюс еще с десяток шрамов осталось от байкерских аварий.

– Давай и я похвастаюсь, – улыбнулась Марго, присаживаясь к нему на кровать. – У меня тоже есть шрам – когда-то давно я сильно поранила руку.

Девушка закатала рукав футболки и обнажила правое плечо. Только сейчас Андрей увидел, что руку няни выше локтя опоясывают какие-то странные темно-серые знаки.

- Это же татуировка?
- Да, шрам был ужасный, я его очень стеснялась. И решила скрыть.

Гумилев рассматривал странные рисунки – что-то вроде дерева с поднятыми ветками, буква «Р» и стрелка, указывающая вверх.

- Это какой-то ребус? Шифр?
- Это руны.
- И что они означают?
- Вот эта, – Марго показала на «дерево», – дает защиту от всего плохого и злого. Эта, похожая на «Р», означает радость и свет, а последняя помогает в борьбе с самим собой.

– Не думал, что тебе нужна защита от кого-то. И уж тем более, что ты борешься сама с собой, – Андрей удивился, с какой серьезностью относилась Марго к этим знакам.

Он провел пальцами по ее коже, пронизанной татуировочной тушью, и почувствовал рубцы хорошо замаскированного шрама. Андрей посмотрел Маргарите в глаза: испуг и тоска, казалось, стали еще заметнее. В нем вдруг поднялась волна нежности к девушке – она показалась ему такой слабой и беззащитной, что Андрею, несмотря на его ранения, захотелось обнять ее, защитить, закрыть от всего мира, которого она так боялась.

Будто почувствовав это, Марго наклонилась и прижалась губами к его шее.

Раздался стук в дверь, девушка быстро отстранилась, встала. В палату вошел Санич.

– Прошу прощения, Андрей Львович. У меня есть данные о том, кто на вас покушался. Доложить сейчас или подождать?

Марго подхватила свой пиджак, оставленный на спинке стула.

– Я уже ухожу. Всего хорошего, выздоравливай. Завтра мы придем с Марусей. Не хотелось ее пугать твоим перебинтованным видом, но ты смотришься вполне бодро.

– Тогда до завтра, – Андрей не спускал с нее глаз, пока девушка не закрыла за собой дверь.

– Все-таки она очень милая, – смущаясь, заметил Санич.

Гумилев удивленно посмотрел на начальника службы безопасности и сказал:

– Ты садись, не маячь. Ну, что там у нас?

– Любопытная история получилась, Андрей Львович. Он сразу в несознанку ушел, документов никаких, мотоцикл краденый... Спасибо генералу, помог. Короче, киллер – некий Дмитрий Краснов.

– И кто его нанял?

– В том-то и дело, что его никто не нанимал. Покушение на вас – его личная инициатива. Он студент, учится на третьем курсе химико-биологического факультета. Говорит, что бомбу собрал сам. Обыск в его квартире это подтвердил – у него там оказалось полно каких-то инструкций, распечаток из Интернета, взрывчатки и других веществ.

– И чем же я ему так насолил? Я его и не видел-то ни разу в жизни...

- А вам его фамилия ни о чем не говорит?
- Как ты сказал, Краснов?
- Краснов.
- Краснов... Я человек десять с такой фамилией знаю. Так какие у него ко мне конкретно претензии?
- Он пытался отомстить за отца, Анатолия Краснова. Месяц назад вы приобрели его исследовательскую компанию, расположенную в Туле. Вместе со всеми площадями, землей и оборудованием.
- А, вспомнил! Хорошая компания, с большими наработками в области генной инженерии.
- Это было дело всей жизни его отца. По словам этого парня, вы не заплатили Краснову ни копейки. Провернули аферу и забрали компанию. У его матери случился сердечный приступ, когда она узнала о потере бизнеса. Умерла. Отец тихо спивается и не хочет жить, – сказал Санич, опустив глаза, словно виня себя самого за все беды семьи Красновых.
- То есть этот наш киллер решил отомстить мне за поруганную честь отца? – зло спросил Андрей.
- Начальник службы безопасности был ошарашен циничным тоном Гумилева, но ему пришлось ответить:
- Парень проходил там практику, собирался после окончания университета работать в области генной инженерии. Так что история с отцом и его лично подкосила.
- Санич замолчал. Молчал и Гумилев.
- У меня на него уже собрано досье, – вновь подал голос начальник службы безопасности. – С кем общается, у кого взрывчатку купил... Он так наследил, как будто и не собирался прятаться.
- Запроси для комплекта его характеристики из университета – насколько он способный, как учился и какое будущее ему прочат преподаватели.
- Да какое будущее? Тюрьма теперь его будущее... – печально сказал Санич.
- И тем не менее. Далее – через три дня, когда я приду в себя, организуй мне встречу в СИЗО с киллером и его отцом. Я хочу, чтобы они оба присутствовали. Думаю, вы найдете, как это сделать. Не получится – позвоните Свиридову, он поможет.

– Есть, Андрей Львович, – сказал безопасник, вставая.

– Да, и этого парня, как его... Гордеев? Да, Гордеев... На него тоже соберите все данные, а когда я малость очухаюсь, я с ним встречусь.

Пока Андрей проводил дни на больничной койке, ему несколько раз звонил Степан Бунин. Раньше он обрывал телефоны Гумилева, пытаясь узнать, нет ли новостей о Еве. После того как прошло несколько месяцев, Бунин уже не спрашивал, как идет расследование. Их общение сводилось только к вопросам Арктического клуба и будущего марш-броска во льды. Подготовка к Арктической экспедиции шла полным ходом, формировалась команда, и Бунин надеялся уговорить Гумилева принять личное участие в поездке. Ученому казалось, что после покушения миллиардер не захочет оставаться в Москве, тем более если здоровье его серьезно не пострадало.

– Степан, у меня нет никакого намерения бежать и прятаться. Это смешно. К тому же я говорил – мне не интересна эта экспедиция. Поезжайте, занимайтесь, привозите результаты. Мое присутствие там никому не нужно, – в очередной раз объяснял Гумилев Бунину. – Буду я как свадебный генерал. Я и холод-то не люблю.

Думая о неудавшемся покушении, Андрей чувствовал, что его не отпускает беспокойство. Это не был страх за свою жизнь – пойманный и нейтрализованный преступник больше не представлял для него угрозы. Переживал он за маленькую Марусю. После исчезновения Евы он остался единственным, кто мог поставить девочку на ноги. Случись с ним что-то плохое – и кто позаботится о дочке? Родители Евы погибли в автокатастрофе много лет назад. Конечно, есть его мама – Марусина бабушка, живущая в Сочи. Но пожилая женщина, то и дело поправляющая шаткое здоровье в клиниках и санаториях, не лучшая компания для маленькой девочки.

Арсений Ковалев, ее крестный, с радостью взял бы опеку над малышкой, но, по правде говоря, Арсений был слишком инфантилен и увлечен своими исследованиями, чтобы взваливать на себя такую ответственность. Вокруг трехлетней наследницы огромно-

го состояния тут же начался бы хоровод бедных родственников, дальних друзей и благотворителей разного пошиба, мечтающих позаботиться о девочке и получить доступ к ее миллиардам.

«В общем, как ни крути, а придется протянуть еще лет пятнадцать», – посмеялся про себя Андрей.

И все-таки какая-то еще одна неясная мысль не давала ему успокоиться. Что-то будоражило его сознание, подталкивало вспомнить некую важную деталь, но не получалось. Андрей начал выуживать из памяти все странные, даже абсурдные события последних месяцев. Что произошло с ним в машине? Он же четко помнил, что собирался передвинуться на свое привычное место, и тогда взрыв разнес бы его в клочья. Что-то удержало его, заморозило. И потом, это странное видение за секунду до взрыва – прозрачное существо с голубоватыми прожилками на лице. Проще всего было бы списать появление призрака на контузию после покушения. В конце концов, машина не подлежит восстановлению, он сам и водитель лишь чудом остались живы – после такого не то что фантомы мерещиться будут, еще и черти начнут приходить среди ночи или гномы из батареи выползать...

Беда в том, что списать видение на аварию никак не получалось. Андрей помнил, где и когда он уже сталкивался с прозрачным человеком. В Сингапуре, в полутьме лобби-бара.

Вот оно!

Разноцветные глаза!

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

Мститель

Старший Краснов уже полчаса дежурил в СИЗО, где держали его сына, когда к зданию подъехал Гумилев на новеньком «Мерседесе» с усиленной броней, изготовленном по спецзаказу. Андрей уже почти оправился от взрыва – швы затянулись, хотя все еще иногда отзывались неожиданной тупой болью, а самая глубокая рана на ноге заставляла его слегка хромать.

Андрей специально просил, чтобы отцу и сыну не давали увидеться наедине. Он хотел присутствовать при их первой встрече после неудавшегося покушения и участвовать в первом разговоре.

Анатолий Краснов выглядел совершенно раздавленным. Он бесформенной тушей расплылся на жестком стуле в «предбаннике» СИЗО, как человек, которого лишили стержня. Краснов умоляюще посмотрел на Гумилева. Не нужно было ничего говорить, чтобы понять, чего он хочет. Он был готов кинуться Андрею в ноги, лишь бы тот остановил происходящее, лишь бы отменил эту встречу.

Гумилев эту невысказанную мольбу проигнорировал. Он молча кивнул конвойному, тот так же молча открыл дверь переговорной камеры.

За металлическим столом, на холодной скамейке уже сидел тот парень, которого Андрей видел в телевизионных новостях – с разбитым ртом и упрямым, уверенным в своей правоте взглядом. Второй раз фотография Дмитрия Краснова промелькнула в материалах его личного дела из университета, папка с которыми сейчас была в руках у Андрея.

С лица неудавшегося киллера смыли кровь, его переодели в мешковатую одежду, сковали наручниками, но вызов из глаз никуда не исчез. Казалось, несколько дней в камере никак не повлияли на молодого человека, выросшего – как теперь знал Андрей

– в тепличных условиях благополучной московской семьи, под опекой родителей, которых в СМИ называли научной интеллигенцией,

Высокий и грузный Анатолий Краснов внезапно показался мелким и незначительным. Его как будто придавила необходимость начать разговор, что-то сказать сыну, разрушившему свою жизнь, чтобы отомстить за отца. Молодой человек понял, что Краснов мучительно подбирает слова, и опередил его.

– Отец, только не говори, что я не прав. Он сломал тебя, он отобрал у тебя все. Не предавай себя в последний раз, не извиняйся за меня. Будь у меня возможность – я бы снова его взорвал. Только не пытался бы сбежать. Мне лишь за это стыдно.

Дима с вызовом посмотрел на Гумилева. Судя по всему, парень был уверен: этот человек сделает все, чтобы надолго посадить его в камеру, поэтому не отказывал себе в удовольствии хотя бы словесно напасть на миллиардера еще раз.

– Вижу, ты уверен, что я – источник всего зла, причиненного вашей семье? – Андрей задавал вопрос Дмитрию, но смотрел на старшего Краснова.

– А вы считаете иначе? Вы обычный пират! Вы ограбили отца, отобрали наш бизнес. Зачем вам генная инженерия? Она почти не приносит прибыли, это все закладки на будущее. Лучше грабьте бензоколонки – больше денег заработаете, – парень презрительно бросал эти слова в лицо Гумилеву, но так и не смог перейти на ты. Андрей улыбнулся, заметив это неуместное в тюремной обстановке проявление вежливости.

– Я ограбил твоего отца? Это он тебе сказал?

– Вы обманом отняли компанию, не заплатив ему ни копейки! Воспользовались кризисом, как это делают все мошенники.

– Анатолий Евгеньевич, может быть, вы все-таки присоединитесь к нашей беседе? И расскажете, как сломали жизнь своему сыну? Ведь вы сейчас уйдете отсюда и окажетесь на свободе. А его проводят в камеру – к вора и убийцам, среди которых ему совсем не место, – последнюю фразу Гумилев произнес уже на повышенных тонах, выделяя каждое слово, со злостью глядя на Краснова.

Андрей хорошо помнил тот разговор. Семнадцатого апреля был его день рождения, но у Гумилева не было желания его праздновать и получать дежурные поздравления. Все, чего он хотел, – провести этот день, как и все предыдущие, в работе, заполняющей его жизнь и не дающей много думать о Еве.

Перед входом в офис Гумилева перехватил Анатолий Краснов. Охрана по привычке попыталась оттеснить его от шефа – того постоянно подкарауливали журналисты, мелкие дельцы и просители разного масштаба. Но Андрей узнал грузного мужчину со свалывшимися седыми волосами, безвольным ртом и бегающими глазами. Он читал об исследованиях Краснова в области биотехнологий: его компания «Русбиотек» разрабатывала нейропротезы, которыми можно было успешно заменять человеческие органы. По большому счету это был огромный шаг на пути к созданию постчеловека, который не будет зависеть от физических увечий и сможет жить намного дольше, чем живут люди сегодня.

– Пусть подойдет, – распорядился Гумилев. – Анатолий Евгеньевич, если не ошибаюсь?

«Надеюсь, хотя бы он не собирается доставать меня никому не нужными поздравлениями», – подумал Андрей.

– Да, все правильно. Андрей Львович, в этот день я хочу вам пожелать успешно продолжать ваше дело... – зачастил Краснов.

«Началось», – расстроился Гумилев.

– Вы для этого меня караулили? Напрасно.

– Простите... на самом деле у меня к вам есть серьезное предложение. Мы можем поговорить? – судя по красным глазам, опухшему лицу и несвежему костюму, у мужчины выдалась тяжелая ночь.

В кабинете Гумилева Краснов, то и дело впадая в истерику, рассказал, что уже больше года играет в казино. То выигрывал, то проигрывал – обычная история. Сам не заметил, как сумма проигрыша стала расти в геометрической прогрессии, а желание взять реванш над казино затягивало его все дальше и дальше. Краснов пошел в банк и получил кредит сначала под залог своего загородного дома. Затем – под залог квартиры, где жила его семья.

– И сколько вы должны? – перервал Андрей поток откровений об ужасах игромании.

– Чтобы выкупить дом и квартиру – четыре миллиона долларов. Это с процентами, – униженно уточнил Краснов.

– И это все?

– Еще миллиона три я должен... разным людям... – голос Краснова почти сошел на нет.

– Они вам угрожают?

– Они всю ночь держали меня в какой-то квартире. Сказали, если не верну долг... они...

– И что вы хотите? Одолжить у меня денег? Я не банк, к тому же я не стану давать в долг игроку. У меня есть множество правил, которые я соблюдаю. Если бы не соблюдал – не сидел бы сейчас перед вами.

– Нет-нет, что вы... Я предлагаю вам мою компанию. Если объединить мои и ваши исследования, можно выйти на совершенно другой уровень разработок. Вы создадите нового человека, который будет жить вечно!

– Я прекрасно знаю потенциал вашей компании. И, признаюсь, она мне действительно интересна. Я готов предложить за «Русбиотек» семь миллионов долларов – это покроет все ваши долги.

– Но она стоит гораздо дороже!

– Я это знаю. Но больше не дам ни копейки.

– Я мог бы продать ее на рынке, но я пришел к вам, Андрей Львович... Потому что я верил: вы правильно распорядитесь всем, что я создал. А вы хотите меня обобрать!

– Не нужно громких слов. Продайте, если сможете, дороже, Анатолий Евгеньевич.

Лицо Краснова сначала налилось краской, оправдывая фамилию. Затем резко побледнело. Андрей даже испугался, как бы его посетитель не свалился здесь с сердечным приступом.

– Вы же знаете, на дворе кризис. Я никому не продам компанию и за семь миллионов. Но это сейчас, когда у всех проблемы. А через год-два, когда ситуация наладится, компания будет стоить в два раза дороже!

– И вы можете ждать два года?

Краснов вскочил.

– Вы же видите, что я не могу ждать ни дня!

– Тогда о чем речь? Берите семь миллионов и решайте свои проблемы. Не я вас поставил в такое положение, и не нужно меня ни в чем обвинять.

– Да, но вы пользуетесь тем, что я в безвыходной, катастрофической ситуации! Мне буквально нож к горлу приставили!

Теперь Андрей окончательно разозлился. Ему был противен этот униженный, заискивающий человек, который еще смел давить на совесть и взывать к морали. Если бы на его месте был кто-то другой, Гумилев воспринял бы эту историю гораздо проще. Но у Краснова была возможность перевернуть мир, его разработки были уникальны и сверхсовременны. Вместо этого он банально проиграл свой шанс в казино.

– Вы сами себе приставили нож к горлу, Анатолий Евгеньевич. Скажите лучше, сколько вы украли из своей компании?

– О чем вы? – слишком наигранно возмутился Краснов.

– Если я проверю бухгалтерию, то наверняка найду недостачу. Так не будем терять времени. Сколько?

– Несколько сотен... восемьсот тысяч долларов... примерно... – Краснов опять сник.

– Так вот, я погашаю все ваши долги и прикрываю вас от любых проверок. Итого ваша компания обойдется мне почти в восемь миллионов.

– Но я не получу на руки ни копейки!

– Это ваши проблемы.

– Как я объясню все своей семье?

– Придумайте что-нибудь. Вы ведь успешно ввали им весь год? Вам не привыкать.

Краснов растерянно вытер пот с толстых щек – вернее, не вытер, а просто размазал ладонями. Гумилев внимательно смотрел на него, в молчании прошла минута или даже больше.

– Хорошо, – сказал Андрей. Толстяк встрепенулся. – Хорошо. Во сколько вы реально оцениваете компанию?

– Пятнадцать... двенадцать миллионов... – пробормотал Краснов. – Вы же понимаете ее перспективы...

– Десять.

– Хорошо, – с облегчением выдохнул Краснов, и Андрей понял,

что толстяк вряд ли рассчитывал на такую сумму. – Все бумаги у меня с собой. Угодно прямо сейчас оформить сделку?

– Этим займутся мои юристы, – сказал Гумилев и нажал кнопку селектора.

Когда рассказ закончился, казалось, пространство камеры сжалось. Кто-то из троих был в ней явно лишним. Краснов-старший покрылся красными пятнами.

– Папа, это правда? – медленно и тихо спросил Дмитрий.

Краснов молчал. Тяжело дыша, он судорожно зашарил по карманам, выудил покоруженную облатку, трясущимися руками разломал ее и кинул в рот две таблетки.

– Вам плохо? – безучастно спросил Гумилев. Он видел, что мужчина уничтожен, но не испытывал к нему сочувствия. Краснова убивало не подскочившее давление, а сознание собственного позора и чувство вины. Из-за его порочности, слабоволия, трусости и подлости единственный сын вскоре окажется на скамье подсудимых.

Краснов кивнул.

– Папа, это правда?! – с нажимом повторил Дмитрий.

Краснов снова кивнул, теперь уже сыну.

– И где... где оставшиеся деньги?

– Дима, понимаешь, я не мог... я не мог так сразу... У меня были еще долги, я не сказал Андрею Львовичу...

– Он пошел в казино, – сказал Гумилев. – Верно, Анатолий Евгеньевич?

Краснов молча поднялся и, шаркая ногами по бетонному полу, удалился. Это было красноречивее любого признания.

Дима Краснов тоже был уничтожен. В глазах больше не было вызова и уверенности – только опустошение и растерянность.

– Я ведь только чудом вас не убил... Я не думал, что отец... что он может так поступить с нами...

– Да уж, чудом, – Андрей вспомнил видение прозрачного человека. – А еще ты ранил моего водителя. Очень хорошего парня, который тут уж совершенно ни при чем. А ведь там еще и рядом были люди, в других автомобилях. Женщины. Дети.

– Я идиот, какой же я идиот, – парень даже не мог закрыть лица руками, чтобы не видеть Гумилева, потому что они были скованы за спиной. – Но я не виню отца. Он просто слабый человек, попавший в ловушку. Игромания – это же болезнь! Я слышал, от этого лечат. Значит, точно болезнь. Значит, он не виноват. Он просто больной человек... несчастный больной человек. А вы – вы все равно поступили с ним жестоко!

– Но это не повод меня убивать. И потом, купи я «Русбиотек» не за десять, а за шестнадцать миллионов – чем бы это кончилось? Куда отнес бы деньги твой отец?

Дима промолчал. Андрей видел, что несостоявшемуся убийце очень страшно от того, что по его вине могли погибнуть невинные люди. Но гораздо больше страданий Диме причиняло падение отца с пьедестала. С детства Дмитрий гордился, что его папа занимается наукой, думает о том, как подарить человечеству вечную жизнь. Мальчик свысока смотрел на своих более обеспеченных друзей, чьи родители занимались торговлей или строительством. Пусть у него не было таких шмоток и аппаратуры, но у него было к чему стремиться. Дима хотел только одного – быть достойным своего отца. А когда Краснов нашел инвесторов и его бизнес стал приносить доход, парень убедился: деньги и наука вовсе не противоречат друг другу, вопреки расхожему мнению неудачников о том, что своими мозгами капитал не заработаешь. Теперь все это потеряло значение и смысл.

Они сидели напротив друг друга и старались не встречаться взглядами. Дмитрий Краснов изо всех сил кусал губы, но в глазах уже стояли слезы, их не получалось сдержать. Даже ладонью не вытрешь – мешают наручники.

Из уважения к парню Андрею хотелось выйти, оставить Диму наедине с самим собой, дожждаться, когда он возьмет себя в руки. Гумилеву казалось, что он вторгается в личное пространство Краснова, подсматривает, делает что-то постыдное. Быть свидетелем слабости сильного человека – не самая легкая участь. Но разговор надо было закончить.

– Я видел твоё досье, практические работы и заявку на диплом, – сказал он.

– Это больше не имеет цены.

– Ничего подобного. Знания всегда имеют цену. Как ты ни старался, ты не смог окончательно испортить себе жизнь. Я найму тебе хорошего адвоката, возмещу весь материальный ущерб, который ты нанес своей глупой бомбой. Думаю, отделаешься условным сроком или какой-нибудь мелочью типа год или два колонии-поселения. А уж занятие по специальности я тебе потом найду.

– Решили кого-то взорвать?

– Не хами, это выглядит слишком по-детски. Тебе придется повзрослеть.

– Но что вам тогда от меня нужно?

– Правильный вопрос. Ты же не думаешь, что я сумасшедший альтруист, который помогает всем оступившимся дуракам?

– Вы второй раз называете меня дураком. Хватит.

– А что будет? Снова попытаешься меня убить? Не перебивай. Мне было бы наплевать на твою судьбу, если бы не твои мозги. Мне нужны способные люди, горящие своим делом, верящие в то, что они могут перевернуть весь мир. С таким интеллектом и характером ты сможешь многого добиться для меня и для себя – если снова не наделаешь глупостей. Поэтому я буду за тобой присматривать.

В ответ Дима только кивнул. Он сидел, исподлобья глядя на человека, которого еще недавно хотел убить. Все было понятно без слов.

Марго лежала у него на плече, нежно скользя пальцами по недавно приобретенным шрамам. Андрей наматывал на пальцы ее длинные темные волосы. Он чувствовал себя абсолютно счастливым и хотел, чтобы она это знала.

– Я хочу, чтобы ты всегда была со мной. Была моей женой.

Услышав его слова, девушка замерла.

– Андрей, завтра ты вспомнишь наш разговор и возненавидишь меня за то, что я это услышала.

– Что за глупости! Я люблю тебя!

– Ты сейчас действительно веришь в то, что любишь меня. Но...

– А ты не веришь?
– Андрюш, ты не любишь меня. Ты сейчас слишком погружен в свои эмоции. Но это всего лишь эмоции, а не настоящие чувства.
– Значит, не веришь.
– Не нужно усложнять. Пусть все будет так, как есть. Нам хорошо вместе – так давай не будем ничего менять.

...На следующий день, по дороге в офис, Андрей вспомнил этот разговор. И удивился сам себе. Что это ему пришло в голову признаваться Марго в любви? Да еще и говорить о браке?! Вроде же ничего вчера не пил!

И это при том, что Ева остается его женой и – пусть он в это уже не верил – может в любой момент вернуться.

Конечно, ему нравится Марго, им хорошо вместе. Но любовь? Нет, он ее не любит. Андрея начала охватывать злость на самого себя – из-за непонятно откуда нахлынувшей нежности он мог наломать дров. Другая на месте Марго поймала бы на слове – конечно, не женила бы его на себе, но нервы на тему «ты же обещал!» испортила бы основательно.

Раздражение начало сменяться теплым чувством уважения и благодарности к девушке. Но почему она была уверена в том, что Андрей ее не любит? Ведь сам он в тот момент свято верил в силу своих чувств.

Может быть, она сама его не любит? Почему-то эта мысль неприятно задела Гумилева. Его устраивали отношения без любви с его стороны, но представить, что и Марго лишена этого чувства, было трудно.

Всю следующую неделю Андрей намеренно приходил домой так поздно, что все домочадцы уже спали. Марго его не караулила. Наоборот, за эти дни она ни разу не оставалась ночевать в доме Гумилева, каждый вечер уезжая в свою съемную квартиру на маленьком «Фиате». На работе она появлялась чуть позже обычного, давая ему возможность не пересекаться с ней за завтраком. Она ему не звонила и не писала, полностью устранившись из его жизни.

Андрей поймал себя на мысли, что совершенно не скучает по Марго. Казалось, что, пока он ее не видит, ее и не существует во-

все. Но наступали выходные, и эти игры было пора заканчивать.

В субботу утром горничная сообщила Гумилеву, что Маруся, Марго и старая няня Валентина завтракают в столовой. Андрей решил присоединиться к ним. Пожилая женщина долго восстанавливалась после переломов рук, но Гумилев нашел ей лучших врачей, и сейчас она была практически полностью здорова.

– Всем доброе утро! – Андрей нарочито бодро поздоровался с женским обществом, доедающим пирожные за большим обеденным столом.

Маруся, перемазанная кремом, пулей вылетела из-за стола и кинулась к отцу, которого не видела всю неделю.

– Папочка!

Андрей подхватил ее на руки, и дочка с благодарностью уткнулась ему в плечо.

– Маруся, чтобы вытирать рот, есть салфетки! А папина рубашка предназначена вовсе не для этого, – со смехом к ним подошла Марго. Она вела себя так, как будто ничего не произошло, но глаза девушки были еще печальнее обычного.

Маруся непонимающе посмотрела на свою няню. Лицо у девочки теперь действительно было чистое, зато на голубой рубашке Андрея красовались кусочки желтого заварного крема.

– Пойду переоденусь, – сказал Андрей.

– Нет, папа, не уходи! – Маруся требовательно дернула отца за ухо.

«Сам заслужил, – подумал Андрей. – Нечего было играть в прятки всю неделю».

– Андрей, Валентина Петровна совсем поправилась. Она может вернуться к своим обязанностям, – Марго не стала говорить, что она готова уволиться. Это было и так понятно.

– Марго, тебе ведь не легко справляться с Марусей? – Андрей вроде и не хотел, но не смог удержаться и решил подразнить девушку. Он почувствовал, что между ними нет никаких обид, и понял, как она ему нужна. Даже удивился, как это он жил, не видя ее столько дней?

– Да, малышка очень активная и требует много времени. Я не успеваю делать домашние задания, в университете куча хвостов.

Так что я, наверное, вернусь к учебе, – говоря это, Марго нервно мяла салфетку, уронила на пол ножик, подняла его и снова чуть не уронила.

– Ну и отлично. Тогда вы будете с Валентиной Петровной работать вместе. Я думаю, Марусе с двумя нянями будет даже лучше, чем с одной. А у тебя будет больше времени на учебу и... – Андрей сделал демонстративную паузу, – на личную жизнь.

Валентина Петровна, не сказавшая еще ни слова, облегченно вздохнула.

– Очень мудрое решение, Андрей Львович! Мы с Маргошей отлично сработаемся. Я ведь вижу: Маруся в ней души не чает!

Марго посмотрела на девочку, подмигнула ей и сказала:

– Хорошо. Я остаюсь.

– Ура!!! – радостно завопила Маруся.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

Катастрофа

Бориса Гордеева – парня, который поймал неудачливого киллера Краснова – Андрей ждал, стоя в саду у жаровни и поворачивая лопаточкой крупные куски сочного мяса. Он был искренне благодарен парню, который просто так, безо всякой корысти, погнался за преступником и по сути рисковал собственной жизнью. Будь это настоящий киллер, а не Краснов, он прикончил бы Бориса, даже не задумываясь.

С досье, которое собрали на Гордеева люди Санича, Андрей уже ознакомился. В нем не было ничего экстраординарного. Двадцать три года. Высшего образования нет, отчислен со второго курса экономического факультета Плехановской академии за неуспеваемость и непосещение занятий. Учился по специальности «Оборудование предприятий торговли и общественного питания». Живет один, с родителями отношения напряженные, общаются редко. Сейчас работает курьером в службе доставки. Хобби – компьютеры. В общем, вполне обычный молодой человек.

– Андрей Львович, привезли Гордеева, – сказал неслышно подошедший телохранитель.

– Тьфу ты, напугал! – разозлился Гумилев. – Что ж вы подкрадываетесь так?! Хоть покашлял бы издали... И бросьте мне такие обороты – «привезли Гордеева». Звучит так, словно его в наручниках привезли и сейчас паяльник начнут ему в... э-э... короче, поработайте там над языком, а Гордеева давайте сюда.

Борис сегодня был не в своем мотоциклетном комбинезоне, а в пиджаке с коротковатыми рукавами, джинсах и белой рубашке. На лице еще оставались видны царапины от асфальта.

– Привет, – сказал Гумилев, снимая дымящееся мясо с решетки на блюде. – Я – Гумилев Андрей Львович. Можешь звать меня просто Андрей Львович.

– А я – Гордеев Борис Степанович. Можете звать меня просто Борис, – сказал парень.

Они пожали друг другу руки, и Гумилев заметил:

– Я же сказал ребятам – в неформальной обстановке. Я вот в шортах, в футболке, а ты пиджак надел. Не передали, что ли?

– Да нет, они передали, но я подумал... В общем, мало ли что у вас считается неформальная обстановка. Может, формальная – это во фраке, а неформальная – в смокинге.

Андрей засмеялся.

– Так, мясо готово, – сказал он, беря блюдо, – идем-ка к столу. Пиджак сними, повесь вон на спинку или на сучок. Не в Георгиевском зале Кремля, в конце концов.

Стол был накрыт, обслугу Гумилев отослал, сказав, что управится сам. Борис церемониться не стал – шлепнул себе большой кусок мяса, навалил молодого печеного картофеля, овощей, маринованных огурчиков и боровичков, уцапал бутерброд с икрой и быстро его сжевал.

– Всегда любил икру, – мечтательно проговорил он. – Как там у Воннегута? Завтрак для чемпионов!

– Ты пить-то что будешь, чемпион?

– Могу водку. Могу вино или пиво.

– Значит, водку, – решил Гумилев. – Под жареное мясо нужно непременно водку. Всякие виски и коньяки – не из этой области.

Он достал из ведерка со льдом бутылку шотландской водки «Дива» и налил в высокие стаканчики. Сел, положил себе салата, поднял стаканчик:

– Ну, за знакомство.

Борис чокнулся, выпил, сказал: «Ничего водка» – и принялся жевать очередной бутерброд.

Гумилев дождался, пока парень подзакусит, налил еще и велел:

– Теперь рассказывай давай.

– Чего рассказывать? – не понял Борис, ловя вилкой ускользающий боровичок.

– Зачем за киллером погнался.

– А... Из корыстных побуждений, само собой. Вижу, взрывают какую-то шишку на «Мерседесе», киллер удирает, водит притом так себе... Я и подумал: а ну-ка догоню, если что, ценным подарком от ГУВД не отделаются.

– Хочешь попросить миллион? – поинтересовался Гумилев.

– За победу светлых сил, – сказал Борис, чокаясь. – Конечно, хочу. А вы, как человек честный, мне вряд ли откажете.

– С чего это ты взял, что я честный? Я олигарх. Капиталист.

– И что из того? Капиталисты тоже бывают честные. Не все же Березовские. Не думайте, я вам не лъщу, Андрей Львович. Я про вас почитал тут в Интернете.

Гумилев не стал уточнять, что именно Борис прочел о нем в Интернете.

– А если я скажу, что за свои деньги нанял пойманному тобой киллеру адвоката? И пригласил его работать в моей компании, после того как закончится тюремный срок?

Гордеев недоверчиво посмотрел на Андрея, потом, видимо, решил, что тот не шутит.

– Тогда я скажу, что вы еще и очень странный человек. И уж если собственного киллера так обхаживаете, то мне явно обломится что-нибудь посерьезнее.

– Где мотоцикл взял? Машина серьезная, дорогая.

– Квартира бабушкина. Она мне ее отписала, я продал, купил попроще и поменьше, а на разницу – мотоцикл. Я же курьером работаю, а на мотоцикле очень удобно.

Гумилев знал все это из досье, но хотел проверить, не соврет ли парень. Не соврал.

– Ко мне работать пойдешь?

– Курьером?!

– Курьеров у меня хватает. Я пока говорю в принципе – пойдешь работать? Потому что миллиона я тебе не дам. Ни евро, ни долларов, ни рублей. Проешь, прогуляешь с девицами, еще разобьешься пьяный на своем «Кавасаки».

Борис положил вилку, внимательно глядя на Андрея.

– Это не в моих принципах – раздавать деньги. А вот взять тебя на хорошую, прилично оплачиваемую работу – могу. Кстати,

киллер-то не чета тебе, уникальный специалист, получит диплом, поработает немного – цены ему не будет. А тебя, между прочим, из Плешки выперли. И на бабушкину квартиру ты себе купил мотоцикл, а не, скажем, вложил эти деньги в какое-то дело. Или хотя бы в банк положил. Мораль? Живешь одним днем. Таких знаешь сколько в Москве?

Гордеев молчал, катая пальцем по столу упавшую икринку.

– Поэтому решай насчет работы. Если нет – спасибо тебе за труды, сейчас выпьем еще, докушаем, поговорим о спорте – футбол любишь? – о кино, о политике, если угодно... И попрощаемся. Я тебе даже устрою возвращение в Плехановку, хотя сомневаюсь, что ты не вылетишь через год снова. Если скажешь «да», продолжим разговор уже предметно. Но халявы не будет, Борис.

Гордеев щелчком отправил икринку куда-то в глубину сада и спросил:

– Это ведь вы финансируете Арктическую экспедицию?

– Я. Хочешь в Арктику?

– Ага. Было бы интересно.

– Здоровье позволяет? Хронические болезни типа тонзиллита или бронхита есть? Э, да я сам себе противоречу – уже начинаю предметный разговор. Или так надо понимать, что ты согласен работать?

– Согласен, – улыбнулся Борис.

– Тогда поступим так. Я дам твои координаты Степану Бунину – это ответственный секретарь моего фонда «Новые рубежи». Он тебе разъяснит, что и как сделать, пройдешь медкомиссию – и вперед.

– О'кей. Платить-то хорошо будете?

– Какой же ты корыстный молодой человек, – засмеялся Гумилев, наливая еще водки. – Даже не спросил, кем придется работать, а сразу о размере вознаграждения.

– Как это кем? Полярником.

– Полы мыть умеешь? Нам вообще-то нужен кто-то типа юнги. Научных сотрудников в экспедиции хватает, да и какой из тебя научный сотрудник с твоим незаконченным образованием...

– Мыть полы?! Я даже у себя дома полы не мою! – возмутился Гордеев.

– А кто моет?

– Никто. Мне грязь не мешает.

– Значит, в экспедиции научишься. В жизни пригодится. Ладно, вроде бы с этим вопросом разобрались. Не переживай, если Бунин решит, что ты достоин большего – станешь вторым поваренком третьего помощника судового кока. Шучу, шучу... Ну, за покорение полюсов.

Они чокнулись.

– А теперь, – сказал Андрей, откинувшись на спинку кресла, – давай и в самом деле о футболе. Ты за кого болеешь?

...Марго редко оставалась на ночь в его спальне. А когда это случалось, она всегда вставала раньше Андрея и потихоньку уходила в свою комнату. Просыпался он всегда в одиночестве, чему одновременно был рад и не рад.

Гумилев не планировал посвящать посторонних в свои отношения. Судя по утренним побегам, не хотела этого делать и Маргарита. Нетрудно было догадаться, как воспримет общественность роман миллиардера, недавно потерявшего жену, и молодой красавицы-няни. Возможно, прислуга, постоянно живущая в доме, о чем-то уже догадывалась, но, дорожа хорошо оплачиваемой работой, не рисковала распускать сплетни. Однако Гумилев вовсе не был уверен в том, что не объявится еще одна кухарка Лариса... Даже распорядившись увеличить всем зарплату вдвое, он понимал, что до сих пор находится «под прицелом».

А сегодня все произошло иначе. Марго еще не проснулась, тогда как Андрея что-то разбудило в пять утра. Он лежал, глядя в потолок, и чувствовал себя абсолютно отдохнувшим. Марго спала у него на плече – Андрей ощущал ее легкое дыхание на своей груди. Заснуть он уже не мог, бесцельно валяться на кровати – тоже.

Гумилев пошевелился, пытаясь переложить девушку на подушку, и высвободить руку. Но сделать это, не потревожив Марго, не удалось. Девушка вздрогнула и, проснувшись, широко распахнула глаза.

У Андрея перехватило дыхание.

На него с недоумением смотрели разноцветные глаза. Левый – ярко-голубой, правый – изумрудно-зеленый. Такие глаза он видел только у загадочного индуса в Сингапуре. О таких глазах говорила колдунья Мавра, предупреждавшая, что ему встретится женщина с тайным лицом. Все это время Гумилев старался не думать о словах старушки, но теперь уже нельзя было сделать вид, что ничего не происходит.

Марго испуганно вскочила и заморгала. Рука потянулась к глазам, но коснулась щеки и замерла. Девушка поняла, что Андрей все заметил. Она растерянно смотрела на него, пытаясь прийти в себя после сна.

– Что все это значит, Марго? – спросил Гумилев.

– О чем ты?

– О твоих глазах.

Марго тяжело вздохнула, поднялась с кровати и накинула на плечи легкий халатик.

– Ты куда?

– В свою ванную.

– Может, все-таки объяснишь сначала?

Маргарита покачала головой и выскользнула за дверь. Гумилев быстро нашарил подаренные Марусей тапки-лягушки и поспешил следом, не желая прекращать разговор. Он догнал девушку у дверей ее комнаты, удержал за плечо.

– И все-таки?

– Прости, я просто не хотела, чтобы это ты видел. Я обычно ношу цветные линзы, чтобы скрыть это... это уродство.

– Уродство?

– Так получилось, что у меня глаза разного цвета, и я очень этого стесняюсь. Раньше, когда не было цветных линз, я все время ходила в темных очках.

– Но я не понимаю, зачем ты их прячешь? Что тут такого?

– Ты даже не представляешь, как тяжело жить с такими глазами! Все на тебя смотрят, задают вопросы... чувствуешь себя зверушкой в клетке. А в детстве вообще был кошмар – как меня только не дразнили! «У кого два разных глаза, тот противная зараза»... До сих пор помню...

– Ерунда какая, – поморщился Андрей. – И только поэтому ты всегда просыпалась раньше меня?

– Нет, просыпалась я для того, чтобы кто-то... ну... не застал нас вместе. Знаешь, всякое может случиться. Но сегодня ночью я потеряла у тебя в душе линзу, пришлось выбросить и другую... Собиралась встать пораньше, пойти к себе и взять новую пару, и вот – проспала...

Маргарита выглядела такой расстроенной, и Андрей нежно привлек девушку к себе, но та отстранилась:

– Идем в комнату, а то устроили тут в коридоре переговоры...

У себя Марго тут же отправилась в ванную и начала доставать из шкафчика в ванной футляр с линзами, но остановилась и удивленно посмотрела на Гумилева.

– Наоборот. Можно я попрошу тебя кое о чем?

– Попробуй.

Андрей забрал у нее из рук пластмассовую коробочку с цветными линзами и отставил ее в сторону.

– Не носи больше это. Я хочу, чтобы ты всегда ходила так. И хватит исчезать из моей спальни по утрам. Мне уже стало казаться, что все наши ночи мне просто снятся.

Гумилев огляделся – он впервые был в ванной Марго. Вокруг стояла масса баночек, упаковок и тюбиков. Ванная Евы, напротив, всегда была аскетична, из-за отсутствия всевозможной косметики было сложно догадаться, что это помещение принадлежит женщине. Андрей взял в руки золотистый флакончик, стоявший на виду.

– Автобронзант? – удивленно прочел он.

– Искусственный загар, – пояснила Марго, поспешно забирая у него флакон.

– Зачем он тебе? Ты и так смуглая.

– Вот потому-то я и смуглая, что пользуюсь этой штукой.

– Подожди... а какая ты на самом деле?

– У меня очень светлая кожа – она даже загару не поддается.

– Да, сегодня день открытий. И глаза у тебя не того цвета, и кожа... Что еще в тебе не настоящее? – Андрей говорил это шутливым тоном, но на ум вновь невольно приходили слова старушки Мавры о женщине с тайным лицом.

– Ну почему не настоящее? Женщины всегда украшают себя. Вот ногти у меня на самом деле не красные, – Марго засмеялась и выставила вперед руки с накрашенными ногтями.

Андрей поймал ее за запястья и поцеловал в раскрытые ладони.

– Прекращай эту маскировку. Я хочу видеть тебя настоящую, такую, какая ты есть.

Он взял с раковины футляр с линзами, занес руку над урной и выжидающе посмотрел на Марго. Ему показалось, что в ее глазах блеснули слезы. Секунду подумала – и со вздохом кивнула ему. Футляр полетел в корзину для бумаг. Флакон с автозагаром Марго решительно отправила вслед за линзами.

– Слушаюсь, мой господин! – девушка шутливо сложила на груди руки и поклонилась Андрею. – А ногти можно красить? А ресницы? А губы?

– Можно, так уж и быть. Только без фанатизма, – улыбаясь, Андрей обнял Марго, коснулся ее губ. – Хотя нет, помаду давай отменим. Она только мешает.

Левой рукой он плотнее прижал к себе девушку, а правой защелкнул замок на двери в ванную.

Спустя несколько часов Гумилев сидел в своем кабинете и читал истории про людей с разноцветными глазами. Вспомнил про «Мастера и Маргариту» Булгакова.

– Слушай, ты же у нас Маргарита! Как я сразу не догадался, что разноцветные глаза у тебя от Воланда! – Андрей не удержался и позвонил девушке, чтобы поделиться с ней своим открытием. В ответ получил обещание, что няня его заколдует, если он не перестанет шутить на эту тему.

Но Андрей не успокоился и скачал себе пару альбомов Дэвида Боуи – обладателя одного карего, другого серо-голубого глаза. И у певца, и еще у тысяч совершенно обыкновенных жителей планеты была гетерохромия – «различие в окраске радужных оболочек, вызванное избытком или недостатком пигмента меланина». Андрей выяснил, что разноцветные глаза можно и получить при рождении, и заработать во время травмы.

От просмотра картинок с разноглазыми кошками и собаками его отвлекло появление Арсения Ковалева.

– Вот, – сказал он, с гордостью кладя на стол флешку. – Первые записи Белки после операции. Все прошло успешно, даже лучше, чем мы надеялись!

– Ну, давай посмотрим.

Гумилев вставил флешку в порт, запустился проигрыватель. На экране крупным планом появилась черно-седая морда немецкой овчарки. Умные глаза смотрели прямо в кадр.

Затем камера отъехала, и стало видно, что тело собаки лишь отчасти покрыто шерстью. Большая его часть была из блестящего серебристого металла. Голова, шея и левое плечо овчарки переходили в металлическое туловище; только левая лапа была настоящей, все остальные сверкали холодным серебром. Лаборанты меж собой называли Белку «собакиборгом», и неудивительно – при виде ее тут же вспоминался старина Арни в «Терминаторе».

История Белки, впрочем, тоже была достойна кинематографа. Пока дурная мамаша болтала с подругой, ее трехлетний сын выбежал на дорогу, прямо под колеса грузовику. Мимо проходил мужчина с собакой. Овчарка увидела, что ребенку грозит опасность, рванула к нему. Мужик, конечно, не смог ее удержать и отпустил поводок. В итоге собака вытолкнула мальчика буквально из-под колес, но сама угодила под грузовик. Лапы, позвоночник – все оказалось переломанным, внутренние органы – практически в кашу...

Ветеринар решил усыплять собаку, потому что операции делать было бессмысленно. Но случилось так, что в это время одна из сотрудниц Гумилева, умница и красавица Оля Свешникова, принесла на прививку своего кота-британца. В коридоре она услышала рассказ убитого горем хозяина овчарки, пожалела смелую собаку, переговорила с врачом и попросила его поддержать жизненные функции пострадавшей до приезда лабораторной реанимационной машины – за определенную сумму, разумеется. Хозяину овчарки сказали, что она умерла.

И вот сейчас Белка пыталась встать, путаясь в своих нейропротезах. Выглядело это неуклюже, но Гумилев понимал, что первые шаги умной овчарки – это первые шаги к полноценной замене че-

ловеческих органов. Чтобы пациенты могли не просто опираться на искусственную ногу, но и полностью управлять ею, как настоящей конечностью. Все нервные окончания были соединены с электроникой и подавали нужные сигналы в мозг.

– Смотри, смотри! Встала! – Арсений азартно двинул Гумилеву локтем в бок.

Белка и в самом деле поднялась, наконец, на ноги. Постояла и, шатаясь, пошла вперед, к мисочке с едой. Подошла, осторожно опустила голову и начала есть, деликатно подхватывая зубами нежные мясные кубики.

– Пищеварительная система практически вся искусственная... – бормотал Ковалев. – Почки, сердце... Смотри, кушает! Кушает!

– А когда она к вечеру еще и покакает, ты скажешь, что пора регистрировать Институт бессмертия.

– И пора! – заявил Арсений, топорща бороду. – Ты столько лет собираешь все разработки в этой области – нанотехнологии, геновая инженерия, клонирование... Пора, наконец, все это объединять!

– ...И Россия станет лидером в области создания искусственного интеллекта и киберчеловека! – торжественно закончил Гумилев, словно с трибуны какого-нибудь съезда. – Пиши рекламные проспекты, Арсений. Озолотимся. Тебя директором назначим или Перельмана? Киньте монетку, что ли, чтобы не обидно было.

– Все бы тебе шутить, – сказал сердитый Арсений, продолжая наблюдать за завтраком Белки. – А время уходит. Думаешь, ты один такой умный?

– Честно? Думаю, один. Даже уверен! – Гумилев громко рассмеялся.

– Тыфу ты, пропасть! Опять ты за свое! – Ковалев, судя по всему, собрался разворчаться в своем духе, но тут у Андрея запищал телефон.

Свиридов.

– Включите телевизор, первый канал, – сказал он.

Гумилев схватил со стола пульт, нажал кнопку. На экране появилось изображение зала ожидания какого-то аэропорта, наполненного встревоженными людьми; многие плакали. Закадровый голос комментировал:

– ...На борту лайнера Airbus 330 французской авиакомпании Air France, выполнявшего рейс по маршруту Рио-де-Жанейро – Париж, находились двести шестнадцать пассажиров, среди них восемь детей, а также двенадцать членов экипажа. Рейс номер 447 вылетел вечером в воскресенье и должен был приземлиться в аэропорту «Руасси-Шарль-де-Голль» в 11.10 по местному времени, но в назначенное время лайнер посадку не совершил. Никаких данных о судьбе людей пока не поступало, связи с лайнером нет уже несколько часов. В парижском аэропорту создан кризисный центр, открыта горячая линия. Президент Франции Николя Саркози призвал приложить все усилия, чтобы установить, что произошло с самолетом...

Гумилев вырубил звук. На экране люди в белых халатах выводили из зала рыдающую женщину.

– Я перезвоню, – сказал он молчавшему в трубке Свиридову. Бросил мобильник и повернулся к остолбеневшему Арсению.

– Это был наш лайнер?

– Судя по всему, наш.

– Самолетом управлял наш искусственный интеллект?

– Да. Но, может, лайнер еще объявится? Всякое случается... Не будем торопиться, Андрей...

– Нет, Арсений, это катастрофа, – перебил его Гумилев. – Катастрофа.

Впрочем, на самом деле он выразился значительно грубее.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ

Срыв

Андрей стоял у огромного панорамного окна своего рабочего кабинета. Ощущение безграничной свободы охватывало его всякий раз, когда он смотрел отсюда на Москву. Гумилев чувствовал себя властелином этого города. Да что там города – всей страны, всего мира. Кабинет напоминал ему рубку космического корабля, фантастического звездолета под названием «Земля». Рубку, в которой он был капитаном и мог управлять этим летящим через пространство и время кораблем с экипажем в несколько миллиардов человек.

При желании Андрей действительно мог заставить весь мир подчиняться своей воле. В корпорацию Гумилева входил медиахолдинг – десятки изданий, телевидение, радио, новостные интернет-порталы. Он мог внушить человечеству все что угодно, заставить его плясать под свою дудку. Мог, но никогда не делал этого, осознавая, какое опасное оружие – информация. Ему было достаточно знать, что это оружие находится в его руках. Одно это наполняло душу Гумилева уверенностью.

Правда, в экипаже звездолета имелся один человек, неподконтрольный капитану. Один человек, не дававший ему ощутить свое полное всевластие.

Ева.

Теперь, после исчезновения жены, Андрей стал сильнее. Признаться в этом было тяжело, но факт оставался фактом: пока Ева была рядом, она делала его слабым. Она единственная, кто не подчинялся ему безоговорочно, кто сопротивлялся и спорил и кому он не мог приказать, кого не мог заставить.

И вот Евы нет. С нею исчезло ощущение счастья, но пришло твердое понимание: больше никто не может противостоять ему.

Никто, кроме судьбы...

«Самолет французской авиакомпании Air France пропал с радаров... На борту Airbus 330... находились двести шестнадцать пассажиров, среди них восемь детей, и двенадцать членов экипажа...»

Гумилеву не нужно было ждать новых сообщений, чтобы убедиться: самолет разбился, сотни людей погибли. Интуиция подсказывала ему, что проблема в искусственном интеллекте. Судя по последним данным с новостных лент, лайнер попал в грозу. Гроза не относится к форс-мажорным обстоятельствам. С грозой искусственный интеллект должен был справиться – изменить курс, поменять эшелон, отвернуть в сторону. Словом, попытаться сделать все, чтобы спасти самолет и людей, летящих в нем.

Не спас.

Киберпилотов устанавливали на лайнеры пяти разных авиакомпаний в обстановке полной секретности. Руководство этих компаний согласилось на рискованный эксперимент, но по документам кардинальная модернизация самолетов проходила как «плановая проверка и обновление модулей информационно-технического контроля». В случае неудачи никто не хотел нести ответственность. Никто не хотел рисковать и подставлять свою голову.

Андрей отошел от окна, рухнул в кресло, включил телевизор. На экране возникло смуглое лицо президента Франции. Диктор бесстрастно сообщил: «Николя Саркози отметил, что шансы найти людей, летевших на авиалайнере Air France, очень малы».

Проклятье...

Выключить, выключить этот чертов экран! Гумилев ткнул кнопку на пульте и заметил, что у него дрожат руки.

– Вот это уже никуда не годится, – вслух сказал он и поразился, как глухо, отчужденно прозвучал его голос в тишине кабинета.

Оттолкнув кресло, он вскочил и принялся ходить от окна к стене – и обратно. Теперь кабинет уже не казался ему рубкой звездолета. Скорее он походил на клетку. Стеклянную клетку, в которой на уголовных процессах под прицелом множества глаз и объективов камер сидят преступники.

А он и есть преступник. Двести двадцать восемь жизней... И все они – на его совести? Нет, неправда! Он хотел помочь челове-

ству сделать рывок в будущее. Но суровая правда такова: двести двадцать восемь из них уже никогда не попадут в это будущее. Они навечно остались в прошлом, в небытие, где-то под холодными волнами Атлантического океана.

Он хотел людям добра. Всем людям, всем до единого. А получилось... Прогресс любой ценой. Любой? Даже такой? Нет! Хотя...

И из глубины сознания Андрея Гумилева выползла мысль, скользкая, как змея: «Цель оправдывает средства, ведь так?»

Андрей Гумилев никогда не извинялся. Никогда и ни перед кем. Окружающим он объяснял это тем, что не видит в извинениях рационального смысла. Естественно, он так же не нуждался и в чужих извинениях. Эмоции и сантименты имеют право на жизнь только на страницах женских романов и в мыльных операх. В жизни им не место.

Лет пятнадцать назад, еще будучи студентом, он случайно поймал на обмане или, говоря по-простому, на крысятничестве своего первого компаньона по первому же, копеечному бизнесу Кольку Комарова. Тот, пытаясь урвать больше, чем положено по договору с партнером, за спиной Андрея начал вести переговоры с конкурентами. И попался. Попался случайно. Впрочем, в жизни Комарова все, включая его появление на свет, было одной большой случайностью.

– Прости, Андрюха, – оправдывался Колька, нелепо улыбаясь.
– Сам не знаю, как так вышло. Они предложили, я сразу не отказался, а дальше покатило – базар-вокзал...

– Простить? За что? – холодно пожал плечами в ответ на это сумбурное покаяние Гумилев.

Комаров снова улыбнулся, шаркнул ногой.

– Ну, это... За то, что хотел... обойти тебя.

– Кинуть, – уточнил Андрей.

– Ну, типа того... Как-то случайно получилось. Само собой.

– Нет, Николай. Ты сделал это осознанно. Ты прекрасно знал: если все получится, я окажусь вне игры. Ведь так?

– Андрюха, понимаешь... В общем, я раскаиваюсь. И прощу у тебя прощения, вот!

– Ты извиняешься только потому, что я тебя поймал за руку, – Гумилев был по-прежнему холоден. Он даже не взглянул на Комарова. – Если бы твоя афера удалась, ты бы сейчас праздновал победу, а не раскаивался.

Колька понял, что разговор пошел серьезный, стряхнул с себя дурашливую маску и заговорил другим тоном:

– Послушай, Гумилев, людям свойственно ошибаться! Если ты не научишься прощать, у тебя не останется друзей.

– Друзей? – усмехнулся Андрей. – Таких друзей – за хобот и в музей. И ты еще будешь учить меня, что я должен делать, а чего нет?

– Ты не так понял! Да, я накосячил, но я же извинился!

И тогда Андрей взял проштрафившегося компаньона за отвороты джинсовой куртки, прижал к стене и, глядя прямо в глаза, раздельно произнес:

– Извинения – это всего лишь слова. Они ничего не стоят. О людях я сужу по их делам, понял? Мы не можем сейчас бросить наше дело и разбежаться, слишком много сил и средств вложено. Но я теперь знаю: ты слишком любишь деньги в своем кармане и можешь ради них пойти на все, даже предать партнера. И относиться к тебе я буду соответственно. Все, точка.

Правота слов Гумилева насчет любви Комарова к деньгам подтвердилась спустя несколько месяцев, когда Колька попался на торговле травкой в университете. Ему светило отчисление и три года тюрьмы. Андрей имел возможность помочь партнеру избежать суда, мог вытащить – но не пошевелил даже пальцем. В итоге Комаров получил срок.

– Гумилев бросил своего компаньона, – шептались за спиной Андрея. Однокашники прямо обвинили его в бездействии:

– Люди должны помогать друг другу. Гнилой ты, Андрей. Сдал пацана ментам. Отомстил, да? За тот случай, да?

– У О’Генри есть хороший рассказ «Дороги, которые мы выбираем». Читали? Николай выбрал свою. Сам! – пожал в ответ плечами Гумилев. – Я никогда никому не мщу. Каждый человек сам себе и палач, и жертва.

В дальнейшем Андрей всегда придерживался такой линии поведения. Он старался быть бесстрастным. Холодным и рациональ-

ным. Именно эти качества Гумилев считал самыми важными в жизни. И еще он любил зеркала. Они были для него воплощением честности, потому что отражали то, что есть на самом деле.

Себя он в душе считал человеком-зеркалом, на зло отвечающим злом, а на добро – добром. Злопамятность, благодарность – это всего лишь чувства, зеркалу они ни к чему. На удар надо отвечать ударом, а не подставлять щеку. Такова жизнь.

Впрочем, эти его правила не работали, когда речь шла об отношениях с близкими и любимыми людьми.

Конечно, Андрей совершал ошибки. И не отказывался их признавать. Иной раз самокритика Гумилева была настолько безжалостной, что доходила до самоистязания. Одним из его любимых выражений было: «Каждый получает по заслугам».

Каждый – и он в том числе.

Но свои ошибки Андрей всегда исправлял. Или старался исправить. И никогда не уклонялся от ответственности. Но в его жизни еще не было ошибки ценой в двести двадцать восемь жизней...

Ужас – вот точное название того, что сейчас испытывал Гумилев. Его не сломало исчезновение Евы, не вывело из равновесия происшествие с прозрачными людьми, не испугало покушение.

Но катастрофа!

Казалось, он сам был пассажиром того лайнера, сам погиб вместе с остальными, и теперь его изломанное тело медленно погружалось в ледяную тьму Атлантики, а душа горела, выжигаемая изнутри дьявольским пламенем.

Гумилев больше не мог оставаться наедине с собой. Но и бежать от себя он тоже не мог.

Он провел бессонную ночь наедине с бутылкой виски, а на утро следующего дня стало известно, что к северо-востоку от бразильского архипелага Фернанду-ди-Норонья обнаружен обломок самолета А-330. Еще через день министр обороны Бразилии заявил, что отыскать «черные ящики» пропавшего лайнера будет непросто: в районе падения А-330 глубины океана составляют несколько сот метров.

Арсений Ковалев, который, в отличие от Гумилева, не предавался самобичеванию, встретил это сообщение с воодушевлением:

– Андрей, это нам на руку! Не будет «черных ящиков» – никто не сможет нам ничего предъявить! К тому же кто знает, может, мы и правда не виноваты, и это просто ошибка пилота. В конце концов, самолеты падали и до установки нашего искусственного интеллекта.

Ответа он не получил. Гумилев полностью ушел в себя. Однако это не означало, что Андрей уклонялся от дел. Напротив, служба безопасности корпорации получила приказ провести полномасштабное внутреннее расследование с привлечением независимых экспертов. Он хотел убедиться сам и убедить других, что при разработке искусственного интеллекта не было допущено ошибок. Ковалев ничего не узнал об этом. Именно он руководил работами по проекту, и Гумилев не хотел, чтобы Арсений влиял на ход расследования.

Катастрофа вытеснила из сознания Андрея все: и бизнес, и семью. Он почти не виделся с дочерью, избегал встреч с Марго. Куда-то исчезли, испарились мысли о жене. Целыми днями Гумилев просиживал в своем кабинете, жадно выискивая в Сети новые подробности поисковой операции. Они не заставили себя ждать: спустя три дня в Атлантическом океане были найдены тела погибших, личные вещи пассажиров и множество обломков самолета.

Ковалев наконец де-факто узнал о расследовании и страшно возмутился, что его не поставили в известность.

– Вся документация и комплектующие переданы сторонним людям! – кричал он в трубку. – Андрей, что ты делаешь? Сор ни в коем случае нельзя выносить из избы!

– Эксперты получают каждый лишь часть документации и образцы микросхем. Я распорядился предоставить для анализа лишь части системы. Мне нужны результаты. Успокойся, Арсений. Успокойся – и не мешай. Иначе...

Не договорив, Гумилев отключился.

Как-то незаметно пролетел месяц. Корпорация Гумилева не получила никаких официальных обвинений. Air France прислала секретный протокол с результатами работы специальной комиссии. В документе сообщалось, что прямых доказательств ошибочных

действий искусственного интеллекта не выявлено, поэтому «нецелесообразно демонтировать систему с других самолетов компании».

Тем не менее Андрей разослал всем пяти участвующим в проекте авиакомпаниям письма с настоятельной рекомендацией отключить блоки искусственного интеллекта, пока не будут получены результаты внутреннего расследования. Ковалев был против, но Андрей проигнорировал мнение приятеля. Проект был детищем Гумилева, и за все отвечал он один.

Ответы были предсказуемы: затрачено слишком много средств, причины аварии А-330 не установлены, так что мсье Гумилеву не стоит торопиться с выводами. По большому счету авиаперевозчики иносказательно и дипломатично повторили слова Ковалева: «Самолеты падали и до искусственного интеллекта, не надо суетиться».

...Последний день июня выдался пасмурным. Андрей с раннего утра сидел в кабинете, отключив все телефоны и компьютеры. Им владело какое-то странное отупение. Сердце сжималось от нехорошего предчувствия, и он ничего не мог с собой поделать.

С востока на город надвигалась тяжелая туча. Ослепительные молнии разрывали ее свинцовую плотность, и гром гулко бил по ушам, словно эхо близких взрывов. Потом пошел дождь. Гумилев некоторое время бездумно наблюдал, как капельки воды сбегают по стеклу, и вдруг, повинуясь внезапному порыву, включил телевизор.

На экране возникло изображение покрытых шапками пены волн. Они качали какой-то мусор, тряпки, оранжевые спасательные жилеты. Бегущая строка равнодушно сообщала: «Авиалайнер А-310 йеменской компании Yemenia Air, на борту которого находились сто пятьдесят три человека, потерпел крушение в Индийском океане, в нескольких километрах от побережья Коморских островов».

Yemenia Air входила в пятерку партнеров корпорации Гумилева. На ее самолетах стояла система управления с искусственным интеллектом. Андрей вскочил, отбросив кресло.

Сто пятьдесят три человека!

Впервые в жизни ему захотелось заплакать. Дело всей жизни рушилось, как карточный домик. Андрей, не попадая по кнопкам, набрал Ковалева.

– Немедленно распорядись о демонтаже всех систем иси́на! – заорал он в трубку. – В нем ошибка! Ошибка!!

– Андрей, не горячись, – чувствовалось, что Арсения напугал голос Гумилева, но говорить он старался спокойно. – Еще не известно, есть ли в этой аварии наша вина. Давай подождем результатов...

Швырнув телефон на стол – сил спорить не было, – Андрей включил компьютер, вывел на экран ленту новостей и прочитал: «Как сообщили йеменские власти, на месте крушения самолета Airbus-310 обнаружены тела погибших. Число найденных останков не уточняется».

У Гумилева потемнело в глазах. Закололо сердце, по спине побежала струйка пота. Сообщения медленно ползли по экрану: «На месте крушения лайнера «Йеменских авиалиний» спасателям удалось найти уцелевшего пассажира. Им оказался ребенок».

Судорожно вдохнув, Андрей вцепился руками в край стола. Выжил ребенок! Может быть, он не один? Может быть, все не так уж и страшно? Люди спаслись, люди живы! Они качаются на теплых волнах океана в своих жилетах, для них все уже позади, и сейчас опытные, сильные спасатели помогают им забираться в лодки, а на берегу уже приготовлены номера в лучших отелях, медики и психологи ждут...

Новая строчка, появившаяся на экране, разметала все мечтания Гумилева: «Единственным выжившим оказался пятилетний мальчик. Его имя и национальность уточняются».

Единственным... Мальчик. Пять лет. Чуть старше, чем Маруся. Выжил. А родители – он же не мог лететь один – погибли. Пять лет. Все забудется. Или... Или навечно впечатается в память, искалечив психику маленького человечка.

– Господи... – простонал Андрей. – Господи...

Он никогда не верил в Бога, но сейчас, находясь на краю безумия, сам не заметил, как обратился к нему.

Обратился потому, что больше взывать было просто не к кому...

«По уточненным данным, выжившим пассажиром злополучного рейса является четырнадцатилетняя французская девушка по имени Байя Бакари, а не пятилетний мальчик, как сообщалось ранее».

«Значит, мальчик погиб, – подумал Андрей. – Чертовы репортеры! Не могут отличить девочку-подростка от маленького мальчика!»

И тут копившееся неделями нервное напряжение прорвалось наружу. В голове словно вспыхнула одна из тех молний, что освещали небо на Москвой. Андрей зарычал, захлопнул ноутбук, изо всех сил рванул серебристый корпус, с мясом выдрав сетевой шнур.

Размахнувшись, он бросил компьютер в окно. Пуленепробиваемое стекло загудело, как погребальный колокол.

Андрею казалось, что он сходит с ума.

В кабинет вбежала перепуганная секретарша, за ее спиной виднелись лица охранников.

– Андрей Львович, что-то случилось? Мы слышали шум...

– Случилось?! – повернувшись, Гумилев уставился на нее безумными глазами. – Ничего не случилось! Просто сегодня погибли сто пятьдесят два человека. Могло быть больше, но одна девочка выжила. Подумаешь, рутина! А месяц назад – тоже рутина! – погибли двести двадцать восемь человек. Сколько это всего? Сколько?!

Он сорвался на крик, сжал голову руками. Кабинет кружился перед глазами, все плыло. Кое-как добравшись до дивана, Андрей тяжело опустился на него.

– Сто пятьдесят два плюс двести двадцать восемь... – растерянно пробормотала секретарша. – Это будет... триста восемьдесят!

– Надо же, ровное число, – прохрипел Гумилев, тщетно пытаясь расстегнуть пуговицу сорочки. Он начал задыхался. Паническая атака сдавила горло, по телу пробежала волна дрожи. Последним усилием воли Андрей попытался начать обратный отсчет. Обменные губы зашевелились, вышептывая:

– Девяносто девять, девяносто восемь, девяносто семь...

Острая боль в плече подействовала на него отвращающе. Ис-

чез противный звон в ушах. Зрение прояснилось. Гумилев увидел человека в белом халате со шприцем в руках и одновременно почувствовал, что снова способен мыслить и рассуждать. Правда, мысли были тяжелыми и неповоротливыми, как тучи, что плыли сейчас по небу за окном.

«Укол транквилизатора. Наверное, секретарша вызвала дежурного медика. Молодец, не испугалась. Почему мне так хочется спать? Спать...»

Он не заметил, как соскользнул в целительный, спокойный сон, но на самом краю царства Морфея успел отдать себе четкий приказ: «Хватит истерик! Нужно действовать...»

Экран плазменной панели на стене кабинета разделился на пять окон. Гумилев поправил усик микрофона и сосредоточенно поприветствовал глав пяти авиакомпаний, смотревших на него с экрана.

– Сразу к делу, господа. Я требую немедленно снять наши системы искусственного интеллекта с ваших самолетов. Две катастрофы, гибель сотен людей... Корпорация проводит детальное расследование. До его окончания – никаких полетов.

Он замолчал, ожидая реакции. Внутренне Андрей был готов ко всему, даже к отказу кого-то из авиаперевозчиков, но он не ожидал, что против будут все пятеро его визави.

Доводы, приведенные ими, сводились к одному: затрачены большие средства, а ясности в вопросе о причинах катастроф нет.

Представитель «Йеменских авиалиний» заявил:

– Со дна океана поднят первый из четырех «черных ящиков». На его расшифровку уйдет три-четыре недели. Только тогда можно будет делать какие-то выводы.

– Мы примем решение о судьбе искусственного интеллекта, когда наши йеменские коллеги получают первые результаты. Пока же считаем, что преждевременно замораживать проект, на который ушли такие деньги, – поддержал его глава Caspian airlines.

– Прошу заметить, мсье Гумилев, что мы так и не обнаружили связи между действиями искусственного интеллекта и катастрофой А-330 в Атлантическом океане, – вклинился в разговор президент Air France.

Андрей попытался убедить авиаперевозчиков, взывал к их гуманизму, приводил примеры из истории авиации, но тщетно. С экрана звучало:

– Самолеты, полностью управляемые искусственным интеллектом, уже совершили сотни успешных вылетов. Мы берем на себя все возможные риски и продолжаем эксперимент – даже без вашего на то согласия. Вы свою роль уже выполнили.

Похолодев, Гумилев попытался сохранить лицо:

– Ваша позиция, господа, может привести к новым жертвам. Последнее, что я скажу: если выяснится, что в этих двух катастрофах виноват наш исин, я возьму на себя все выплаты семьям погибших. Но в случае новых аварий корпорация не даст ни копейки. Ответственность целиком падет на вас. Всего хорошего, господа.

На этом совещание закончилось.

Раздраженный, Андрей выключил телевизор и откинулся на спинку кресла. Он понимал, что движет авиаперевозчиками. Ради сиюминутной прибыли они готовы были на все. Но плата за риск была уж слишком чудовищной. Человеческая жизнь бесценная.

Или в современном мире даже у нее есть своя цена?

Кроме того, новые катастрофы и жертвы остановят работы по совершенствованию искусственного интеллекта. Говорят, что прогресс нельзя затормозить. Это неправда. Очень даже можно. Потеря темпа в исследованиях, сворачивание финансирования, утрата интереса у потенциальных инвесторов и потребителей... Да мало ли что! Поэтому нельзя пускать дело на самотек, нельзя отдавать его в руки тех, кто думает только о деньгах.

Проведя ладонью по лицу, Андрей почувствовал, что ему душно. «Надо пройтись, развеяться, как-то отвлечься», – подумал он и покинул кабинет. Жестом дав понять охранникам, постоянно дежурящим в приемной, что сопровождать его не надо, Гумилев прошелся по коридору, вызвал лифт. Спустившись на пару этажей, он заглянул в одну лабораторию, затем в другую. Сотрудники давно привыкли, что шеф может в любой момент поинтересоваться ходом работ по тому или иному проекту корпорации, и появление Андрея не вызвало удивления.

Сам он в эти минуты буквально отдыхал душой, наблюдая, как живет и работает его детище. Корпорация была своеобразной кузницей, где ковалось будущее планеты, будущее всего человечества. И, поднимаясь обратно к себе, Гумилев твердо решил приложить все усилия, чтобы это будущее стало реальностью, превратилось в настоящее для следующего поколения землян, для поколения его дочери.

Телефон зазвонил, когда он уже вернулся в кабинет. На экранчике высветилась фамилия Чилингарова. Андрей нахмурился, но нажал кнопку «соединить».

– Добрый день, Артур Николаевич.

– Здравствуйте, Андрей Львович. Слышал, у вас неприятности...

Гумилев стиснул трубку в руке, несколько резче, чем принято, ответил:

– Ваша осведомленность делает вам честь.

– Для этого существуют профессионалы, – засмеялся Чилингаров. – Кстати говоря, они же подсказали мне, что на терраформирующей станции, которая будет тестироваться в Арктике, установлен такой же искусственный интеллект, что и на самолетах. На тех самолетах...

– Это не совсем так, Артур Николаевич. Исин, изготовленный для станции, отличается от... Ну, вы меня понимаете. Кроме того, мы несколько раз перепроверили все его системы и программные модули. Фрам будет работать как часы.

– Фрам? Это в честь корабля Нансена?

– Именно. Уверен, что под его опекой и защитой на станции для всех вас будет так же безопасно и надежно, как и на борту легендарного «Фрама».

– Для вас? – в голосе Чилингарова послышалось нечто похожее на иронию. – То есть вы-то, Андрей Львович, остаетесь в Москве?

– Конечно. Вы же сами сказали, что в курсе моих дел.

– Не торопитесь, – перебил Чилингаров. – Я, собственно, затем и позвонил. Что, если вы измените свое решение и присоединитесь к экспедиции?

– Я? Это невозможно.

– Очень даже возможно, – мягко сказал полярник. – Ваше участие разом остановит набирающий поток слухов о ненадежности вашего иси́на. Это во-первых...

– Есть и «во-вторых»?

– Конечно. Вам необходимо взять паузу. Пусть расшифровки «черных ящиков» и расследование, инициированное вами, идут своим чередом...

«Он знает о расследовании! – вздрогнул Андрей. – Что ж у него за информаторы?»

– ...А вы тем временем развеетесь, спокойно подумаете обо всем. Арктика, она, знаете ли, лечит и тело, и душу.

– Артур Николаевич, мне не хотелось бы надолго расставаться с дочерью. Она осталась без матери.

– Я помню. Но малышка с няней тоже могут поехать с нами. А мы, как и положено мужчинам, создадим прекрасным дамам все подобающие условия.

– Хм... не знаю, не знаю... – Гумилев замялся. Если бы Чилингаров напористо убеждал его, он уже ответил бы отказом, но Артур Николаевич оказался умелым манипулятором. Его доводы были весомыми и логичными, а логику Андрей уважал.

– Давайте так: я сообщу о своем решении на ближайшем заседании Арктического клуба, – наконец сказал он.

– О своем положительном решении, Андрей Львович, – рассмеялся Чилингаров и положил трубку.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ

Маленькие хитрости

Домой Гумилев возвращался уже за полночь. За окнами машины мелькали огни ночной Москвы, над Поклонной горой парила в лучах прожекторов фигура богини Ники. «Ника – это победа, – подумал Андрей. – По-бе-да... Преодоление беды. Беда уже пришла. Гибнут люди. Я попытался остановить это – и не смог. Или все же...»

Он устал. Устал не физически. Неопределенность будущего давила на Андрея, и жить с этим грузом было тяжело. Он, как античный Атлант, державший небо, нес сейчас на своих плечах ответственность за смерти сотен человек. Держал – и не мог сбросить.

«А может, и вправду послать все к черту? Уехать в экспедицию, как советует Чилингаров? Захватить Муську, Марго...»

Вспомнив о девушке, Андрей бросил взгляд на часы. Половина первого. Уже наступило «завтра», точнее, оно превратилось в «сегодня». И это был не просто очередной день, а день рождения близкого человека. Марго исполняется двадцать пять лет. Будет праздник, и Гумилев не имеет права испортить его. А раз так, надо собраться, надо взять себя в руки. В конце концов, он мужчина и капитан звездолета под названием «Земля»...

Несмотря на поздний час, в гостиной Андрея ждал посетитель. Александр Адамов был личным адвокатом Гумилева, выполнявшим его самые деликатные поручения. В свои пятьдесят выглядел он пугающе молодо – поджарая фигура спортсмена, юношеский румянец на щеках.

Андрей предложил Адамову разделить с ним ночную трапезу, но тот только махнул рукой:

– Что вы, что вы, Андрей Львович! Этого я себе позволить не могу. Вот это... – он похлопал себя по подтянутому животу, – нуждается в постоянном контроле. Увы, за все надо платить.

Мужчины перешли в столовую, где уже все было готово для позднего ужина или очень раннего завтрака.

– Ну, от чая-то вы не откажетесь? – спросил Гумилев, усаживаясь за сервированный стол, а про себя повторил слова, в последние дни не раз приходившие ему на ум, а сейчас вот озвученные Адамовым: «За все надо платить».

– Зеленый, если можно, – согласился адвокат. Горничная понимающе кивнула и вышла из комнаты.

Намазав кусочек тоста паштетом, Андрей отправил его в рот, вооружился ножом, вилкой и принялся разделявать запеченную с яблоками куропатку. Адамов, хищным взглядом голодного человека осмотрев стол, задержался глазами на розеточке с икрой, на блюде с мясным ассорти, печально вздохнул и с благодарностью принял из рук горничной чашечку с ароматным напитком.

– Быть может, правы были древние, когда придумали притчу про орла и ворона. Лучше один раз напиться живой крови, нежели триста лет клевать падаль. Простите, Андрей Львович, не к столу я...

– Ничего, Александр Михайлович, я не впечатлителен, – усмехнулся Гумилев, переложил себе на тарелку половину куропатки, дополнил дичь гарниром из тушеного картофеля с белыми грибами и взялся за соусник. – Однако что же вам мешает хотя бы на время превратиться из ворона в орла?

– Убеждения, – грустно произнес адвокат. – Я слишком хорошо знаю себя. Если дать слабину, то все, пиши пропало. Поэтому – ни грамма алкоголя, ни единой сигареты, ни одной лишней калории. Иначе я за месяц превращусь в одышливую развалину.

Гумилев, хрустя салатом, посмотрел на прихлебывающего чай адвоката и про себя усмехнулся: «Адамов обманывает сам себя. Старость в первую очередь поражает мозг. Он слишком много говорит о своих проблемах и болячках, как это делают все пожилые люди. Впрочем, адвокат он грамотный, так что кое-какие чудачества можно и простить...»

Некоторое время в столовой царила тишина, нарушаемая лишь стуком приборов и боем старинных часов. Эти часы, огромные,

напольные, выполненные в виде лондонского Биг-Бена, Андрею подарил посол Великобритании в России, и они являлись единственной малофункциональной вещью в его доме.

Утолив голод, Гумилев отложил вилку, промокнул губы салфеткой и, пока горничная наливала ему мате, спросил у Адамова:

– Как дела у Краснова? Суд все еще идет?

– Собственно, я потому и приехал, – ответил адвокат. – Сегодня было последнее заседание. Судья вынес приговор...

– Не томите, Александр Михайлович, – попросил Гумилев, уже понимая, что сейчас услышит хорошую новость.

– Три года колонии-поселения! – отчеканил Адамов, широко улыбаясь. – Минимум из минимума! Срок будет отбывать в Подмоскowie.

– Отлично, – кивнул Андрей. – А что с условиями для дальнейшей учебы? Мне важно, чтобы Дмитрий продолжил обучение.

– Этот вопрос решен положительно, – Адамов сделал рукой некий многозначительный жест, как бы давая понять своему шефу: раз уж я занимаюсь этим делом, проблем быть не может. – Краснову доставят всю необходимую литературу. Раз в неделю к нему будут приезжать на свидание преподаватели из университета. Они не смогли отказать мне в этой просьбе.

– Не бесплатно, как я понимаю? – иронично выгнул бровь Гумилев.

Адамов в знак согласия наклонил седеющую голову.

– А кроме того, Краснова два раза в год будут отпускать для сдачи сессии.

– Ну и славно. Теперь все зависит от самого Дмитрия, – Андрей отставил опустевшую чашку, поднялся из-за стола. – Удочку мы ему дали. Рыбу он должен поймать сам.

– Андрей Львович... – адвокат тоже встал, улыбнулся. – Чтобы создать нашему подопечному все условия для успешной рыбалки, я несколько вышел за рамки выделенного мне бюджета...

Гумилев сдержал усмешку. Адамова он знал давно и не помнил еще ни одного дела, в котором адвокат бы не «вышел за рамки». Выходы эти всегда были очень скромными, но они были. Андрей дернул плечом и спросил:

– Надеюсь, вы лично будете контролировать ситуацию с Красновым? Весь срок, да?

Улыбка сбежала с холеного лица адвоката.

– Конечно, Андрей Львович. Никаких проблем у него не будет.

– Хорошо. Что же касается денег... Не думаю, что это критично. Александр Михайлович, у вас все?

Облегченно вздохнув, адвокат попрощался. Андрей остался один. Шел второй час ночи. Надо было ложиться спать, но на всякий случай он решил проверить – как там Марго?

Из-под двери спальни девушки пробивалась полоска света. Гумилев собирался поздравить ее завтра, но ведь фактически оно уже наступило. Постучав костяшками пальцев по косяку, чтобы не напугать Марго, Андрей толкнул дверь.

– Привет, именинница!

Она лежала на животе и читала книжку. Гумилев невольно залюбовался девушкой. Без автозагара кожа Марго вернула себе природный цвет белого мрамора. Волосы она остригла и перекрасилась в брюнетку. Теперь няня Маруси уже ничем не напоминала загорелую длинноволосую шатенку Еву, и Андрея это вполне устраивало.

Обернувшись, она улыбнулась, кинулась на шею Гумилеву, поцеловала.

– Привет! Я не ложилась, хотела, чтобы именно ты первым меня поздравил.

– Неужели тебе еще никто не прислал даже эсэмэску? – удивился Андрей.

– А я отключила телефон.

– Какая ты хитрюга, – Андрей ответил на поцелуй поцелуем. – Молодец! А вот я совсем не молодец – забыл купить тебе цветы.

– Ну вот! А подарок ты не забыл? – делано надула она губы, но в разноцветных глазах Марго скакали веселые чертенята.

– Подарок? – Андрей присел на край кровати. – Представь себе, нет. Подарок будет такой: я приглашаю тебя в романтическое путешествие по экзотическим местам!

– Ой, правда? Как здорово, Андрей! Спасибо! А куда едем? И когда? – забросала она его вопросами и вдруг задумалась. – По-дожди, а как же Маруся?

– Ее мы возьмем с собой. С нами поедут Чилингаров, Ковалев, Бунин, Свиридов. Ну, и еще три-четыре десятка хороших людей.

– Мы поедem в Арктику? – догадалась Марго.

– Все-то ты знаешь. Да, в Арктику. Двадцать четвертого июля вылетаем в Мурманск. Нас ждет атомный ледокол «Россия».

– А дальше?

– Дальше, как писали в старинных романах про морские приключения, «они взошли на борт корабля и отправились покорять Северный полюс». Так что придется взять с собой теплые вещи.

– Да уж, подарок... – Марго отстранилась, посмотрела на Андрея. – Там же лед и холодно! О, я придумала, как тебе отомстить! Я возьму с собой нижнее белье с начесом, байковые ночные рубашки до горла и другие практичные вещи. А все эти бесполезные кружева, – Марго кокетливо оттянула резинку своих ажурных черных трусиков, – пусть остаются здесь.

– Какая ты вредная! – засмеялся Андрей. Он попытался обнять девушку, но та ловко вывернулась, на четвереньках отползла на другой край кровати и, дразнясь, показала красный язычок.

– Ладно, у меня есть для тебя еще один подарок. Но ты его получишь только утром.

– Это еще почему? – опешила Марго.

Теперь пришла очередь Андрея поддразнить девушку.

– Чтобы счастливыми визгами ты не перебудила весь дом.

– Ах так? Тогда я... Тогда я... – Марго вскочила, накинула шелковый халатик и выпалила: – Тогда я буду ждать рассвета в твоей спальне! Ну, чтобы ты за ночь не передумал.

Гумилев понял, что уснуть в эту ночь ему не суждено, засмеялся и, подталкиваемый девушкой, отправился к себе...

Над подарком Марго Андрей ломал голову не один месяц. Двадцать пять лет – дата серьезная, и ему хотелось, чтобы в этот день девушка получила не просто какую-то, пусть и дорогую, но все же

безделушку, а вещь, напоминающую Марго о нем и его чувствах.

Решение пришло, когда Гумилев изучал материалы по людям с разным цветом глаз. Месяц ушел на подготовку. Подарок доставили в офис Андрея накануне дня рождения Марго.

И вот наступил долгожданный момент. Лучи солнца осветили спальню, и Гумилев, проснувшись, пощекотал розовую пятку девушки.

– Просыпайся, красавица! Вставай, тебя ждет сюрприз!

Марго открыла глаза и улыбнулась. Андрей выставил вперед кулаки, предлагая имениннице сделать выбор.

Помотав головой, чтобы прогнать сон, девушка указала на его правую руку. Гумилев разжал пальцы. На ладони сверкала изящная серьга – окружность из белого золота была усыпана мелкими черными бриллиантами, вниз спускалась тонкая подвеска, удерживавшая крупный прозрачный камень – невероятно чистый, сияющий глубоким синим цветом сапфир.

Охнув от восторга, Марго вспомнила про другой кулак и ткнула в него пальчиком. Там оказалась вторая серьга, точно такая, как и первая, только на подвеске покачивался не сапфир, а шелковисто-зеленый изумруд.

Девушка замерла с открытым ртом, словно маленькая девочка, получившая невероятно красивую куклу.

– А где же индейские вопли восторга? – делано удивился Андрей, довольный произведенным эффектом.

Он сам придумал дизайн этих сережек и заказал их известному ювелиру. Уникальный сапфир привезли с Мадагаскара, изумруд – из Колумбии. В Москве их искусно огранили и вставили в изящную оправу.

Воплей не последовало. Марго прижала ладони к груди и, даже не прикоснувшись к серьгам, тихо заплакала. Андрей увидел, что глаза ее от слез стали такими же светлыми и прозрачными, как подаренные камни.

– Андрей, ты даже не представляешь, что ты сделал... – всхлипывая, прошептала девушка. – Это же не просто серьги... Ты сделал их специально для меня. Ты думал обо мне! – и она разрыдалась, уткнувшись ему в плечо.

Все еще сжимая в каждой руке по сережке, Гумилев прижал девушку к себе. В это мгновение он как никогда раньше был уверен, что любит ее.

За десять дней до вылета членов экспедиции в Мурманск у Гумилева состоялся приватный онлайн-разговор с генералом Свиридовым. Тот сообщил:

«Проверка участников закончена. По нашей линии никаких претензий нет. Обновленные досье пересланы вам по закрытому каналу».

Андрей, пребывая в хорошем настроении, написал генералу:

«То есть шпионов у нас нет?»

Свиридов не поддержал шутливый тон Гумилева.

«Все участники в обязательном порядке подписывают документ о неразглашении сведений, полученных в ходе экспедиции. Утечка информации автоматически повлечет за собой санкции, прописанные в контракте».

«А тесты на психологическую совместимость вы случайно не проводили?»

«В этом нет необходимости, Андрей Львович. Но, если бы экспедиция длилась более месяца, они бы нам, конечно же, понадобились».

«Вот как?»

«Вы не представляете, на что способны люди, оказавшиеся на длительный срок отрезанными от мира».

Гумилев, особо не вникая в слова генерала, застучал пальцами по клавишам:

«Надеюсь, мы не поубиваем друг друга».

«Для этого я и сопровождаю вас», – очень серьезно ответил Свиридов и отключился.

Перечитав последнюю фразу генерала, Андрей нахмурился. Уж очень двусмысленно она звучала. От хорошего настроения не осталось и следа. Впервые Гумилев подумал о том, что экспедиция может обернуться чем-то большим, нежели просто увлекательным путешествием по Арктике.

Подготовка к экспедиции шла своим чередом. Андрею приходилось ежедневно решать массу вопросов, связанных с обеспе-

чением ледокола и терраформирующей станции всем необходимым. Конечно, он мог переложить это бремя на Ковалева, но ему хотелось лично контролировать весь процесс. Это позволяло не только быть в курсе событий, но и отвлекало Гумилева от тяжелых мыслей, связанных с авиакатастрофами.

Естественно, часто бывать в Арктическом клубе он не мог, но это вовсе не означало, что Андрей выключился из клубной жизни. Еще несколько месяцев назад по его инициативе была создана закрытая информационная сеть, где у каждого члена клуба имелась своя страничка. Теперь в любой момент можно было связаться с нужным человеком и онлайн обсудить все вопросы. Это было удобно и экономило массу времени.

Презентуя свое детище, Гумилев обратился к коллегам по клубу с коротким спичем, в котором подчеркнул именно этот момент – экономию времени.

– На дворе двадцать первый век. Все мы деловые люди, нам некогда каждый раз ездить в клуб, чтобы перебраться несколькими словами. Телефон, увы, не обладает теми возможностями, какие дает нам Интернет. Теперь, господа, вы можете пересылать документы, видео- и аудиофайлы, любую другую информацию. Поздравлю вас – отныне все мы в контакте!

Произнося эти слова, в душе Гумилев посмеивался. Ситуация и в самом деле была забавной. Члены клуба по большей части не имели никакого представления о возможностях современных информтехнологий, хотя у многих из них уже имелись внуки, которые, в отличие от дедов, прекрасно ориентировались в Сети и были на ты с компьютером.

Гумилев чувствовал себя Прометеем, принесшим людям огонь. Разница была лишь в том, что большинство из ослесчастливленных не сидели в пещерах у потухших очагов, а занимали видные посты в правительстве, научных институтах и исследовательских компаниях.

Решив вопрос с коммуникацией, Андрей сосредоточился на проблемах экспедиции, но тут возникло новое препятствие. К этому времени в число участников арктического вояжа вошли ученые из Китая и Японии. Остро встал вопрос о языке общения.

В ходе интерактивного опроса подавляющее большинство членов клуба высказалось за английский, но Гумилев выступил против. Свою позицию он аргументировал тем, что восемьдесят процентов участников экспедиции – русские, а заставлять большинство говорить на языке меньшинства – абсурдно.

На помощь ученым пришли программисты из корпорации Гумилева. Они создали универсальный онлайн-переводчик, позволявший без задержек, точно и грамотно переводить на русский язык текст, введенный на любом иностранном языке.

Когда система сетевого общения была протестирована и запущена в работу, первым ее пользователем неожиданно стал сам Андрей Гумилев. Ему на компьютер пришел вызов от одного из членов Арктического клуба, китайского биолога по фамилии Чен. Ранее Андрей никогда с ним не общался. Прежде чем ответить на вызов, Гумилев заглянул в досье Чена. Сведения о китайце были довольно скудными: биолог имел научную степень «МА», опубликовал ряд монографий, посвященных проблемам клонирования, выступал с докладом на Всемирном биологическом конгрессе.

«Приветствую Вас, коллега!» – набрал Андрей в строке сетевого коммуникатора.

«Здравствуйте, уважаемый Андрей Львович! – ответил китаец. – Мне очень лестно, что Вы обращаетесь ко мне, используя слово «коллега». Право же, я – всего лишь начинающий исследователь и не достоин этого».

– Ох уж мне эти китайские церемонии, – вслух произнес Андрей и набрал: «Чем могу служить?»

«Мне хотелось бы обсудить с Вами, уважаемый Андрей Львович, некоторые аспекты Вашего проекта, касающегося создания человека будущего».

«Слушаю Вас».

«В настоящий момент я занимаюсь исследованиями, связанными с выращиванием различных человеческих органов – сердца, печени, легких. Вы, насколько я осведомлен, интересовались технологиями, позволяющими заменять старые и больные органы на новые?»

Андрей задумчиво повертел в руках карандаш. Искусственно выращенные органы – это интересно. Очень интересно.

«Уважаемый господин Чен, а как далеко Вы продвинулись в практической стадии своих исследований?»

«Достаточно далеко, чтобы говорить о возможности массового внедрения технологий клонирования для создания дубликатов человеческих органов. Но по сравнению с Вашими успехами в области нейропротезирования наши достижения просто ничтожны. Я видел Вашу Белку. Это впечатляет».

«Киборги пугают людей», – написал Гумилев. Он понял: китаец представляет интерес для его корпорации. Осталось выяснить, что нужно самому Чену.

«Мы пытаемся создать не киборга, а живого, настоящего человека».

«Клона?»

«Да, уважаемый Андрей Львович».

«А как же этическая составляющая этой проблемы?»

«Мы с Вами могли бы обсудить ее».

«Хорошо. Надеюсь, во время экспедиции у нас будет достаточно времени».

«Я рад, что мы нашли взаимопонимание», – написал китаец.

Только сейчас Андрей заметил, что его собеседник не задействовал онлайн-переводчик.

«Вы знаете русский язык, уважаемый Чен?»

«Я стажировался в России, уважаемый Андрей Львович. Но предпочитаю не афишировать свои знания. Всего доброго».

«До свидания».

Гумилев отключился и подумал: «А ведь это очень удобно для делового человека – изображать незнание языка. Можно узнать немало интересного и полезного. Этот Чен не так прост, как кажется».

В Арктический клуб Гумилев приехал под вечер, когда зной, весь день выжигавший город, начал спадать и на бульварах появились влюбленные парочки. Конечно, в салоне эксклюзивного темно-серого «Мерседеса» благодаря климат-контролю жара со-

вершенно не ощущалась, но стоило Андрею выйти из машины, как у него перехватило дыхание.

«Как будто я оказался в сауне, – подумал он. – Скорее бы уже наступил день отъезда...»

Обычно водитель останавливал «Мерседес» Гумилева напротив широкой лестницы, ведущей к высоким створчатым дверям, но сегодня подъезд к зданию Арктического клуба оказался перекрыт: из переулка задом выпятился желтый многоосный кран «Като», и теперь это чудо строительной техники пыталось развернуться на асфальтовом пятаке клубной стоянки. Ревели дизели крана, сизый дым плыл над улицей. Двое рабочих в оранжевых жилетах и администратор клуба бегали вокруг, усиливая общую неразбериху.

Можно было, конечно, посидеть в машине и подождать, пока стоянка освободится, но Андрею показалось глупым тратить время на ожидание, находясь в двух шагах от клуба. «Мерседес» остановился на углу здания, и Гумилев поспешил ко входу.

Поднимаясь по ступенькам, Андрей привычно бросил взгляд на барельеф, украшавший фасад Арктического клуба. Над выпирающим из стены земным шаром сияла Полярная звезда. Ее лучи освещали Россию, тогда как весь остальной мир оставался как бы в тени. По отмеченному пунктиром Полярному кругу шла латинская надпись *Nunc et in saecula*, что переводилось как «Ныне – и навеки». Андрею объяснили, что это указывает на владычество России над Арктикой.

При монтаже Гумилев наблюдал барельеф, что называется, в лоб, сейчас же он смотрел на него сбоку, под углом. И хорошо знакомое изображение неожиданно предстало перед Андреем в совершенно ином виде. Лучи от Полярной звезды сложились в пирамиду, сама звезда стала подозрительно похожа на глаз. Обомлевший Гумилев ясно видел над собой знакомые с юных лет символы: Пирамиду Соломонова храма и Всевидящее Око Великого Архитектора Вселенной. Не хватало только девиза из тринадцати букв: *Annuìt Coeptis*, то бишь «Он благословляет наши деяния». Сотни, тысячи, миллионы раз он видел это на зеленых купюрах Федеральной резервной системы США. И вот увидел в Москве, на здании респектабельного общества, в котором состоят уважаемые люди государственного уровня.

«Привидится же такая чертовщина!» – он потряс головой, зажмурился и снова посмотрел на барельеф. Ничего не изменилось. Масонские символы были ясно различимы, мало того – с этой точки благодаря игре света и тени на абрисе Евразийского материка выступили буквы: *Novus Ordo Seclorum*.

– «Новый мировой порядок», – машинально перевел Гумилев. Это было уже чересчур. Он сделал шаг в сторону – пирамида исчезла, надпись пропала. Вернулся на прежнее место – масонские символы зловеще проступили на барельефе, словно бы поддразнивая Андрея.

Забыв обо всем, он под недоуменными взглядами водителя, швейцара и охранника начал ходить по лестнице, разглядывая барельеф с разных сторон. Кран давно уехал, солнце ушло за крыши домов, позолотив высокие перистые облака. Спустя десять минут Гумилев выяснил: лучи Полярной звезды складываются в пирамиду, и появляется зловещая надпись про мировой порядок, только если стоять справа от входа на тринадцатой ступеньке. Со всех остальных точек барельеф выглядит совершенно нормально.

«Скажу кому – на смех поднимут, – подумал Андрей. – Скажут, мол, у Гумилева крыша поехала. Масонский заговор нашел. Миллиардер-конспиролог... Надо будет побеседовать с автором этой композиции. На свете бывает всякое, но то, что я увидел на барельефе – не случайность».

...Несмотря на уже довольно поздний час, в клубе Андрей застал всего несколько человек. Бизнесмены, чиновники из правительства, пара известных журналистов, пресс-атташе Норвежского посольства, какие-то незнакомые Гумилеву люди сидели за столиками в Большом зале, негромко переговариваясь. Кто-то катал шары на бильярде, на небольшой сцене женщина в черном платье задумчиво играла на рояле, и звуки музыки плыли по залу, словно дым.

В уютном полумраке курительного кабинета, среди зажженных свечей, кальянов и полок с газетами и журналами Андрей обнаружил Чилингарова. Полярник устроился в глубоком кожаном кресле, листая какой-то таблоид, и, к немалому удивлению Гумилева, в его руке отсутствовала дымящаяся сигарета. Не почувствовав табачного запаха, Андрей пошарил взглядом и не обнаружил пе-

пельницы. Чилингаров, это знали все, был заядлым курильщиком. Видеть его в курительной без сигарет было удивительно.

– Бросаю, – улыбнулся он в ответ на вопрос Гумилева. – В стотысячный раз, наверное. Держусь третий день. Тянет страшно. Вот окопался здесь, чтобы хотя бы запах как-то успокаивал. В экспедиции решил не курить вовсе.

– Говорят, когда курильщик оставляет свою привычку, он становится очень раздражительным и нервным, – заметил Андрей.

– Вы боитесь, что на борту станции я буду отравлять всем жизнь уже не табачным дымом, а своим брюзжанием? – засмеялся Чилингаров.

– Да тут Свиридов завел разговор о психологическом климате во время экспедиции, – улыбнулся в ответ Гумилев. – Мол, когда в замкнутом пространстве находятся много разных людей, все возможно.

– Не волнуйтесь, Андрей Львович, Чилингаров умеет быть сдержанным, – заверил его полярник. Во время разговора он вертел в руках пластину смартфона, причем делал это очень ловко, словно фокусник. Гумилев заметил, что полярник случайно нажал кнопку вызова.

«Случайно – или как бы случайно? Ум за разум заходит... Сказать ему о барельефе и масонских знаках? – задумался Андрей. – Пожалуй, он мне поверит. Или лучше все же не говорить? Нет, скажу...»

Он уже совсем было решился, но тут скрипнула дверь, и в курительную упругой походкой вошел улыбающийся мужчина в дорогом костюме. Андрей знал его по многочисленным фотографиям в прессе и телевизионным программам, но лично знаком не был.

– О, а вот и гость нашего клуба! – обрадовался Чилингаров, поднимаясь из кресла. – Познакомьтесь, господа: предприниматель Андрей Львович Гумилев – президент Республики Калмыкия Кирсан Николаевич Илюмжинов.

Андрей пожал небольшую, но удивительно крепкую руку Илюмжинова.

– Уважаемый Артур Николаевич несколько преувеличивает, – сияя белозубой улыбкой, мягко сказал тот. – Я уже давно от-

казался от президентского статуса. Теперь я просто возглавляю республику. А президент у нас... – он выдержал паузу, – президент у нас один, господа.

Устроившись в креслах, мужчины завели неторопливую беседу о мировом финансовом кризисе. Эта животрепещущая тема не сходила с первых полос газет и лент новостных сайтов. От предложения российской стороны на последней встрече большой двадцатки разговор как-то сам собой плавно перетек к новым возможностям, открывающимся в связи с кризисом, и совершенно логично коснулся будущей экспедиции.

– Кстати, – сказал Чилингаров. – Кирсан очень заинтересовался этим нашим предприятием. Он готов принять в нем участие и взять на себя часть финансирования. Что скажете, Андрей Львович?

«Ловко, – глядя в хитрые глаза полярника, подумал Гумилев. – А ведь все было подстроено с самого начала. Чилингаров караулил меня здесь, как кот мышь. Когда я появился, он дал знак Илюмжинову. Теперь я практически проставлен перед фактом: этот калмык предлагает деньги с собой в придачу. Наша экспедиция превращается из чисто научной в этакий арктический вип-вожж. Н-да... Но что-то ответить надо...»

– Мне очень приятно, что экспедиция вызывает такой интерес даже у глав регионов, находящихся очень далеко от Полярного круга, – как можно спокойнее произнес Андрей. – Но, к сожалению, специфика предстоящей нам в Арктике работы такова, что не связанным с исследованиями людям попросту не хватит места на борту...

– Ну бросьте, Андрей Львович! – весело загудел Чилингаров. – Брем же мы журналистов и этого... писателя с двойной фамилией.

– Журавлева-Синицына? – усмехнулся Гумилев. – А не вы ли, Артур Николаевич, убедили всех, и меня в том числе, что этот гений клавиатуры создаст по возвращении нетленный шедевр, прославив нашу экспедицию на все времена?

– Насколько я знаю, он едет не один, а с дамой, потому что его тонкой творческой натуре необходима муза, – вступил в разговор улыбающийся Илюмжинов. – Я несоизмеримо более ценный кадр для экспедиции. Я оплачу не только свое участие, но и, скажем... экипировку для всех. Идет?

Андрей поморщился: все ясно, это заговор. Раз уж этот калмык знает такие подробности... «Пирамида и око на фасаде – это не случайность. Меня просто взяли в оборот. Нет уж, мои дорогие заговорщики, хрен вам, а не экспедиция!»

– Смее так же заметить, что у нас нет проблем с финансированием. Все средства уже выделены и освоены в полном соответствии со сметой. Этим занимается финансовый отдел моей корпорации.

У Гумилева был очень серьезный резон провести тестирование станции «Земля-2» – а именно в этом и заключалась главная задача экспедиции – с минимальной оглаской. Дело в том, что теперь, после авиакатастроф, никто не мог дать стопроцентной гарантии, что искусственный интеллект «Земли-2» не подведет своих создателей. Журналисты, писатели, государственные чиновники высшего ранга – все это называлось просто и ясно: «утечка информации». А уж если, не дай бог, случится что-то серьезное или трагическое, репутации Гумилева и его корпорации будет нанесен ощутимый удар.

Чилингаров поскущел. Он еще раз продемонстрировал фокус со смартфоном, только на этот раз была нажата кнопка ответа на звонок.

– Алло? Да, я... А, Ларисочка! Помню-помню... – полярник поднялся, извинился и вышел из комнаты, любезничая с неизвестной Ларисой. Андрей и Илюмжинов остались вдвоем.

Некоторое время они молчали. Гумилев, взяв в руки свежий номер «Коммерсанта», просматривал заголовки газетных статей, а его визави так же внимательно изучал Андрея, продолжая улыбаться.

Наконец он произнес:

– Андрей Львович, я прекрасно понимаю, почему вы против моего участия в экспедиции, но поверьте, я мог бы задействовать определенные рычаги, скажем, в администрации президента – и вопрос был бы решен. Я же выбрал другой путь.

– Кирсан Николаевич, вы тратите свое и мое время...

– Подождите, Андрей! – перебил калмык. – А если я предложу вам пари?

– Пари? – Гумилев отложил газету и с удивлением посмотрел в темные глаза Илюмжинова. – Кирсан, вам никогда не говорили, что вы некоторым образом...

– Нахал? – расхохотался Илюмжинов. – Так ведь, как говорят у вас, у русских, под лежащий камень вода не течет. Итак – пари?

– На что?

Калмык согнал с лица улыбку..

– Я очень внимательно изучал все материалы по вашему искусственному интеллекту. Вы совершили настоящий прорыв, придав захромавшей колеснице прогресса дополнительный импульс. Это впечатляет. Но в то же время мне кажется, что слишком доверяете этим исинам. Они никогда не заменят человека.

– Это смотря в чем, – покачал головой Андрей. – Конечно, эмоции, чувства искусственному интеллекту пока недоступны. И по части интуиции он еще проигрывает хомо сапиенс. А вот там, где нужны точные расчеты, где все можно измерить и вычислить, человек отстал от исина навсегда.

– Вот именно это я и готов оспорить! – торжествующе заявил Илюмжинов, сверкая глазами.

– А, понимаю, – Гумилеву вдруг сделалось весело, словно настроение Кирсана передалось ему. – Вы же шахматист, президент ФИДЕ, если не ошибаюсь?

– Именно так. И я готов сыграть с вашим исинном. Выиграет он – я публично признаю свою неправоту и больше не буду вам надоедать. Но если победа окажется за мной...

– Я включу вас в состав участников экспедиции, – закончил за него Гумилев. – Что ж, вы умный человек и все сделали правильно. И я не буду проявлять упрямство и отказываться. Пари – так пари. Когда вы будете готовы к партии...

– Я готов прямо сейчас, – усмехнулся Илюмжинов.

– Тогда предлагаю проехать ко мне в офис. Мои помощники подготовят модуль исина, свяжут его с компьютером, чтобы вам было проще вести обмен информацией. Едем?

– Конечно, – калмык пружинисто встал, шагнул к двери. Андрей последовал за ним.

В коридоре они встретили Чилингарова. От Гумилева не укрылось, что Илюмжинов и полярник обменялись многозначительными взглядами.

«Они уже празднуют победу, – подумал Андрей. – Но рано радуетесь, господа! У меня тоже есть чем вас удивить».

План Гумилева был прост. Он, конечно, верил в искусственный интеллект как в свой собственный, но подстраховка еще никому не мешала, тем более в таком важном деле. Поэтому, едва они с Илюмжиновым вышли в Большой зал, Андрей извинился, сославшись на естественные причины, и отправился в туалет. Оттуда он позвонил Ковалеву и отдал кое-какие распоряжения...

– Матч века! – смеялся Илюмжинов, потирая смуглые маленькие руки. Он прохаживался по мягкому ковру небольшого конференц-зала, расположенного на самом верхнем этаже здания корпорации. Сквозь стеклянную крышу светили тусклые московские звезды, ночной ветер, врываясь в открытые окна, шевелил портьеры.

По шахматной доске из полированной яшмы гуляли световые блики. Бронзовые фигуры, выполненные в виде средневековых воинов, сурово взирали из-под шлемов на своих врагов. Эти необычные, эксклюзивные шахматы Андрею подарили на Урале. Богатая отделка и мастерски выполненные фигурки делали их настоящим произведением искусства.

Андрей, попивая апельсиновый сок из высокого стакана, рассматривал возбужденного Илюмжинова, доску с фигурами и думал: «У них нет выбора. Встал на клетку – ходи. Особенно тяжело пешкам. Только вперед, ни шагу назад. И уклониться нельзя. Вообще ничего нельзя. Хотя нет... Можно героически погибнуть. За короля. За победу. Вот и мы, люди, тоже иной раз ведем себя как шахматные фигуры. Кто-то мнит себя ферзем, на деле являясь пешкой. Кто-то из пешек выходит в ферзи... Но в конечном итоге все решает даже не король, а тот, кто сидит за шахматной доской. Что-то меня на философию потянуло. Пора начинать!»

– Пора начинать, – в дверях возник Ковалев. – Кирсан Николаевич, вы готовы?

– Всегда готов! – засмеялся калмык. На большом экране высветилось схематическое изображение шахматной доски. Илюмжинов играл белыми – так распорядилась жеребьевка. Он взял бронзового воина-пешку и сделал первый ход. Референт Ковалева,

приглашенный на матч в качестве секретаря, записал его и ввел в компьютер. На экране белая королевская пешка двинулась вперед на две клетки. Е2-Е4.

Андрей усмехнулся: ничто не ново под Луной. Ему вспомнился незабвенный Остап Бендер и его классическое: «Обо мне не беспокойтесь. Я сегодня в форме».

Пожелав калмыку удачи, Гумилев отправился к себе в кабинет: нужно было просмотреть биржевые котировки за сегодняшний день. В конференц-зале остался Ковалев, референт и несколько сотрудников корпорации, любителей шахмат.

«Интересно, почему Илюмжинов так уверен в себе? – шагая по коридору, думал Андрей. – Крамник, сильнейший на сегодняшний день шахматист планеты, проиграл компьютеру целый матч – машина обставила его со счетом 4:2 в шести партиях. Впрочем, если бы Кирсан знал, что на самом деле играет не с искусственным интеллектом, а с той же программой Deep Fritz-10, которая разгромила Крамника, он бы, наверное, вел себя по-другому».

В этом, собственно, и заключалась маленькая хитрость Гумилева. Его целью было выиграть пари. И он нашел блестящий способ добиться своего. Конечно, с одной стороны замена исина профессиональной шахматной программой – не спортивный поступок, а с другой – заговор Чилингарова и Илюмжинова – это разве честно?

«Свиридов сказал, что у Кирсана разряд мастера спорта по шахматам. Думаю, «Дип Фриц» гарантированно «сделает» его к пятидесятому ходу», – решил Андрей, наблюдая за развитием партии. Пока противники сделали всего по три хода, тратя на каждый лишь несколько секунд. Потом, когда фигуры будут развернуты, скорость игры сильно замедлится из-за возросшего количества вариантов. Машина будет просчитывать все возможные комбинации и выбирать из них те, что ведут к победе. Человек постарается сделать то же самое, но ресурсов его мозга может не хватить, и тогда он положится на интуицию, а то и просто на удачу.

«Удача улыбается смелым», – вспомнил Андрей фразу из разговора со Свиридовым, случившегося уже после того, как они приехали в офис Гумилева.

Генерал вызвал его по закрытому каналу. Он явно был встревожен.

– Андрей Львович, насколько я в курсе – у вас Илюмжинов?

– Да, ваши информаторы, как всегда, точны.

– Простите, но что ему нужно?

– Он будет играть в шахматы с исином. Мы заключили пари. А что, есть какие-то проблемы?

– Андрей Львович, я бы посоветовал вам держаться подальше от этого человека.

– Объясните?

– Это долгая история. Он не так прост, как кажется.

– Это я и без вас знаю.

– Он хочет принять участие в экспедиции?

– Да.

– Откажите ему.

– Послушайте, генерал, – Андрея несколько рассердила безапелляционность Свиридова. – Поскольку этот вопрос не относится к сфере безопасности, позвольте мне решить его самостоятельно...

– Нет таких вопросов, которые не относились бы к сфере безопасности, – буркнул Свиридов.

– Вы меня утомляете.

– Он выиграет пари, Андрей Львович. Выиграет – и поедет в экспедицию. Я угадал? Именно это стоит на кону?

– Не волнуйтесь. На самом деле Илюмжинов будет играть не с исином, а с со специальной программой, которой проиграл сам Крамник, – засмеялся Гумилев. – Он никуда не поедет. Удача здесь не на его стороне.

– Жаль, что вы приняли решение о пари, не посоветовавшись со мной, – вздохнул Свиридов. – Кирсан Николаевич выиграет. И поедет. Он... хм... в общем, он – очень сильный шахматист. А удача улыбается смелым.

На это разговор завершился.

...Спустя час, когда Гумилев вернулся в конференц-зал, матч был в самом разгаре. Зрителей прибавилось, почти все стулья были заняты. Слышался сдержанный шепоток:

– Он начал с защиты Грюнфельда, а теперь, в миттельшпиле, борется за центр. Странная тактика.

– Да нет, вы ошиблись. Дебют был открытым, и далее белые все время атаковали. А теперь видите – кони на С3 и F3 держат пешки черных в центре под угрозой? Мне кажется, дело движется к развязке...

– Ну какая развязка! Партия еще не перешла в эндшпиль. Всего лишь сороковой ход...

«Сороковой? То есть...» – Андрей внимательно посмотрел на экран, пестревший фигурами, потом поискал глазами Илюмжинова. Тот сидел в небрежной позе у столика с шахматами, улыбался, перебрасываясь репликами с Ковалевым. Он совершенно не напоминал человека, напряженно раздумывающего над очередным ходом. Гумилев похолодел от неприятного предчувствия. Кажется, Свиридов был прав...

Окончательная правота генерала подтвердилась спустя полчаса. Дождавшись хода компьютера, Илюмжинов встал над доской, быстро передвинул ферзя в центр, звонким голосом объявил:

– Шах и мат!

И засмеялся, глядя на Гумилева.

Конференц-зал взорвался аплодисментами. Зрители ринулись поздравлять победителя. Ковалев протиснулся к Андрею.

– Ничего не понимаю... Он выиграл на пятьдесят девятом ходу у сильнейшей компьютерной программы, причем я ведь выставил максимальный уровень сложности! Честно говоря, я всегда думал, что он – почетный шахматист, ну, как бывают почетные академики. А он...

– А он нас сделал, Арсений, – жестко сказал Гумилев. – Пойду поздравлю. А тебе придется внести в список участников экспедиции Кирсана Николаевича Илюмжинова.

– Со свитой? – брезгливо дернул уголок Ковалев.

Андрей в ответ только пожал плечами.

– Вынужден признать: вы доказали, что человеческий мозг рано списывать на заслуженный отдых, – сказал он, пожимая руку Илюмжинову.

– А вы умеете проигрывать, Андрей Львович.

– Можно просто Андрей.

– Тогда и вы называйте меня просто Кирсан. И давай на ты, а?

– Хорошо.

«Надо было все же попробовать с искусственным интеллектом, – запоздало укорил себя Гумилев, но тут же отказался от этой мысли. – Исин – это же не просто программа, а полноценный разум, пусть и электронный. Ему нужно учиться играть в шахматы. Против этого улыбчивого калмыка у него не было шансов. Интересно, почему у меня такое чувство, будто я стал участником какого-то розыгрыша? Неужели Илюмжинов смошенничал? Но как? В чем фокус? Свиридов, как обычно, оказался прав: с этим человеком нужно быть очень осторожным. Черт, у нас не экспедиция, а какой-то серпентарий единомышленников подбирается...»

...Илюмжинов уехал из офиса за несколько минут до полуночи, согласовав все нюансы и организационные вопросы, связанные с экспедицией. Гумилева приятно удивило, что он собирается в Арктику один.

– А охрана?

– Пусть сидят дома, бездельники, – рассмеялся Кирсан. – По закону я не имею права ходить, а тем более ездить куда-либо в одиночку. Но в нашей экспедиции ведь есть целый генерал ФСБ с помощниками, так что все формальности будут соблюдены.

«В нашей экспедиции, надо же, – усмехнулся Андрей, усаживаясь за стол и беря в руки пульт телевизора. – Как быстро произошло это обобществление...»

Он нажал кнопку. На экране замелькала реклама, потом начался выпуск новостей. Оказалось, что неприятности этого дня еще не закончились. Голос диктора заставил Гумилева стиснуть зубы:

– Пассажирский самолет потерпел в среду катастрофу в Иране. Все сто шестьдесят восемь человек, находившиеся на борту, погибли. Самолет совершал рейс Тегеран – Ереван, он разбился на северо-западе Ирана, в провинции Казвин. Самолет Ту-154 принадлежал иранской авиакомпании Caspian Airlines.

Андрей набрал Ковалева.

– Ты уже знаешь?

– Да.

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ

Жертва духам моря

Катастрофа третьего самолета убедила авиакомпания в правоте Гумилева. Блоки искусственного интеллекта были демонтированы со всех самолетов. Но сто шестьдесят восемь пассажиров разбившегося в Иране Ту-154 об этом уже никогда не узнают. Их гибель можно было предотвратить, и Андрей винил в первую очередь себя в том, что не сумел уговорить, убедить авиаперевозчиков снять системы раньше.

В числе других участников экспедиции он вылетел в Мурманск в подавленном настроении. В салоне лайнера его впервые в жизни охватил страх полета. Андрей представил себе, что случилось бы, если бы он оказался в самолете, оснащенном искусственным интеллектом...

Пассажиры ни о чем не догадываются, уверенные в надежности современной техники. Сидя в уютных креслах, они занимаются своими делами – читают, беседуют, наблюдают через иллюминаторы за величественными облачными замками, проплывающими под серебристым крылом. Кто-то спит, укрывшись теплым пледом, кто-то слушает музыку.

Так или примерно так все было и в тех, разбившихся самолетах. А потом...

Воображение немедленно нарисовало картину катастрофы. Вот ровный гул турбин сменяется пронзительным воем. Пол уходит из под ног – лайнер проваливается в воздушную яму, кренится, закладывая вираж. Зажигается табло: «Не курить, пристегнуть ремни». По салону бежит стюардесса. Она изо всех сил старается сохранить спокойное, приветливое выражение лица, но ей это плохо удастся. Тем не менее девушка делает свою работу: успокаивает пассажиров, помогает разобраться с крепежами ремней. И постоянно повторяет:

– Все в порядке, ничего страшного. Самолет попал в зону повышенной турбулентности. У нас очень опытные пилоты, скоро все придет в норму...

«Бедная, – подумал Андрей. – Она будет твердить эти заученные фразы даже за секунды до гибели. В этом есть какой-то особенный, жертвенный героизм – перед лицом неминуемой смерти улыбаться и ободрять других. Пилоты в кабине самолета владеют всей информацией и до последнего борются, пытаются спасти машину и людей. А стюардессы в это время исполняют обязанности медика, спасателя, психолога, няни – и даже не могут узнать, сколько минут или секунд им осталось. Хрупкие девушки в безупречной униформе, единственные из всех летящих встречающие смерть стоя... Они заслужили памятник. Памятник стюардессам. Его нужно возвести посреди ромашкового поля. По трапу самолета спускаются улыбающиеся девушки в пилотках. Спускаются живыми...»

Судорожно сжав подлокотники кресла, Андрей скосил глаза на Марусю. Девочка восторженно подпрыгивала на коленях Марго, тыча маленьким пальчиком в стекло иллюминатора. Воздушная стихия всегда приводила Марусю в восторг. Для нее полеты были увлекательным аттракционом, праздником. И, глядя на дочь, слушая ее щебечущий голосок, Гумилев понял: нет, гибель людей не была напрасной. Увы, но прогресса без жертв не бывает. Это жестокая правда жизни – за все надо платить.

«Пройдет какое-то время, и мой доработанный, модернизированный искусственный интеллект появится на всех самолетах. Он станет надежным и безотказным, станет гарантией безопасности полета. Три погибших лайнера – залог того, что в будущем таких катастроф больше не будет. Человечество еще скажет нам спасибо».

Аэропорт в Мурмашах встретил экспедицию неприветливо. Несмотря на то что полярный день еще не закончился и солнце висело над горизонтом, было довольно сумрачно. Плотные облака сорили мелким дождем. Над низким серым зданием пассажирского терминала плыли огромные синие буквы «Город-герой

Мурманск». До самого Мурманска отсюда нужно было ехать порядка тридцати километров.

Встреча прошла по деловому, без помпы. По распоряжению Гумилева все журналисты, аккредитованные для освещения старта экспедиции, ждали их в порту. Прилетевшие участники похода к Северному полюсу заняли места в автомобилях, и кортеж двинулся вдоль берега впадающей в Кольский залив реки Туломы.

Маруся задремала, свернувшись калачиком на коленях Андрея: девочку не впечатлили унылые сопки за окном машины. Марго, утомленная полетом и непоседливостью своей подопечной, воспользовалась моментом и тоже закрыла глаза, опустив голову на плечо Гумилева.

Но, когда они въехали в город, он разбудил своих спутниц, чтобы показать им удивительное явление природы. Над домами висело необыкновенное перламутровое облако, играющее всеми цветами радуги. Казалось, будто какой-то исполин-художник смешал краски, взял гигантскую кисть и мазнул ею по серому холсту небес. Разноцветные отблески отражались в лужах, стеклах домов, и весь Мурманск наполнился цветом, заиграл, словно картинка в калейдоскопе.

– Папа, папа, а что это? – спросила спросонья Маруся.

– Северное сияние, наверно? – предположила Марго. Андрей не успел ответить – водитель повернул к пассажирам веселое лицо и сказал:

– Это радужное облако. Добрый знак. А что, у вас в Москве таких не бывает?

Гумилев пожал плечами.

– Может, и бывают, – сухо произнес он, – вот только наблюдать за небом у меня нет времени...

Мурманск – единственный в России незамерзающий северный порт. Здесь заканчивает свой бег Гольфстрим, доставляющий в Арктику теплые воды тропических морей. Здесь базируется ледокольный флот страны, самый мощный в мире.

Красавица «Россия» поразила Андрея – и размерами, и сюрреалистической окраской, и исходящим от корабля ощущением спокойной силы. Черный корпус ледокола высился над пирсом, слов-

но многоэтажный дом. А еще выше вздымалась огненно-красная громада надстройки, увенчанная многочисленными антеннами и радарными.

«Россия» была воплощением прогресса. В судне соединилось все, что знало и умело человечество. Атомная силовая установка, прочнейший корпус, современные системы навигации, комфортные условия для экипажа и пассажиров. Андрей, конечно, знал обо всех характеристиках ледокола, но одно дело – знать, и совсем другое – увидеть своими глазами.

Гумилев буквально влюбился в «Россию», причем это была любовь с первого взгляда.

На пирсе шумела пестрая толпа журналистов. Здесь были представители не менее двух десятков телекомпаний и около сотни корреспондентов прочих средств массовой информации со всего мира. То и дело сверкали вспышки камер, над головами собравшихся маячили на тонких стойках мохнатые микрофоны. Чуть в стороне белели тарелки спутниковых антенн: многие компании собирались в прямом эфире рассказывать о старте экспедиции.

Вообще же тема покорения Арктики миллиардером Гумилевым не сходила со страниц газет, экранов телевизоров и мониторов компьютеров уже несколько месяцев. По большей части это были слухи и домыслы так называемых экспертов.

«Гумилев собирается создавать среди арктических льдов острова, на которых русские разместят свои военные базы», – предостерегали одни любители конспирологии.

«Опоздавший к разделу нефтегазового пирога молодой олигарх стремится наверстать упущенное, и его загадочная терраформирующая станция вопреки международным договоренностям будет проводить геологическую разведку арктического шельфа с целью обнаружения месторождений углеводородного сырья», – провоцировали другие.

«Прикрываясь риторикой о развитии высоких технологий и инновационных проектов, российский олигарх Андрей Гумилев рвется к власти над Арктикой, – захлебывались от злобы третьи. – Он при полном попустительстве российских властей и бизнес-сообщества строит свою Ледяную империю, первое в истории

корпоративное государство, угрожающее всему миру. Доказательством поддержки Гумилева со стороны истеблишмента служит участие в его так называемой экспедиции, на деле являющейся завоевательным походом, высших чиновников Российского правительства и таких видных фигур сырьевой олигархии, как Борис Беленин. Куда смотрит Европарламент? Почему бездействует Совет Безопасности ООН?»

На самом деле Беленина в экспедицию пригласил Чилингаров. В Арктике действительно имелись уже разведанные месторождения нефти и газа. Беленин проявил к ним интерес, а жадные до сенсаций журналисты тут же раздули этот факт, решив, что Гумилев и Беленин вступили в сговор с целью монополизировать природные богатства региона.

Терраформирующая станция «Земля-2», интригующая журналистов, должна была начать свою работу уже в Арктике, среди льдов. Сейчас она находилась во вместительном трюме ледокола. Никто из пишущей братии ее никогда не видел, но Андрей неоднократно встречал в Сети различные варианты изображения станции, по большей части являющиеся плодом фантазии тех самых «экспертов».

Отплытие было назначено на два часа дня. В полдень, когда все участники экспедиции собрались на пирсе, состоялась пресс-конференция, утомившая Андрея однообразием задаваемых вопросов. Журналистов интересовали истинные цели и задачи «Нового ледяного похода», как окрестили они экспедицию. Когда принимавшие участие в брифинге вожди этого самого похода буквально охрипли, пытаясь объяснить терзавшим их интервьюерам, что экспедиция сугубо научная, к микрофонам вышел Чилингаров.

Посмеиваясь в седую бороду, он сообщил, что хочет сделать заявление для СМИ, и попросил тишины.

Объективы всех камер немедленно нацелились на полярника.

– Не надо искать черную кошку в темной комнате, – отчеканил Чилингаров. – Ее там нет! До свидания!

И подал знак дирижеру военного оркестра Северного флота, выстроившемуся поодаль. Оркестр грянул «Прощание славянки».

Андрей последним поднялся на борт «России», помахал рукой толпящимся внизу людям.

Низкий, протяжный гудок поплыл над Мурманском. Ледокол попрощался с Большой землей. Остающиеся в порту суда загудели в ответ, и эти тревожащие сердце звуки покрыли и гомон журналистов, и пение начищенных до блеска труб оркестра.

Из акватории порта «Россию» «на усах» выводили два мощных буксира. Андрей, стоя на носу ледокола, смотрел на толстые стальные тросы, пропущенные через якорные клюзы и закрепленные на кормах буксиров. Тросы звенели, точно струны. Темная вода пенилась у бортов. Над головой кричали чайки. Плавание началось...

Телефон издал короткий сигнал, оповещая, что поступил вызов по закрытой линии. Андрей знал, кто может позвонить ему в такой момент.

– Да, Гумилев слушает.

– Андрей Львович? – уточнил референт бесцветным голосом. – С вами будет говорить председатель Правительства Российской Федерации.

– Да. Здравствуйте, Владимир Владимирович, – сказал Гумилев. Последний раз он разговаривал с Путиным год назад.

– Андрей Львович, я желаю вам удачи и успехов. Уверен, результаты экспедиции укрепят позиции России в Арктике и в мире. Для нас сейчас это очень важно.

– Я понимаю это, Владимир Владимирович, – Андрей кивнул, хотя собеседник его не видел. – Постараемся сделать все возможное и даже сверх того.

– Вот и отлично, – Гумилеву показалось, что голос Путина потеплел. – Я в вас верю. Счастливого пути и скорейшего возвращения!

– Спасибо, Владимир Владимирович!

Выведя ледокол в воды Кольского залива, буксиры отцепили «усы», дали по три коротких гудка и отвалили в стороны. «России» предстояло семидесятипятикилометровое плавание по извилистому заливу, больше напоминающему фьорд. Мимо проплывали

коричневые скалы и зеленеющие сопки, поросшие редкими деревьями. Это были самые северные леса в стране. Далее начиналась тундра, а затем – свинцовые воды Баренцева моря и вечные льды.

Когда по правому борту показался Североморск, где базировались атомные подводные лодки, Андрей покинул палубу и отправился в каюту к своим спутницам. Их разместили рядом с двухкомнатными апартаментами Гумилева.

Маруся, убаюканная мерным гулом силовой установки ледокола, спала. Марго заботливо укрыла девочку одеялом, подоткнула его так, чтобы ее воспитанница во сне не упала с кровати.

Гумилев застал девушку за раскладыванием вещей.

– Ну, как впечатления? – шепотом спросил он.

В ответ Марго показала большой палец – во!

– Я никогда не думала, что бывают такие огромные корабли. Это же целый плавающий город!

– Ну, справедливости ради надо сказать, что есть суда гораздо больше этого. Но я согласен – впечатляюще, – Андрей присел на прикрепленный к полу каюты диван. – Представляешь, два атомных реактора, которые движут ледокол, способны обеспечить электричеством город с населением в десятки тысяч человек! Через двухметровый лед «Россия» может идти со скоростью двадцать километров в час!

– Я тоже читала рекламный проспект, – тихонько засмеялась Марго. – Больше всего мне понравилось, что тут созданы все удобства для экипажа и пассажиров: бассейн, сауна, кинозал на сто человек, тренажерный зал, бар, ресторан, библиотека и даже волейбольная площадка. Бассейн и сауна – это здорово!

– Скоро мы покинем Кольский залив. Не хочешь полюбоваться морскими пейзажами? – спросил Андрей.

– Конечно. Ты иди, я тебя догоню, только настрою радионяню, чтобы слышать Марусю.

Гумилев снова вышел на палубу. Стало заметно прохладнее, усилился ветер. Слева, у подножья сопки, возникли горбатые портовые краны. Андрею не нужно было сверяться с картой, он и так помнил, что здесь расположен порт Полярный. От него до выхода из залива оставалось менее получаса хода.

Сжав руками холодные поручни, Андрей ощутил биение пульса ледокола. Огромный корабль представился ему живым существом со слаженно работающими органами-механизмами. Энергия, рожденная атомным сердцем исполина и способная испепелить все живое вокруг, послушно текла по стальным жилам к турбинам, вращая огромные гребные винты, давала жизнь сотням приборов, согревала жилые каюты, обеспечивала связь и навигацию. Андрею вдруг показалось, что толика этой энергии передалась и ему, взбодрила, отогнала тяжелые мысли.

«Арктика лечит тело и душу», – вспомнил он слова Чилингарова. Полярник оказался прав. Андрей был почти счастлив. Почти – потому что полностью счастливыми могут чувствовать себя только дети...

Марго задерживалась. «Россия» покинула фьорд и взрезала носом океанскую волну. Волнение было несильным, но Андрей ощутил, как палуба под ногами то едва заметно проваливается, то, наоборот, давит снизу. «Интересно, а что будет, если мы попадем в шторм, – подумал он. – Морскую болезнь, несмотря на двадцать первый век, никто не отменял. Хорошо, что мы запаслись авиамарином».

Причина задержки Марго выяснилась через несколько минут: девушка появилась на палубе вместе с Марусей, одетой в пушистый желтый комбинезончик.

– Представляешь – ни с того ни с сего проснулась, – пожаловалась Марго Гумилеву. – Я попыталась снова ее уложить, а она ни в какую. Хочу, говорит, на море смотреть.

– Ну, пусть смотрит. Вечером пораньше ляжет, – великодушно разрешил Андрей и присел на корточки рядом с дочерью. – Ну что, Муся, нравится тебе плыть на кораблике?

– Нравится, – убежденно кивнула девочка. – Только «плыть» – так салаги говорят.

– Кто-о?! – не понял Андрей.

– Я кино видела. Там один дядя сказал другому дяде: «Салага, моряки не плавают. Они ходят!» – с самым серьезным видом заявила Маруся.

Марго расхохоталась в голос, Андрей смущенно улыбнулся. Иногда дочь ставила его в тупик. Пробормотав: «Тебе надо поменьше смотреть телевизор», – он выпрямился, потрепал девочку по плечу.

Вокруг лежала необозримая водная гладь. Облака расплзлись, и в голубом небе ярко сияло высокое солнце. Море слепило глаза отраженным солнечным золотом. Марго достала очки с затемненными стеклами, но надеть их не успела: на палубе появились Илюмжинов и Степан Бунин.

– Красота-то какая! – широко раскинул руки Бунин. – А какая мощь! Стихия!

Заметив Марго, он тут же переключил свое внимание на девушку:

– Здравствуйте, сударыня. Вы, как я понимаю, няня Марусеньки?

Не дожидаясь ответа, он шутовски поклонился, мягко взял руку Марго, поцеловал, поднял глаза – и вздрогнул.

– Гетерохромия радужки? Или... – непонятно пробормотал Бунин, застыв в согнутом положении. Он довольно бесцеремонно разглядывал лицо девушки, пытаясь рассмотреть его получше, потом перевел растерянный взгляд на Гумилева.

Его реакция не укрылась от Илюмжинова. Кирсан подошел ближе.

– Какие у вас интересные глаза, – весело улыбаясь, сказал он Марго.

– Это у меня от рождения, – равнодушно произнесла та, надела наконец темные очки и поспешила к Марусе, которая пыталась встать ножками на нижний поручень перил. – Осторожно, тут высоко! Ты не замерзла? Пойдем-ка в каюту, малышка, а то такой ветер...

Они ушли.

– Господа, вы смутили девушку, – укорил мужчин Гумилев, глядя вслед Марго и Марусе. – Подумаешь – человек с разноцветными глазами.

– Такие глаза были у Воланда, – улыбка сбежала с лица Илюмжинова. – И Булгаков был прав – есть в них что-то... дьявольское.

– Ты преувеличиваешь, – твердо сказал Андрей. – И потом, насколько я помню, у Воланда один глаз был с золотой искоркой, а другой – пустой и черный.

– У тебя отличная память, Андрей, – засмеялся Илюмжинов. – Кстати, мы искали тебя, чтобы пригласить в библиотеку. Артур Николаевич собирает руководителей экспедиции. Он хочет обсудить кое-какие вопросы.

– Хорошо, идемте.

Президент Калмыкии уверенным шагом человека, уже изучившего весь ледокол, пошел вперед. Бунин и Гумилев следовали за ним.

– Андрей, ты давно знаешь эту девушку? – осторожно спросил Степан.

– Марго? Полгода, может быть, больше... не помню.

– А что случилось с прежней няней?

Гумилев остановился, повернулся к Бунину. Станный разговор начал раздражать его.

– Она заболела. Степан, тебе не кажется, что это напоминает допрос?

– Не кипятись! Маргариту тебе посоветовали в агентстве?

– Тьфу ты! – раздражение перешло в злость. – Нет, мы познакомились случайно. Тебе-то что?

– Да нет, ничего. Просто стало любопытно, – Бунин отвернулся, сменил тему. – Пошли быстрее, а то без Кирсана Николаевича мы тут заблудимся.

Андрей вздохнул с облегчением. Он, конечно, мог попросту послать Бунина ко всем чертям, но ему не хотелось, чтобы Степан заметил, что между ним и Марго есть нечто, выходящее за рамки обычных отношений между отцом ребенка и его няней.

В библиотеке ледокола было многолюдно. Гумилев увидел здесь не только руководителей исследовательских групп, но и рядовых участников экспедиции. Он узнал Чена, с которым общался через Сеть, японских гляциологов, геологов из свиты Беленина. Арсений Ковалев что-то рассказывал писателю Журавлеву-Синицыну, а спутница литератора, глуповато открыв рот, замороженно смотрела на огромного сушеного краба, украшавшего стену библиотеки.

Несколько человек оказались незнакомы Андрею. Чилингаров, поспешив ему навстречу, подвел Гумилева к высокой, стройной

женщине тридцати пяти лет, облаченной в строгую черную форму офицера военно-морского флота.

– Андрей Львович, познакомьтесь – кавторанг Надежда Алферова, она будет капитаном «Земли-2» и поведет станцию через торосы и ледяные поля.

– Очень приятно, – улыбнулся Гумилев, пожимая сильную руку женщины. Алферова ему понравилась – спокойная, с миловидным, улыбчивым лицом, на котором лучились глубокие фиалковые глаза. Несмотря на внешнюю мягкость, сразу чувствовалось, что этот человек способен на многое. «Конечно, – подумал Андрей. – Чтобы дослужиться до своего звания, ей нужно было с самого начала, с военно-морского училища, быть не просто лучшей, а наголову превосходить всех сослуживцев-мужчин. Стереотипы ломать тяжело. Веками считалось, что флот – не место для женщин».

Вслух он произнес:

– Рад. Уверен, что мы сработаемся.

– Я в этом не сомневаюсь, – улыбнулась Алферова.

– Господа, минуточку внимания! – Чилингаров включил проекционную установку, взял в руку лазерную указку. На белом экране возникла карта Северного Ледовитого океана. – Маршрут нашей экспедиции, как вы знаете, лежит к архипелагу Земля Франца-Иосифа. Там мы покинем «Россию» и перейдем на борт терраформирующей станции. На ней нам предстоит достичь Северного полюса.

Красное пятнышко указки прочертило прямую линию от острова Грэм-Белл до точки, где сходились вместе все земные меридианы. По библиотеке вновь поплыл громкий голос Чилингарова:

– После того как наша станция выйдет на, говоря образным языком, макушку планеты, ей предстоит погрузиться подо льды. С этого момента начнется собственно исследовательский этап экспедиции. По плану мы займемся изучением ландшафта, возьмем пробы воды, грунта, пробурием несколько разведочных скважин.

– А эта станция... Она хорошо приспособлена для работы под водой? – спросил Журавлев-Синицын.

– Не хуже глубоководных батискафов типа «Мир». Предел автономного плавания под водой – четверо суток. Все системы станции имеют тройную защиту. В случае возникновения чрез-

вычайной ситуации станция может разделиться на два самостоятельных отсека, каждый из которых сохраняет все двигательные функции полномасштабного аппарата. Если я не удовлетворил ваше любопытство, здесь находится господин Ковалев, один из создателей этого чуда. Когда я закончу, можете поинтересоваться у него деталями устройства станции.

Чилингаров сделал паузу, глотнул минеральной воды и продолжил:

– Гляциологическая группа должна подготовить оборудование не позднее...

О деталях устройства станции Ковалеву пришлось рассказывать за обедом. Писатель твердо решил выяснить, безопасно ли находиться на борту удивительного аппарата, и буквально забросал Арсения вопросами. Его спутница, эффектная крашенная блондинка, в это время за соседним столиком с не меньшей энергией жаловалась Марго на тяготы арктического путешествия.

Андрей поневоле подслушивал их разговор – деться от щебета блондинки было просто некуда.

– Как ты думаешь, этот круиз не затянется? Я не могу провести здесь больше трех недель! – с трагичным видом сообщила Яна Марго.

– Не знаю, не должен затянуться. Но это же Арктика, мало ли что случится. А что у тебя в Москве? Дела?

– Да ты понимаешь, я перед отъездом волосы покрасила, красоту навела. Но через три недели корни уже сильно отрастут. Темная полоска будет заметна! Я же не смогу так ходить. Понимаешь? Хотя ты брюнетка, ты не поймешь. В общем, я никак не могу больше трех недель тут сидеть.

– Ну, в крайнем случае в шарфик завернешься. В этом сезоне как раз модно. Так что не пропадет твоя красота. Кстати, попробуй, очень вкусные пирожки, – Марго уже не знала, как заставить замолчать свою непрошеную подружку.

– Ты что, какие пирожки? А потом целлюлит выводить! Я тут, кстати, все разузнала. На корабле есть фитнес-центр и бассейн с соленой водой. Так что мне будет, чем себя занять. Пока Вовоч-

ка на мне не женится, надо сохранять товарный вид, – девушка кивнула в сторону Журавлева-Синицына, что-то оживленно рассказывающего Ковалеву. Судя по лицу Арсения, писатель был не менее надоедлив и болтлив, чем его подружка.

– Да, вы хорошая пара, – как Марго ни старалась, ей не удалось произнести эту фразу без сарказма.

– О, ты тоже заметила? На самом деле, если он на мне не женится, то в Москве у меня есть еще один. Тоже, между прочим, известный человек, певец, – Яна понизила голос и прошептала фамилию на ухо Марго. – Вот так-то! Только он скучный, с ним поговорить не о чем.

Марго, краем уха слушая этот щебет, старалась не упустить подробностей, излагаемых Ковалевым:

– В сущности, наша «Земля-2» – не полноценная терраформирующая станция, а лишь один из ее мобильных модулей. Подвижная научно-исследовательская лаборатория, если угодно.

– Модуль? – вскинул мутноватые глаза писатель, доставая из внутреннего кармана блокнот. – Я запишу. Значит, мы будем плыть на модуле.

– Не плыть, – мягко поправил его Арсений. – «Земля-2» может передвигаться по суше, воде, летать и погружаться на глубины свыше пяти километров. Этакий вездеплав, всюдуезд и где-угодно-лет. Ее многослойная оболочка состоит из композитных материалов, меняющих свои свойства в зависимости от окружающей среды.

– «От окружающей среды...» – как прилежный ученик вслух повторил Журавлев-Синицын, с огромной скоростью строча в блокноте.

– Созданная для работы на других планетах, станция может выдерживать высокие и низкие температуры, сильное ударное воздействие, полностью безопасная в радиационном плане. Собственный портативный атомный реактор обеспечивает автономность станции. За системой жизнеобеспечения следит искусственный интеллект. Он же контролирует связь, силовую установку и муверы – узлы, связанные с движением станции в различных средах. Люди могут полностью положиться на исин и спокойно заниматься научной работой.

– Но при чем тут термин «терраформирующая»? Насколько мне известно, это связано с изменением облика других планет по земному типу, да? – писатель, помаргивая, смотрел на Ковалева. За соседним столиком его муза заливисто хохотала над ею же и рассказанным анекдотом. Арсений вздохнул.

– Да, вы правильно понимаете. Я уже говорил, что наша «Земля-2» – лишь один из модулей. Прибыв, допустим, на Марс, несколько десятков таких модулей расходятся в разные стороны, проводят исследования, причем их исины постоянно обмениваются информацией. Затем выбирается наиболее благоприятное место, скажем, один из полюсов планеты. Модули собираются там и объединяются в терраформирующую систему, которая на основе результатов исследований начинает преобразовывать Марс – менять состав атмосферы, бурить скважины к залежам подземного льда, генерировать магнитное поле, насыщать почву биоактивными элементами – чтобы на планете в будущем могли яблони цвести.

– Яблони на Марсе – это очень удачный образ! – воодушевился писатель. – Можно, я его украду для своей книги?

– Все уже украдено до нас, – улыбнулся Ковалев. – Песне, в которой есть строчка «И на Марсе будут яблони цвести», лет сорок.

– Жаль, – опечалился было Журавлев-Синицын, но тут же вскинул лысоватую голову. – Да кто там помнит эти песни! Обязательно вставлю яблони в книгу!

Но не все участники экспедиции проводили обеденное время с пользой. Капитан «Земли-2» Надежда Алферова переживала не самые приятные минуты своей жизни, с тоской помешивая ложечкой в чайном стакане. Виной плохого настроения женщины был сидящий напротив Бунин. Ученый неожиданно вспылал к Надежде прямо-таки африканской страстью и буквально не давал ей проходу. Причем его навязчивые ухаживания напоминали экзерсисы озабоченного подростка: он суетился, краснел, глуповато хихикал, постоянно все ронял, проливал, начинал смущаться и от этого суется еще больше. Если Бунин говорил комплименты, то они были неуклюжи, если читал стихи, то какие-то пошловатые, а истории, рассказываемые им, чтобы позабавить Алферову, оказывались скуч-

ными и занудными, как лекции по теоретической механике.

Последней каплей, переполнившей чашу терпения Надежды, стала попытка Бунина экспромтом сделать ей поэтический комплимент:

– Как Арктика, вы неприступны, холодны,

Одеты вы в ледовые одежды.

Но ваше имя дарит мне надежду

Лед растопить в ближайшие же дни!

Алферова вспыхнула, решительно отставила пустой стакан.

– Вы несносны, господин Бунин!

Вдруг пол столовой ощутимо ушел вниз, потом корабль сильно качнуло. Со звоном разбилась упавшая с какого-то столика тарелка.

– Простите меня. Ой, что это?! – Бунин вскочил.

– Это шторм, – спокойно ответила Надежда. – Советую вам пойти в свою каюту и лечь. Мне нужно в трюм, проверить, хорошо ли закреплена станция. Всего вам доброго.

Она быстро вышла из столовой, не обращая внимания на испуганные возгласы. Шторм набирал силу. Ледокол бросало то вверх, то вниз; потоки ледяной воды неслись по палубе, разбиваясь о надстройки мириадами брызг. Видимость резко упала. За стеклами иллюминаторов повисла серая мгла, ветер на разные голоса завывал в антеннах. Капитан «России» по внутренней связи приказал всем пассажирам разойтись по каютам и ни в коем случае не пытаться выходить на палубу.

Штормовое предупреждение было получено еще накануне, но идущий со стороны Шпицбергена циклонический вихрь мог разминуться с ледоколом. Однако этого не произошло, и теперь огромный корабль разбивал носом серые пенистые валы, упрямо продвигаясь на север.

На людей навалилась морская болезнь. Марго страдала от качки сильнее других: девушку буквально выворачивало наизнанку, таблетки авиамарина не помогали.

– Андрюша, извини... Уйди, пожалуйста... Мне стыдно... – простонала она, зажимая рот рукой.

– Я сейчас вызову судового врача, – Гумилев взялся за трубку судового телефона. Врач пришел быстро. Он с первого взгляда понял, в чем дело.

– Один укол – и вы уснете крепким, здоровым сном, – отламывая тонкий кончик ампулы, сказал он девушке. – Это все из-за когнитивного диссонанса. Ваш мозг получает от разных органов чувств разную информацию. Глаза говорят ему, что пол, стены и все остальное находится на месте, а вестибулярный аппарат сигналит, что вы движетесь, причем разнонаправленно и с большой скоростью. Ну вот и все. Спите.

Убрав использованный шприц, он повернулся к Гумилеву:

– Андрей Львович, а как вы?

– Спасибо, обойдусь без уколов.

– Ну-ну...

Марго уснула на удивление быстро. Андрей укрыл ее пледом и пошел к себе. Марусю он сразу увел в свою каюту, чтобы не пугать девочку. С ней сидел приглашенный Гумилевым стюард и рассказывал Марусе сказку про морского царя и богатого гостя Садко. В отличие от взрослых, шторм не доставил девочке никаких неприятных ощущений, даже наоборот – при каждом взлете и падении ледокола она хохотала, приговаривая:

– Как на качельках, правда, папа?

– Правда, Муся.

Андрей испытывал дурноту, но вполне мог контролировать себя. В конце концов он просто не имел права показывать слабость при дочери. Отпустив стюарда, он прилег рядом с Марусей. Девочка прижалась к нему, начала что-то лепетать о русалках и осьминогах. Постепенно она успокоилась, а потом и вовсе уснула на отцовской кровати, улыбаясь во сне.

Тут дверь каюты распахнулась от сильного толчка. На пороге стоял Ковалев. Он буквально позеленел, глаза ввалились.

– Андрюша, у тебя виски есть?

– Тихо ты! Виски? Зачем?

– Я читал, что в старину моряки спасались от укачивания ромом и виски.

– Посмотри в шкафчике, там была дежурная бутылка «Балантайна». Только без фанатизма, кто его знает, чем это все закончится, – тихо, чтобы не разбудить дочь, ответил Гумилев.

Забрав виски, Ковалев ушел. Собравшись по примеру Маруси подремать, Андрей уже хотел было запереть дверь, но тут в нее осторожно постучали.

На пороге стоял Илюмжинов. Его, похоже, морская болезнь обошла стороной. По крайней мере выглядел калмык бодро и, по своему обыкновению, улыбался.

– Я знаю, как остановить шторм, – сказал он.

– То есть? – не понял Гумилев.

– Духам моря нужна жертва, – Илюмжинов перестал улыбаться.

«Нашел время шутить!» – нахмурился Андрей. Вслух он произнес:

– В сказке про Садко такой жертвой стал сам капитан корабля. Не понимаю, почему ты пришел ко мне.

– Мне нужен надежный напарник, – Кирсан подмигнул Гумилеву. – Дело в том, что жертвой будут... вот эти часы!

И калмык снял с руки изящные золотые часы на браслете.

– Тысяч семьдесят долларов, как я понимаю? – Андрей взвесил браслет, полюбовался игрой света на граненом стекле. Часы были хорошие.

– Сто, – ответил Илюмжинов. – Понимаешь, мне было видение: духи моря разгневались на нас за то, что мы без должного уважения вторглись в их владения да еще и собираемся потом спускаться на дно морское. Наши старики говорят: с духами шутить опасно. В общем, нужна жертва. Ты идешь?

Андрей вспомнил про старинный способ борьбы с морской болезнью и принялся.

– Ты пьяный, что ли?

– Я не бываю пьяный, – с достоинством ответил Кирсан. – У люка, ведущего на вертолетную палубу, никого нет, я проверил. Все мучаются по каютам. Писатель с подругой рыдают. Врач сбился с ног. Нам надо прекратить это дело. Мы быстро.

«Сумасшедший, – решил Гумилев. – Но одного его отпускать нельзя. Черт, чем дальше в лес...»

Он вышел из каюты и следом за Илюмжиновым пошел по коридору, упираясь руками в стены.

– Кирсан, а как ты собираешься проделать... все это?

– Очень просто. Мы откроем дверь в тот момент, когда нос корабля пойдет вверх. Она распахнется наружу под своей тяжестью. Ты упрешься ногами в порог, схватишь меня за пояс, я высунусь и брошу часы. Потом нос опустится, поднимется корма. Дверь захлопнется, а волны смоят часы с вертолетной площадки. Вот и все.

– А если мы вывалимся наружу?

– Тогда, без сомнения, погибнем. Колесо Сансары совершит очередной оборот, и вскоре мы родимся вновь, в другом месте и в другом облиции. Возможно, даже не людьми, а какими-нибудь животными. Ты бы кем хотел стать? Кроликом?

– Андреем Гумилевым.

– погоди, – Илюмжинов остановился, развернулся и посмотрел на Андрея своими коричневыми блестящими глазами. – Ты боишься смерти?

– Смерти не боятся только дураки, – твердо ответил Гумилев. – У меня маленькая дочь, которая останется совсем одна, да к тому же куча незавершенных проектов.

– Значит, тебе рано умирать, – рассмеялся Кирсан. – Все будет в порядке.

«Это даже не сумасшествие, – глядя в спину калмыка, решил Андрей. – Это такой особый способ жить и мыслить. Не зря, ох и не зря Свиридов предупреждал меня...»

Овальная стальная дверь оказалась заперта на специальные задрайки. По очереди отомкнув их, Илюмжинов дождался благоприятного момента и толкнул ее.

– Держи!

Андрей вцепился в ремень Кирсана. Дверь распахнулась. Коротко взвыл тревожный ревун, сигнализирующий, что кто-то нарушил герметичность корабля. Над головой замигала красная аварийная лампочка.

– Скорее! – крикнул Андрей. По ушам ударил свирепый рев разгневанной морской стихии. Пол накренился – ледокол взбирался на очередную водяную гору. Зеленая вертолетная палуба с белым посадочным кругом посередине глянцево сверкала внизу.

Взмах руки – и сто тысяч долларов, блеснув на прощание, улетели туда. Корабль выровнялся. Гумилев изо всех сил рванул калмыка к себе, и тут откуда-то сбоку на ледокол обрушилась гигантская волна. Потоки ледяной воды погребли под собой палубу, ударили в открытую дверь, сбив мужчин с ног. По счастью, своей массой вода захлопнула дверь, автоматический замок зафиксировал ее, ревун сирены смолк.

...Они сидели на полу в лужах воды, оглушенные, и хохотали, как мальчишки. Помощник капитана, прибежавший по тревожному сигналу вместе с аварийной командой, непонимающе переводил взгляд с мокрого миллиардера на мокрого главу российского региона – и обратно. Бывалый, опытный человек, он знал, что в жизни возможно всякое, и счел за благо не вмешиваться. По его приказу дверь задраили намертво. Потом матросы проводили Гумилева и Илюмжинова по каютам. На этом инцидент был исчерпан.

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ

Единорог

Правда ли духи моря приняли жертву, или просто на небесной кухне под плитой закончилось топливо, только шторм прекратился так же внезапно, как и начался. Буквально через полчаса после того, как мокрый Гумилев вернулся к себе в каюту, ветер стих и мгла на небе рассеялась. Конечно, волны еще качали ледакол, но их гребни уже не украшали пенные шапки. Жестокая болтанка прекратилась, и люди вздохнули с облегчением.

Когда палуба перестала раскачиваться, Андрей проведаль Марго, но девушка по-прежнему спала, разметавшись на кровати. Заботливо укрыв ее, он присоединился к веселой игре, затеянной Марусей, Илюмжиновым, Буниным, Чилингаровым и другими пассажирами «России». Пооткрывав двери кают, взрослые избражали медведей из сказки про волшебный колокольчик. Они повязали себе глаза шарфами, а девочка пряталась от них, изредка покрикивая тоненьким голосом:

– Динь-динь-динь!

Конечно, взрослые подыгрывали малышке. Они нелепо размахивали руками, стр-р-рашно рычали, сокрушенно сетовали на то, что никак не могут отыскать хитрую и осторожную Марусю. Чаще всего «медведи» натыкались друг на друга, причем Бунин даже с завязанными глазами умудрялся постоянно ловить Надежду Алферову и заключать ее в объятия. Маруся, громко топая крепкими ножками, носилась по коридору и каютам среди неуклюжих дяденек и тетенок, заливисто хохоча от восторга.

Так прошел остаток дня и наступил вечер. Впрочем, в этих широтах никакого вечера не наблюдалось и в помине. Солнце оранжевым апельсином висело над далеким горизонтом, по высокому небу летели рваные клочья облаков.

К ужину проснулась Марго. Она была бледной, но чувствовала себя вполне сносно. С аппетитом умяв овощное рагу и выпив два стакана морса, девушка предложила Марусе выйти на верхнюю палубу подышать свежим воздухом. Многие из сидевших за столиками поддержали идею Марго и поспешили в свои каюты, чтобы одеться потеплее. Андрей решил «не отставать от коллектива», но на выходе из столовой его перехватил Илюмжинов и попросил «на два слова».

После истории с жертвой духам моря Гумилев почувствовал симпатию к калмыку и не смог отказать.

– Идите, я вас догоню! – крикнул он Марго и следом за Кирсаном отправился в его каюту.

Илюмжинов выглядел озабоченным.

– Андрей, – сказал он, усадив гостя в кресло. – Случилась неприятность. У меня пропала одна весьма ценная вещь.

– Да нет, Кирсан, – успокоил его Гумилев, посмеиваясь. – Она не пропала. Ты сам выкинул ее за борт. Это была жертва духам моря. Но неприятность у тебя действительно случилась. И она называется – провалы в памяти.

Довольный шуткой, Андрей расхохотался. Илюмжинов в ответ вяло улыбнулся.

– Понимаешь, это действительно очень ценная для меня вещь. Памятная. Единственная в своем роде.

– Да что за вещь-то? – не выдержал Андрей. Он понял, что дело и впрямь серьезное. Таким расстроенным на его памяти Илюмжинов еще никогда не был.

– Фигурка из серебристого металла. Единорог.

– Из серебра?

– Нет, просто какой-то сплав. Ценность единорога не в металле. Его... его подарил мне Иоанн Павел Второй.

Андрей удивленно поднял брови.

– Папа Римский Иоанн Павел Второй.

Андрей присвистнул от удивления.

– И где она лежала?

– Вот здесь, на столе, в шкатулке, – Илюмжинов показал на изящный ларчик из темного полированного дерева. Гумилев встал, открыл крышку. Шкатулка была пуста.

– Слушай, Кирсан, так, давай я сейчас вызову Свиридова. Это его прямая обязанность – обеспечивать безопасность участников экспедиции и их имущества.

– Свиридов... – калмык замялся. – Андрей мне бы не хотелось, чтобы эта история получила огласку. Понимаешь, кража у гражданина Илюмжинова – это одно, а кража у главы Республики Калмыкия – совсем другое. В тайне такое сохранить точно не получится.

– Ну хорошо, а что ты тогда предлагаешь? Искать пропажу своими силами?

– Не пропажу, а вора, – уверенно сказал Илюмжинов.

– Но почему ты уверен, что этого твоего единорога обязательно украли?

– Уверен – и все. Кстати, я не помню – когда мы играли в жмурки, твоя разноглазая няня была с нами?

– У тебя точно провалы в памяти, – нахмурился Андрей. – Ты подозреваешь Марго? С чего бы это?

– Была она или нет?

– Да нет, спала в каюте, ее сильно укачало. Кирсан, что-то ты темнишь! По-моему, на тебя качка тоже подействовала, только не так, как на остальных. Пойдем-ка с нами на палубу, проветришься.

– Может быть, может быть... – уныло пробормотал калмык. – И все же, Андрей, ты мне поможешь?

– Как ты себе это представляешь? Два частных детектива расследуют кражу века? Приключения Шерлока Илюмжинова и Андрея Ватсона на борту атомного ледокола «Россия»? Пойми, нам не обойтись без Свиридова! В конце концов, каждым делом должны заниматься профи! Да и кому нужна эта фигурка? Скорее всего, она просто завалилась куда-то или ты положил ее где-нибудь и забыл...

– Андрей, я не мог забыть эту вещь или положить ее, как ты выразился, «где-нибудь», – отрезал Илюмжинов. – Но в одном ты прав – проветриться действительно надо...

На верхней палубе собралось довольно много народу. «Россия» подходила к границе паковых льдов и в самое ближайшее время должна была продемонстрировать свои ледокольные качества.

Пропустить это захватывающее зрелище никто не хотел.

На ослепительно сияющей под лучами солнца морской глади уже появились первые льдины. Они казались кусками сахара, разбросанными по темно-зеленому бархату.

Андрей издали заметил в толпе на палубе желтый пушистый комбинезончик Маруси. Девочка, ставшая всеобщей любимицей, кочевала с рук на руки. Оказалось, что у самого борта в воде кувыркаются киты-белухи. Их громкие протяжные крики летели над океаном, заглушая шум винтов атомохода.

– Папа, папа, ты видел? Там белые дельфины со лбами! – восторженно сообщила Гумилеву девочка, едва он оказался рядом.

– Нет, Марусенька, это не дельфины, – менторским тоном поправил девочку Бунин. – Белухи родственны нарвалам, которых называют морскими единорогами. Белухи достигают шести метров в длину и веса в две тонны. Очень интересен голосовой аппарат белух...

– Кстати, про единорогов, – бесцеремонно прервал лекцию Бунина Илюмжинов. Плечом оттерев ученого, он заглянул девочке в лицо. – Марусенька, а тебе случайно не попадалась фигурка единорога? Красивая такая, серебряная?

Бунин фыркнул, недовольный таким бесцеремонным поведением калмыка, но тут на палубе появилась Алферова, и ученый поспешил к ней.

Гумилева интересовал совсем другой вопрос.

– Почему ты в этом? – спросил он, с удивлением заметив на лице дочери темные солнцезащитные очки.

В разговор вмешалась Марго:

– Маруся за ужином пожаловалась, что у нее глазки болят, чешутся. Я решила дать ей свои очки, чтобы полярное солнце не раздражало их.

– Папа, я похожа на Терминатора! – гордо заявила девочка.

– Это кто тебе такое сказал? – притворно нахмурился Гумилев, еле сдерживая смех.

– Дядя Арсений!

– Ох и дождется у меня этот дядя Арсений! Но глаза твои я должен посмотреть. Вдруг что-то серьезное...

С этими словами Андрей аккуратно снял с Маруси очки – и замер, пораженный. Один глаз дочери был ярко-синего, другой – изумрудно-зеленого цвета.

– Это что?... Что это такое... – беспомощно посмотрел на Марго Андрей. – Ты видела, что у Маруси с глазками? Или эта твоя гетерохромия заразна?

– Ну-ка, ну-ка... – Илюмжинов посмотрел в лицо девочке, и впервые с того момента, как он сообщил Гумилеву о пропаже фигурки, на его лице зажглась привычная белозубая улыбка. – Ах вот это кто у нас... Хм... Ну, слава Будде Шакьямуни и тринадцати божествам Ямантаки!

– Кирсан, что происходит? – повернул к калмыку удивленное лицо Андрей. – Ты что-то знаешь?

– Теперь – все! – улыбка Илюмжинова стала такой широкой, что, казалось, затмила ярко сверкающий лед, вставший на пути «России». – Маруся, девочка моя... Хочешь... М-м-м... О! Давай меняться?

– Меня-я-ться? – удивленно протянула девочка. – Давай!

– Я подарю тебе вон ту белуху, самую большую, а ты дашь дяде Кирсану серебряную лошадку. Договорились?

– Лошадку? Рогатую? – переспросила Маруся.

– Ага. Ну, ты согласна?

– И белуха поедет со мной в Москву?

– Конечно.

– Ой, но я обещала лошадку дяде Степе...

– А дядя Степа разве может подарить тебе белуху?

– Ну ладно...

Илюмжинов отскочил в сторону и закричал:

– Коля! Лебедев! Иди сюда.

Штатный оператор экспедиции Николай, крепкий парень в красной полярной куртке, в этот момент снимал арктические виды. Сняв с плеча камеру, он подошел к Кирсану.

– Слушаю вас.

– Сними, пожалуйста, белух, Марусю и ее папу. Запиши ролик на диск и отдай мне.

– Да, но у меня по плану...

– Я очень хорошо заплачу.

Андрей ничего не понял, но каким-то шестым чувством ощутил, что единорог Илюмжинова связан с теми загадочными событиями, что случились в Сингапуре. Индус с разноцветными глазами, железный паук, попытка похитить Марусю, ящерка. А дальше была Москва, исчезновение Евы, поддельные сообщения из тайги. Покушение, предупреждение старушки-ведьмы о двуличной женщине с разноцветными глазами. Марго, забывшая надеть линзы...

Тряхнув головой, Гумилев отогнал наваждение, крепче прижал к себе девочку. Понаблюдав за тем, как оператор навел объектив на фыркающих белух и включил камеру, он с усмешкой сказал:

– Хитер ты, дядя Кирсан. Только вот что: никакого обмена не будет, если ты не расскажешь мне, что это за фигурка. Ясно тебе?

– Андрей, – Илюмжинов мягко взял Гумилева за рукав. – Древние говорили: во многих знаниях много печали.

– Я настаиваю!

– Ну, если настаиваешь... Хорошо. Только не сейчас, позже, без свидетелей.

– Обещаешь?

– Клянусь, – очень серьезно ответил Илюмжинов.

– Вот, готово, – оператор протянул ему диск.

– Держи, – обратился Кирсан к Марусе. Девочка вытащила из кармана фигурку, взяла диск, несколько мгновений как бы взвешивала в руках оба этих предмета, потом со вздохом отдала единорога. Андрей с облегчением увидел, как буквально на глазах ее радужки поменяли цвет на привычный.

– Папа, Марго, пойдемте посмотреть мою белуху на компьютере! – она потянула отца и няню за собой к трапу.

– Вечером я найду к тебе! – пообещал Андрей Илюмжинову, покидая палубу.

«Россия» вошла в сплошное ледовое поле за два часа до полуночи. Ход ледокола сразу изменился. Теперь могучее судно ощутимо подрагивало.

– Это хорошо, что сейчас лето и идти нам только до Франца-Иосифа, – объяснила за чаем Андрею и Марго Алферова. – Раньше летняя граница льдов была несколько южнее, а теперь она отодвинулась к самым островам. А вот севернее архипелага встречается уже матерый, многолетний лед. Там «Россию» затрясло бы как в лихорадке...

Вечернего разговора с Илюмжиновым у Андрея не получилось по весьма прозаической причине: ледокол подошел к острову Земля Вильчека, крупнейшему в архипелаге. Незаходящее арктическое солнце освещало дикие прибрежные скалы, зеленеющую тундру, ледники на далеких горах, выкрасив все в нежно-розовый цвет. Галечная отмель в километре от ледокола темнела от туш сивучей – гиганты облюбовали берег для своего лежбища. В воздухе стоял неумолчный птичий крик; кайры, моевки и белые чайки вились над утесами живым облаком.

Здесь, по утвержденному еще в Москве графику движения экспедиции, станция «Земля-2» должна была быть выгружена из чрева «России». Гумилев с капитанского мостика следил за процессом.

Огромные створы, закрывавшие трюм ледокола, разъехались в стороны, и гидравлические подъемники подняли наверх тридцатиметровую серебристую фасолину станции. Еще через несколько минут мощные лебедки опустили ее на воду, и «Земля-2» закачалась у борта «России». Экипаж во главе с Алферовой перешел на станцию и занялся тестированием основных систем и механизмов. На это отводилось три с половиной часа, после чего члены экспедиции должны были покинуть ледокол и занять каюты на «Земле-2». В четыре часа утра начинался второй этап похода к полюсу.

Несмотря на поздний час, никто не спал. Большинство участников экспедиции переправились на берег и, собравшись там под охраной матросов ледокола, вооруженных карабинами, наблюдали за помигивающей огнями станцией. Андрей присоединился к ним, когда «Земля-2», включив водометы, совершила пробное плавание вдоль береговой кромки.

Он застал коллег внимательно слушавшими Чилингарова. Полярник делился с неофитами арктическим опытом. Писатель Журавлев-Синицын неотступно следовал за ним, записывая все в блокнот.

– Этот остров получил свое название в 1873 году в честь австрийского банкира Ганса Вильчека, финансировавшего экспедицию. Среднемесячная температура июля составляет здесь плюс один градус по Цельсию, поэтому вы можете видеть на свободных от снега участках зеленые растения, как в обычной, материковой тундре. Но за весь год тут регистрируется всего восемнадцать дней с плюсовой температурой. В остальное время на острове царят морозы и дуют сильные ветра.

– Ой, медведики! Умка и его мама! – прервал лекцию восторженный голосок Маруси.

Люди завертели головами и вскоре заметили на склоне холма двух желто-белых полярных медведей.

– Никому не расходиться! – посерьезнел Чилингаров. Он дал знак боцману, руководившему матросами, быть наготове и обратился к Марусе: – Запомни, малышка – увидишь таких вот умок, кричи громко, беги быстро, желательно под защиту дядей с ружьями.

– А что, это так опасно? – хлопая накладными ресницами, спросила спутница Журавлева-Синицына.

– Девушка, полярный медведь – самый опасный зверь на свете. Крупнейший наземный хищник, человека он убивает одним ударом. Умный, свирепый, любопытный, он – настоящий бич зимовок и арктических станций. Не дай Бог никому встретиться с ним один на один во льдах... Все, господа, со станции сигналият – тестирование завершено, нам пора двигаться к месту погрузки.

«Земля-2» подошла к берегу, распугав сивучей, и, не сбавляя хода, выехала на галечник, толкая перед собой высокую вспененную волну. Гусеничные шасси, выдвинувшиеся на телескопических штангах из специальных пилонов, позволяли ей развивать скорость до сорока километров в час.

Народ, оживленно переговариваясь, потянулся к сияющей на солнце станции. Гумилев шагал позади остальных, поглядывая

на семенящую рядом с Марго Марусю, краем уха вслушивался в шуточные обещания Ковалева подарить девочке когда-нибудь «медведика Умку».

«Марусю напугал рассказ Чилингарова, и Арсений пытается как-то сгладить впечатление, – понял Гумилев. – Что ж, все правильно. А с другой стороны, и Артура Николаевича понять можно. Арктика не прощает ошибок. Зря, зря я притащил сюда девочек...»

К тревоге за Марусю и Марго добавились мысли о разноцветноглазых людях и призраках с голубыми прожилками на лицах. «Серебристые фигурки, исчезновение Евы... Все это как-то связано между собой! Я достаточно хорошо успел рассмотреть кирсановского единорога, чтобы понять: эта фигурка стоит в одном ряду с металлическим пауком из Сингапура. И еще эта ящерка, о которой говорила Маруся... Как там сказала старуха? У зверей из чудесного металла есть душа», – вспомнил Андрей слова старой колдуньи.

И тут он увидел Илюмжинова. Запакованный в дутую оранжевую куртку на гагачьем пуху, Кирсан брел чуть в стороне ото всех, задумчиво разглядывая какой-то камень.

– Ну, теперь ты не отвертишься, – пробормотал Гумилев и устремился к калмыку. Тот спокойно выслушал напоминание о клятве.

– Посмотри, Андрей, какая чудная штуковина.

В руки Гумилева лег осколок льда, внутри которого застыла, чуть изогнувшись, крохотная рыбка.

– Древние насекомые застывали в смоле, и спустя миллионы лет мы видим их внутри кусков янтаря. Интересно, а сохранились ли где-нибудь в вечной мерзлоте вмерзшие в лед древние люди?

Андрей вздрогнул. Древние люди напомнили ему о рыжем ушастом гоминиде и жутких морлоках, которых изучала Ева...

– Кирсан, не тяни резину. Я все равно от тебя не отстану!

– Я понимаю... – грустно улыбнулся Илюмжинов. – Хорошо, слушай: впервые я столкнулся с предметами семнадцать лет назад, когда решил участвовать в выборах главы республики. Ко мне пришли уважаемые люди моего народа и сказали: «Кирсан, мы

хотим поддержать тебя. Вот, возьми то, что принадлежало одному из наших великих предков, Далай-Батыру. Пусть эта фигурка поможет тебе».

– И отдали тебе предмет? – недоверчиво спросил Гумилев – Единорога?

– Нет, другой. Просто вручили и благословили. Не веришь?

– Как тебе сказать... Сомневаюсь. Уж очень это похоже на сказку – предки, батыры, уважаемые люди. Двадцать первый век на дворе, а это какое-то эпическое средневековье.

– Дальше будет еще эпичнее, – усмехнулся Илюмжинов. – Единорога-то я ведь и в самом деле получил из рук Римского Папы.

– Ты не сказал, что за фигурку тебе дали уважаемые люди и какими свойствами она обладала.

Илюмжинов некоторое время молчал, вертя в руках кусок льда со вмерзшей рыбой, потом с силой забросил его в воду.

– Может, оттает и оживет, как думаешь?

– Ты обещал мне рассказать все о предметах, – напомнил Гумилев.

– Старейшины дали мне крадущегося лиса. Он многие века помогал правителям калмыков проводить наш народ между западной Сциллой и восточной Харибдой, не просто выживать, но и процветать. С тех пор как наши предки переселились в семнадцатом веке в низовья Волги, мы всегда правильно выбирали друзей. Всегда – кроме одного случая, но я не хочу о нем вспоминать... Лис дарует его владельцу очень полезное качество – чувствовать хитрость и обман.

– Я так понимаю, что на выборах он тебе очень пригодился?

– Не то слово! Когда лис был со мной, я совсем по-другому воспринимал происходящее, замечал все уловки конкурентов, понимал, кто на самом деле мне друг, а кто – враг.

– А где сейчас этот лис?

– Многие предметы сильно влияют на своих владельцев, Андрей. Они наделяют человека сверхспособностями, но взамен забирают... я не знаю, как сказать... частичку души? В общем, быть предметником тяжело. Ну, и физиологические изменения происходят.

– Я это уже понял. Глаза меняют цвет. Но у тебя-то они нормальные!

Вместо ответа Илюмжинов снял перчатки, оттянул пальцами веко и осторожно сдвинул в сторону коричневую контактную линзу. На Андрея смотрел знакомый ярко-зеленый глаз. На смуглом, восточном лице калмыка он казался чужеродным, пугающим.

– Ясно. Это опасно? С Марусей ничего не случится?

– Нет. Единорог вообще довольно комфортный предмет. Другие...

– А их много? – перебил Гумилев.

– Сотни. Или даже тысячи.

– Откуда ты знаешь?

– Так мне сказал Иоанн Павел, когда я гостил у него в Ватикане. Это случилось через несколько лет, после того как я стал главой республики. Лис помогал мне, но я чувствовал, что вокруг меня создается какое-то конфликтное поле. Мои помощники ссорились, каждый тянул одеяло на себя. В общем, надо было что-то менять. Тут поступило приглашение от Римского Папы, и я поехал. Тогда я не носил линз, и он, едва увидел меня, сразу все понял.

– То есть в Ватикане знают о предметах?

– Да, у них в сокровищнице, как я понял, целая коллекция. Иоанн Павел предложил мне сыграть в шахматы. Мы сели в его кабинете, начали партию. Я неплохо играю, ты знаешь, но Папа оказался очень сильным противником и быстро меня одолел. За игрой он и спросил, что у меня за предмет. Я удивился, спросил: как он догадался? Тогда он рассказал мне, что церковь многие века занимается этими артефактами, как они их называют. Кто-то из иерархов католицизма считал их делом рук дьявола, другие, наоборот, творениями Бога, подаренными людям, чтобы облегчить их земное существование. Папа показал мне средневековый рукописный трактат, принадлежащий перу Блаженного Августина. Он называется «О владельцах артефактуса и Царстве Божьем». Из разговора с Папой я понял главное: все предметы разные, и если ты чувствуешь себя некомфортно, то лучше расстаться с предметом.

– И ты отдал лиса Иоанну Павлу?

– Когда я сказал Папе, что не хочу хранить лиса у себя, он пригласил меня в особое место в базилике святого Петра – хранилище этих предметов. Я остался при входе, а он с моим лисом прошел внутрь. Вернулся через пару минут, и сказал – раз ко мне пришел предмет, значит, я избранный. И он не хочет вмешиваться в ход судьбы. Поэтому дает мне вместо лиса другой предмет.

– Того самого единорога?

– Да. По словам Папы, существует множество разных предметов, дающих своим владельцам необычные способности. Одни наделяют владельца даром целительства, другие – перемещения в пространстве, третьи – управления стихиями... В общем, там много чего есть.

– Но почему глаза меняют цвет?

– Этого мне не объяснили. Но Папа посоветовал носить цветные линзы или темные очки, чтобы не вызывать лишних вопросов.

– А у кого еще есть такие предметы?

– Вроде бы у Джона Кеннеди был орел, обладающий даром убеждения. Но предмет пропал после убийства. А еще, судя по всему, Бунин тоже обладает предметом или просто знает об этой тайне.

– С чего ты взял? У него вроде глаза одного цвета.

– Ты помнишь, Маруся сказала, что именно Бунин подговорил ее взять единорога?

– Да, я так и не понял, почему ты сразу заподозрил мою дочку?

– Понимаешь, у этих предметов есть что-то вроде кодекса чести. К примеру, их нельзя украсть. Вернее, украсть можно, но фигурка перестанет тогда работать, станет мертвым куском металла. И оживет только, когда вернется к законному владельцу.

– И при чем тут Маруся?

– Дети изначально чисты и невинны, даже если они берут что-то чужое, то делают это не из корыстных побуждений. То есть это не считается воровством!

– Получается, если бы Бунин сам стащил у тебя единорога, тот потерял бы свои свойства, а если его взяла Маруся и потом отдала Бунину, то все сверхъестественные способности предмета сохранились?

– Правильно.

Андрей медленно наклонил голову в знак согласия, а в голове звучал голосок Маруси: «Ой, но я обещала лошадку дяде Степе...»

«Бунин использовал мою дочь, чтобы добыть единорога!» – похолодел Гумилев. Сама мысль о том, что кто-то может вот так запросто манипулировать Марусей, вызвала у него праведный отцовский гнев, но помимо этого, помимо злости на Бунина, родилось и четкое понимание: торопиться и карать нельзя. Степан Бунин – слишком неоднозначный человек, и к нему нужно приглядеться повнимательнее.

От Илюмжинова не укрылось, что Андрей погрузился в тяжелые размышления. Он попытался приободрить Гумилева:

– Жизнь многообразна. Она не бывает только черной или только белой. Не обязательно тот, кто кажется злодеем, таковым и является. Все зависит от точки зрения, от угла...

«Надо менять тему», – решил помрачневший Андрей и решительно перебил калмыка:

– Ты лучше расскажи, какие способности дает единорог. А то я волнуюсь за Марусю. Она, конечно, владела предметом недолго...

– Понимаю тебя, сам отец, – Илюмжинов вздохнул и тут же привычно сверкнул улыбкой. – В данном случае тебе беспокоиться не о чем. Единорог позволяет производить в уме любые вычислительные операции, запоминать любой объем информации. В общем, делает мозг подобным компьютеру.

Теперь уже пришла очередь Андрея смеяться.

– Так ты тоже смошенничал, когда играл в шахматы с моим искусственным интеллектом!

– Почему – «тоже»? – не понял Кирсан.

– Ну, я позволил себе маленькую хитрость. Ты играл не с исином, а с программой «Дип Фриц» десятой версии. Той, которая разгромила Крамника.

Они хохотали так, что на них начали оглядываться. Отсмеявшись, Илюмжинов сказал:

– Один – один. А ты, оказывается, опасный человек, Андрей.

– Да и тебе палец в рот не клади.

Так, неспешно беседуя, они вслед за шумной толпой участников экспедиции подошли к станции.

– Красавица, – кивнул на свое детище Андрей, но Илюмжинов истолковал его слова по-своему.

– Маргарита? Да, очень милая девушка. У тебя отличный вкус. А какой у нее предмет?

– Предмет? – удивился Гумилев. – Никакого. Просто глаза разного цвета.

– Думаю, Марго – предметница, просто ты не замечаешь за ней никаких особенных способностей. Ведь так? Покопайся в ее вещах, загляни под подушку – и обязательно найдешь серебристую фигурку. Найдешь – и можешь проконсультироваться со мной...

– Нет уж, я лучше просто поговорю с ней, – отрезал Андрей. – Рыться в чужом белье – уволь.

– Хозяин – барин, – пожал плечами Илюмжинов.

«Но прежде всего я возьму за жабры Бунина, – подумал Гумилев, следом за калмыком поднимаясь по трапу на борт «Земли-2».

ПРОДОЛЖЕНИЕ СЛЕДУЕТ...

ЕЛЕНА КОНДРАТЬЕВА

Родилась 13 июля 1980 года в Курске. В 16 лет пошла работать на радио и в местную газету, на которую были подписаны все учителя города. Благодаря этому окончила школу с золотой медалью. Позднее окончила филологический факультет Саратовского университета. Писала о политике для газеты «Коммерсантъ» и местных изданий. В 21 год стала главным редактором самой тиражной областной газеты — еженедельника «Друг для друга». Когда все надоело, уехала в Москву работать в PR-департаменте «Базового элемента» Олега Дерипаски. Стала автором сценария документального фильма «Война 08.08.08. Искусство предательства». Также пишет сценарии для криминального сериала «След» (получил ТЭФИ-2009 как лучший художественный телесериал года), выходящего на Первом канале. Постоянный автор интернет-изданий Дни.Ру, ВЗГЛЯД и телевидения Russia.ru.

13 ВОПРОСОВ О «МИЛЛИАРДЕРЕ»

1. Почему в конце «Миллиардера» опубликована глава первой «Маруси»?

Сериал «Этногенез» развивается нелинейно, разные серии посвящены разным временным отрезкам и разным героям. Неизменна лишь сквозная тема сериала - влияние на нашу жизнь магических артефактов, дарующих владельцам сверхъестественные способности. По большому счету знакомство с «Этногенезом» можно начинать с любой из серий.

Для тех, кто уже прочитал «Марусю» и «Марусю 2», «Миллиардер» станет флеш-бэком в прошлое уже знакомых героев. Они узнают, какой была Маруся в три года, что связывает Еву Гумилеву и Степана Бунина, и как Андрей Гумилев стал самым богатым человеком России. А для тех, кто прочтет сначала «Миллиардера», «Маруся» будет, соответственно, флеш-форвардом, возможностью заглянуть в будущее и узнать, кем станет маленькая дочка Гумилева в 2020 году, какие интересные и страшные события ждут ее в Нижнем Новгороде и в сибирской тайге, и на что она должна будет решиться, чтобы спасти мир.

2. Почему первая книга «Миллиардера» носит название «Ледовая ловушка»?

Во-первых, потому, что главного героя, Андрея Гумилева, на протяжении всей книги настойчиво и упорно заманивают в Арктику, в царство вечного льда. Заманивают по-разному: некоторые — открыто, другие — тайно. Но в любом случае у тех, кто добивался участия Гумилева в арктической экспедиции, были свои причины желать, чтобы он там оказался. Причины, о которых Гумилеву ничего не было известно.

Во-вторых, существует специальный термин «медовая ловушка», использующийся разведчиками и контрразведчиками всего мира. К человеку, выбранному на роль жертвы «медовой ловушки», осторожно подводят привлекательную женщину, которая соблазняет его и либо выпытывает интересующие спецслужбы секреты, либо создает компрометирующую ситуацию, облегчающую вербовку.

В случае с Андреем Гумилевым схожесть «ледовой» и «медовой» ловушек объясняется не только игрой слов.

3. По какой причине многие герои «Миллиардера» так заинтересованы в том, чтобы Андрей Гумилев лично участвовал в Арктической экспедиции?

Андрей Гумилев — ключевая фигура многих важнейших событий. От того, на чьей стороне он в итоге окажется, зависит судьба всей планеты.

4. Кто пытался похитить Еву и Марусю Гумилевых в Сингапуре?

Информация, полученная от капитана Чжао, в целом была верной: технически похищение осуществляли члены китайской мафии — «Триады», контролирующие криминальный мир Юго-Восточной Азии. Другое дело, что не до конца ясен мотив самого преступления (к счастью, несостоявшегося). То ли «Триады» решили воспользоваться редким случаем — все-таки семья русского миллиардера не каждый день гуляет по Сингапуру без охраны, то ли выполняли чей-то заказ. Как говорят в голливудских боевиках — *nothing personal, just business*. Но кто и, главное, для чего заказал Еву и Марусю? Ответ на этот вопрос читатели вместе с Андреем Гумилевым найдут в следующих книгах цикла.

5. Что произошло с Евой Гумилевой?

Мама Маруси ушла в тайгу в поисках тайных знаний, желая лучше узнать себя и свою судьбу. К ее исчезновению имеют отношение загадочные прозрачные люди — об этом подробнее рассказано в книге «Маруся 2. Таёжный квест». Предыстория Евы Гумилевой и ее семьи будет раскрыта в одной из следующих серий «Этногенеза», а финал ее приключений станет известен лишь в «Марусе 3».

6. Кому принадлежит предмет Кролик, вынесенный на обложку книги?

Кролик находится у Марго. Он достался ей от отца — всемирно известного скандального медиа-магната. Предмет наделяет своего владельца невероятной привлекательностью для окружающих. Именно с помощью Кролика Марго влюбила в себя Андрея Гумилева.

7. Кто такая Маргарита Сафина?

Марго — мама Алисы, героини «Маруси». Во время действия «Миллиардера» Алисе было всего шесть лет, и она жила со своей бабушкой в Калининграде. Но Марго — не простая предметница. Она связана с могущественной и таинственной организацией, занимающейся поисками магических артефактов. И ее знакомство с Гумилевым, разумеется, не было случайным.

8. Будет ли Маруся в 2020 году помнить события Арктической экспедиции?

В конце третьей книги из серии «Миллиардер» некоторым героям будет частично стерта память с помощью одного из предметов. Окажется ли среди тех, кто будет подвержен этой процедуре, маленькая Маруся — пока секрет.

9. Степан Бунин все-таки друг или враг Андрея Гумилева?

Бунин ведет свою игру. Он был лучшим другом Евы Гумилевой, ее поклонником и покровителем, пока не появился Андрей Гумилев. Бунин не симпатизирует Гумилеву, но впереди у них много острых ситуаций, решая которые, они могут превратиться как в друзей, так и в злейших врагов.

10. В «Ледовой ловушке» показан только предмет Единорог. Какие еще артефакты влияли на ход событий в «Миллиардере»?

Кроме уже упоминавшихся Кролика и Единорога, в «Миллиардере» применялись Орел, Морской конек, Спрут и Паук.

11. Будут ли фигурировать в «Миллиардере» Черные башни, о которых говорится в «Блокаде» и «Марусе 2»?

Андрей Гумилев против своей воли попадет в Черную башню, и это станет поворотным моментом в его жизни.

12. В книге фигурируют известные в России люди. Как они на самом деле связаны с описанными событиями?

В «Миллиардере» действительно есть герои нашего времени — председатель правительства Российской Федерации Владимир Путин, исследователь Арктики и Антарктики, герой России, депутат Госдумы Артур Чилингаров и глава республики Калмыкия, президент ФИДЕ Кирсан Илюмжинов, но их книжная история полностью вымышленна.

13. Что произойдет во второй части «Миллиардера»?

Участников экспедиции ждут необыкновенные приключения во льдах, спуск на терраформирующей станции «Земля-2» на дно Северного Ледовитого океана и знакомство с таинственными жителями Арктики. На самой «Земле-2» развернется детективная история с убийствами, предательством и любовной драмой. Кроме того, во второй книге появятся новые, еще неизвестные нам предметы, а герои экспедиции окажутся в смертельно опасной ситуации.

Полина Волошина
при участии Евгения Кулькова

Маруся

Автор идеи
Константин Рыков

ЭТНОГЕНЕЗ

Издательско-торговый дом
«Этногенез»
Москва, 2009

ПОПУЛЯРНАЯ
ЛИТЕРАТУРА

Издательство
«Популярная литература»
Москва, 2009

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Паника

1

Вам знакомо чувство внезапной паники, которое возникает из ниоткуда, без видимых причин? Буквально за мгновение оно сводит вас с ума, разгоняет сердце до 240 ударов в минуту — кажется, будто оно сейчас взорвется. В голове туман, мороз по коже — и тут же жар и ужас, сковывающий, и в то же время заставляющий бежать?

Панические атаки — главное психическое заболевание XXI века — еще сто лет назад не рассматривалось всерьез. Симптомы списывали на что угодно, только не на болезнь. Могли даже назвать симулянтом и лгуном, что вряд ли прибавляло оптимизма. Но, к счастью, однажды человечество признало — болезнь есть. И значит, ее необходимо лечить. На тот момент с этими ощущениями, так или иначе, сталкивался каждый десятый — и постепенно круг жертв становился шире, болезнь поражала всех без разбора, как гром среди ясного неба.

Маруся стояла в центре огромного зала, заполненного людьми, где все куда-то торопились — кто на самолет, а кто с самолета на стоянки такси, рентомобилей, вертолетов и сверхскоростных поездов. Они бежали, задрав головы на табло, которые были развешены по всему зданию и призывали повернуть налево, или подняться на крышу четвертого корпуса, перекусить в кафе «Укроп и Петрушка», заплатить налоги или обратиться в кабинет срочной психологической помощи. На запястье Маруси была наклеена практически невидимая полоска прозрачного силикона —

пластырь с миллионом тончайших иголок, через которые под кожу непрерывно вводился стопадреналин — препарат, блокирующий выброс адреналина, главного виновника панических атак. Пластырь не работал. Скорее всего, потому, что Маруся, как всегда, пропустила момент, когда его надо было сменить на новый. Маруся даже потеряла его пальцем, словно пыталась выдавить остаток лекарства, как из тюбика, но пластырь не действовал, а паника подступала все сильнее, застревала пульсирующим комком в горле, мешала дышать.

— Девяносто девять, девяносто восемь, девяносто семь... — Маруся принялась отсчитывать сотню в обратном порядке, как учил папа, — надо было сконцентрироваться на чем-то и переключить внимание, пока состояние не стабилизируется... — Девяносто шесть...

Паническая атака продолжается всего несколько минут, но за это время человек переживает такой ужас, что... некоторые несчастные умудрялись прыгнуть под поезд или с двухсотого этажа, лишь бы прекратить пытку.

Девяносто пять, девяносто четыре...

Атаки могут преследовать вас всю жизнь, случаться по несколько раз в неделю, но привыкнуть к ним невозможно. Их можно только принять как регулярную онлайн-конференцию родителей со школьными учителями. Да, вы можете ждать атаку, знать о ней, быть готовым, и все равно — каждый раз она будет нападать на вас внезапно. И именно в тот момент, когда вы на минуту расслабитесь и отвлечетесь на изучение шоколадных батончиков в витрине магазина, на просмотр новостей или на болтовню по коммуникатору.

Девяносто три...

Маруся старалась не смотреть на людей, она просто быстро шагала, глядя в пол, который был весь исчерчен разметкой, как автомагистраль. И дублировал сообщения с табло и панелей: предложение опробовать новый поезд — до центра за 8 минут (после того, как в Москве запустили вертолеты, ад-

министратии железных дорог пришлось несладко, и теперь они из кожи вон лезли, чтобы оттеснить конкурентов). Юридическая контора «Моменталь» (заключение и расторжение браков в течение 20 минут прямо в аэропорту), коктейль «Возрождение» (стволовые клетки с ванильным вкусом и пышной пенкой — дураки не переведутся никогда), «стопадреналин» пролонгированного действия... Маруся проследила взглядом, куда указывала стрелка, и свернула в аптеку.

— Новые легкие — это легко! — обнадеживала силиконовая девица у входа и вдыхала кондиционированный воздух полной грудью огромного размера. Лет двадцать назад такие куклы продавались в специализированных магазинах, пока кому-то не пришла в голову мысль заменить ими промо-девушек. Вставить звуковой файл и моторчик, заставляющий расправляться пластмассовую грудную клетку, оказалось дешевле, чем нанимать живых студенток, в принципе, таких же безмозглых, но требующих все большую и большую зарплату.

— Стопадреналин! — выпалила Маруся, облачаясь на прилавок и протягивая персональный жетон.

Удивительно, но в аэропортах еще остались аптеки с настоящими фармацевтами. Говорят, Министерство здравоохранения «потеряло немало здоровья» на войне с Госкорпорацией «Ростехно», которая энергично лоббировала замену всех продавцов на автоматы.

— Извините, но ваш счет заблокирован...

Фармацевт напоминал настоящую доисторическую реликвию, словно подчеркивая проблему исчезающего вида — древний старичок в белом пластиковом халате, больше похожем на мешок для мусора.

— Заблокирован?

Старик погрузил жетон в считывающее устройство и отрицательно замотал головой.

— Возможно, у вас закончились средства...

Средства были, в этом Маруся не сомневалась, но почему жетон не сработал? Оттого, что лекарство оказалось недоступным, паника только усилилась. Маруся почувствовала, как на глаза навернулись слезы, ком в горле разросся, причиняя ощутимую боль.

— Пожалуйста, мне очень нужно...

— Вы можете воспользоваться кабинетом срочной психологической поддержки.

— Мне не нужна поддержка, мне нужен пластырь!

— Извините, но ваш счет заблокирован...

Зачем надо было оставлять живых продавцов, если, по сути, они ничем не отличались от бездушных автоматов.

— Мне очень плохо, пожалуйста. Я вам дам часы, это настоящее...

— Кабинет срочной психологической поддержки находится...

Маруся резко развернулась и выбежала из аптеки, случайно задев куклу у дверей. Девушка упала силиконовым лицом в пол, но самоотверженно продолжала работать: после каждого вдоха ее голова приподнималась и бессмысленно тыкалась носом в кафель, упрямо твердя: «Легко, легко, легко...»

Бежать!

Эта мысль возникла в голове, как вспышка. Главное — не оборачиваться. До конца зала, не заходить в лифт! Почему? Не заходить! Значит, по ступеням вниз, на первый уровень, там по коридору в гостиничный сектор, бесконечная стойка ресепшн, за ней отделение связи, лестница вниз в кинотеатр или направо по коридору — магазины.

Вниз!

Маруся ни на секунду не задумывалась куда бежать — думали ноги. Сейчас они управляли движением. Кабинет срочной психологической поддержки — смешно, он будто сам выбежал навстречу. Мимо! 36 кинозалов. Дальше! Туалеты, санчасть, магазины — Маруся внезапно оказалась на этаж выше, чертова планировка; и снова лестница вниз.

Этот высокий седой человек, который сейчас стоял к Марусе спиной, человек, который бежал за ней и которого она догнала первой, — чего он хотел? Маруся точно запомнила его лицо, невероятно бледное, с яркими голубыми прожилками на висках и на шее, прозрачный... Лицо? Но ведь она никогда не видела его раньше. Какая-то доля секунды — и седой обернулся, но Маруся уже бежала назад. Опасность. Этот человек представлял для нее опасность и в здании он был не один. Купить билет и спрятаться в кинозале? Жетон не работает. Позвать на помощь? И как объяснить? Позвонить? Маруся нащупала в кармане куртки коммуникатор и нажала на кнопку.

— Ваш номер заблокирован...

Маруся нажала кнопку еще и еще...

— Обратитесь в службу поддержки, либо...

Вниз, через два пролета стоянка рентомобилей. Садись в любой, вместо ключа зажигания и документов — все тот же жетон. Кнопка старта и красная мигающая надпись.

ИЗВИНИТЕ, ВАШИ ПРАВА ЗАБЛОКИРОВАНЫ.

Не оборачиваться. Не смотреть в зеркало заднего вида, потому что он уже там. Не паниковать и не думать. Просто бежать. До конца зала, там около ста выездов, перепрыгнуть шлагбаум и вверх по резиновой ленте на первый уровень, оттуда лифт вниз, лифт и без вариантов — большой светлый зал сверхскоростных поездов, турникет и служба безопасности.

Персональный жетон. Персональный жетон — ваше все. Удостоверение личности. Водительские права, банковский счет, медицинская карта, страховой полис, ключ зажигания, ключи от дома, доступ в компьютерную систему... Билет на поезд, в конце концов!

ИЗВИНИТЕ, ВАШ СЧЕТ ЗАБЛОКИРОВАН.

Какой-то идиот придумал сделать на турникетах звуковое оповещение заблокированных пользователей. Эти штуки начинали реветь как сирены и разве что не хватали тебя в свои цепкие объятия.

— Позвольте ваш жетон?

Служба безопасности должна реагировать на подобные происшествия. Заблокированный пользователь — это не просто человек без билета, он преступник. Непонятно, что вообще надо совершить, чтобы тебя заблокировали — убить президента? Маруся никого не убивала, и, кроме того, очень не хотела, чтобы убили ее, поэтому она преодолела препятствие так же, как шлагбаум... а теперь со всех ног к поездам... послушаться службу безопасности — паршивая история даже для дочери дипломата. Обратный отсчет от десяти. Девять, восемь, семь, шесть — не больше трех шагов до двери поезда. Пять, четыре, три, заряд электрошока между лопаток и — лицом в пол. Как та силиконовая кукла.

2

Маруся сидела в небольшом кабинете с зеркальными стенами и пыталась сконцентрироваться и сообразить, что тут вообще происходит. Мысли разбегались, а все внимание уходило на изучение перламутрово-белых ботинок капитана службы безопасности.

— Гумилева Мария Андреевна... Так?

Маруся очнулась и наконец-то оторвала взгляд от капитанской обуви.

— Две тысячи пятого года рождения... Пятнадцать лет?

— Четырнадцать.

Капитан пробежался пальцами по сенсорному экрану и открыл файл с таблицей прилетов и отлетов. Яркое излучение монитора высвечивало лицо офицера: его глаза были прозрачными, словно стеклянные шарики.

— Цель вашего визита в Москву?

— Я здесь живу.

— Вы здесь живете... — повторил капитан. — А в Сочи?

— Бабушка.

Сильнее всего болело правое плечо, как будто весь удар пришелся именно на него. Наверно, как-то неудачно подвернула руку, когда падала.

— И что вы там делали? В Сочи?

— Отдыхала. Сейчас ведь летние каникулы.

— А почему вернулись?

Эти прозрачные существа, похожие на людей, но не люди, кто они? Привидения? Призраки? Смешно... сейчас собственный страх казался фантазией, и в то же время можно было поклясться, что они были, и даже сейчас, в эту минуту, они есть и они есть где-то рядом, за этой стеной, смотрят на нее. Маруся чувствовала...

— Почему вы вернулись в Москву?

— Хотела отметить день рождения с друзьями.

Капитан сверил информацию с данными на компьютере и слабо кивнул. На мониторе замигало входящее сообщение — клик и очередная таблица. Правда, скорее это было похоже на кассовый чек, в котором четко отражалось, когда и где Маруся пользовалась жетоном. Вот она вышла из дома в Сочи, оплатила такси, купила сок, прошла регистрацию, купила кофе и булочку, купила журнал, купила резиновую уточку (о боже!), скачала музыку... Ничего криминального, если не считать уточки. Села в самолет, прилетела, прошла регистрацию... Жетон отражал каждый шаг — сканеры считывали информацию, даже когда он просто лежал в кармане или в сумке.

В 2012 году правительство пыталось ввести закон об обязательном вживлении микрочипа: тот же жетон, но размером с букашку, однако идея не прошла — люди оказались морально не готовы к такому вмешательству в свои организмы. После скандальных дискуссий решено было отказаться от принудительной «вакцинации». Пришлось вернуть привычный жетон, но с некоторым усовершенствованием — теперь на нем был сенсор, который определял «хозяина» по ДНК, так, чтобы никто чужой не смог воспользоваться твоим кодом, плюс, при

утере, жетон можно было восстановить в любой точке любого города — вас просто идентифицировали и выдавали новый.

— Ваш идентификационный код был заблокирован в десять часов тридцать восемь минут. Попробуйте вспомнить, что в этот момент происходило?

— Я прилетела...

— Так...

— И у меня закончился пластырь.

Капитан достал из кармана бумажную салфетку и промокнул лицо.

— Вы хотите сказать, что используете лекарственный препарат, чтобы не волноваться, и что вы часто испытываете гнев.

— Я так не сказала.

— Но это так?

— Ну, я, конечно, злюсь...

— Это как-то связано? Ваше состояние и вспышки гнева. Вы испытываете гнев в момент волнения?

— Я...

— Если в момент прилета действие вашего пластыря закончилось, и вы забеспокоились, могло ли это спровоцировать агрессию с вашей стороны?

— Что?

Казалось, будто офицер подводит к чему-то, к какому-то выводу, цепляется за слова и увязывает их в одну логическую цепочку...

— Вы пытались оказать сопротивление службе безопасности...

— Ничего я не оказывала!

— Тогда почему вы убегали?

Маруся не нашлась, что ответить. От службы безопасности она убегала по инерции, без какой-либо причины. Но попробуйте это объяснить.

— Вы заходили в аптеку?

— Да.

- В какое время это произошло?
- Не помню...
- Хорошо. Что было дальше?
- Я не смогла оплатить покупку...
- Дальше?
- Вышла из аптеки.
- Куда вы побежали, когда вышли из аптеки?
- Я...
- Почему вы стали убегать?

Вопросы стали сыпаться с такой скоростью, что Маруся не успевала подумать, прежде чем ответить.

- Не знаю.
- Почему вы убегали?
- Показалось, что за мной кто-то следит.
- Вы заметили что-то странное, что вас напугало?
- Нет... Ничего не заметила. Просто побежала.
- Вы сказали, что вам показалось, будто за вами кто-то следит.

— Ну да. У меня была паническая атака, я же говорю...
— Маруся снова протянула руку с пластырем, — закончился пластырь и у меня, видимо, был выброс адреналина или чего-то там, мне стало плохо, я очень занервничала и мне показалось, что за мной кто-то следит — я не знаю, почему мне так показалось. И потом мне показалось, что там был какой-то человек с прозрачной кожей...

Капитан развернулся и посмотрел Марусе в глаза.

— Нам придется провести анализ крови на наличие наркотических веществ.

Маруся кивнула. Безумие какое-то вся эта история. Адреналин, пластырь, страх... Оправдываться было бесполезно — все оправдания звучали бредом и вызывали еще большие подозрения. Маруся вспомнила сцену из какого-то старого фильма, который они с папой смотрели в прошлом году — там обвиняемый сказал, что будет хранить молчание, пока не приедет его адвокат. У Маруси не было адвоката, но зато

был папа. Так и сказать? Но тогда это подтвердит, что Маруся в чем-то виновата, а ведь она ничего плохого не сделала... Уж лучше отвечать на все вопросы — скорее всего это недо-разумение вскоре разрешится и ее отпустят.

— Опишите подробно, что вы делали в аптеке.

— Я шла, увидела указатель, зашла в аптеку. Там был старик, который отказался продавать мне пластырь, потому что у меня был заблокирован счет, и я не могла оплатить покупку. Я стала просить его дать мне пластырь в обмен на часы, потому что мне правда было очень плохо, и я была готова на все, что угодно...

— Даже на убийство?

Маруся улыбнулась. На мгновение она почувствовала себя в безопасности — если капитан шутит, значит все не так страшно. Но потом она посмотрела в его глаза и радость улетучилась.

— Мы восстановили время по камерам слежения. Сразу после вашего ухода был обнаружен труп фармацевта...

— Что?!

— И единственное, что нас интересует, это способ, которым вы смогли сжечь человека за несколько минут практически дотла...

3

Камера находилась на нулевом уровне, там же, где располагалась стоянка рентомобилей, вход в метро и дешевые отели. Сейчас, в спокойном состоянии, если это состояние можно было назвать спокойным, Маруся наконец-то обратила внимание на новый дизайн подземного этажа — имитирующее асфальт напольное покрытие, по обе стороны настоящие уличные фонари с теплым оранжевым светом, деревья в кадках, газоны и шум прибоя из невидимых динамиков. Расслабляющая атмосфера, будто прогуливаешься по набережной, если не считать наручников и пару конвоиров.

— Мы связались с вашим отцом...

Фальшивые дорожные знаки указывали направление дви-

жения, места для парковки, ограничивали скорость. На перекрестках торчали фальшивые светофоры.

— Через пару минут к вам придет психолог и задаст несколько вопросов...

Напротив подземного мотеля обосновался корейский ресторан с табличкой «Место для выгула собак», и Маруся вспомнила, как они с классом летали в Сеул прошлой весной, и как она сломала мизинец, поскользнувшись в бассейне.

— Вы слышите меня?

Вот вам четырнадцать лет. Вы только что вернулись с отдыха, где прекрасно провели время с друзьями. Ваша кожа все еще соленая от морской воды, потому что этим утром вы плавали, и кажется, что волосы на затылке не просохли, и вы немножко влюблены... И вот вы сидите на допросе и вас обвиняют в убийстве. Заставляют снять одежду. Потрошат сумку. Берут кровь. Вкалывают успокоительное. Вот вас ведут в камеру и задают дурацкие вопросы. Конечно, Маруся слышала, но отвечать не хотелось, поэтому за нее ответил кто-то другой.

— Оставь ее в покое.

Маруся почувствовала невыносимую усталость, будто она не спала неделю или даже больше, шум прибоя убаюкивал, кондиционеры гнали воздух, глаза слипались

— В камере есть коммуникатор для внутренней связи. В случае необходимости вы можете связаться с нами.

Маруся опустилась на кровать и моментально уснула. Интерьер аэропортовской тюрьмы она оценить не успела, но, судя по звуку, там была работающая телевизионная панель.

4

— Беги!

Маруся перевернулась на спину и открыла глаза.

— Сейчас же! Срочно! На другой конец света, под землю, на Луну, куда угодно. Ты не представляешь, на что способны эти люди...

Маруся обернулась на звук. На экране телевизионной панели мокрое от пота лицо таращило глаза и умоляло бежать кого-то — кого, не видно было:

— Твоя смерть — это еще не самое страшное, что может с тобой случиться...

Пульт на прикроватном столике, значит, телевизионная панель старая и голосового управления у нее нет. Тянуться лень, но слушать этот бред казалось еще невыносимее. Маруся переключила канал.

— Поистине бесценна...

Теперь на экране появилась лысая говорящая голова, прикрепленная к плечам в полосатой рубашке. Внизу бегущей строкой проносилось известие о похищении Сикстинской Мадонны из дрезденского музея.

— Мы пока не можем объяснить, каким образом грабителям удалось...

Маруся услышала шаги за дверью, бросила пульт и притворилась спящей. Меньше всего ей хотелось отвечать на вопросы.

— Мария?

Женский голос. Очень мягкий, почти нежный. Маруся услышала, как дверь закрылась, потом осторожные шаги мимо кровати, к изголовью, потом замолчала телевизионная панель.

— Вы слышите меня?

Маруся приоткрыла один глаз. Перед ее кроватью стояла женщина в форме, видимо, тот самый психолог, который собирался прийти через пару часов. Бывают такие женщины, чью половую принадлежность можно определить только по голосу. Высокая, худая, с короткой стрижкой. Ни грамма косметики, тонкие черты лица и какая-то странная сухость, будто ее прогнали через вакуумную машину, и та откачала из нее всю жидкость. Даже кожа на ее лице выглядела словно пересушенная бумага. Маруся задумалась о том, что будет, если такую женщину бросить

в бассейн? Сколько литров воды она впитает, и до каких размеров увеличится? Возможно, тогда у нее появились бы и грудь, и губы, и...

— Как вы себя чувствуете?

Маруся села и дотянулась голыми ступнями до холодного пола.

Женщина придвинула ей тапочки. Как мило.

— Вас что-нибудь беспокоит?

— Да.

Женщина пододвинула кресло и села напротив. В ее взгляде было столько трепета и заботы, что хотелось сразу же довериться и поделиться самым сокровенным.

— И что же?

— Как грабителям удалось похитить Сикстинскую Мадонну?

— Какую мадонну? — женщина-губка нахмурилась, и ее высокий лоб превратился в гофрированную рисовую бумагу.

— Сикстинскую. У нее ведь столько степеней защиты...

Женщина-губка замолчала. Забота и трепет в ее глазах сменились на ледяное спокойствие.

— На вашем месте я бы думала о том, сколько степеней защиты у вас.

Ничего приятного в ее голосе уже не было.

— Как вы определили, что я заходила в аптеку?

— По камере слежения.

— Значит, камера показала, как я выходила из аптеки и что именно там происходило.

Казалось, будто именно этого вопроса она и ждала.

— Запись стерта.

— С какого момента?

— С момента, как вы туда зашли.

Маруся сунула ноги в тапки.

— И вы думаете, что это я ее стерла? Убила и стерла? За несколько минут?

— Мария, вас пока никто ни в чем не обвиняет... — сморщились впалые щеки женщины-губки. Видимо, таким образом она улыбалась. — Мы вообще не считаем вас причастной...

— Поэтому посадили в тюрьму?

— Это не тюрьма.

Маруся осмотрела комнату. Больше похоже на отель, только вот замки — снаружи.

— Папа приехал?

— Он скоро подойдет.

— А кормить здесь будут?

Женщина-губка открыла папку и пробежалась глазами по тексту, сделав вид, что не услышала вопроса.

— Мы не смогли установить причину, почему ваш жетон оказался заблокирован...

— Может быть, он просто сломался.

— Жетоны блокируются только в случае, если человек представляет собой опасность, думаю, вы знаете об этом...

— Я...

— Таким образом, можно парализовать свободу передвижения...

— Это я уже заметила...

— И облегчить поимку преступника.

— Я не преступник!

Женщина-губка резко захлопнула папку.

— Тем не менее вы понимаете, что попытки побега бессмысленны.

— Но я не собираюсь никуда бежать.

— Единственная организация, которая может заблокировать идентификационный жетон, это госбезопасность, мы связались с ними, и они подтвердили, что ваши права были аннулированы... Но по какому-то странному стечению обстоятельств вашего дела не нашли, и мы думаем...

Маруся отвернулась и стала смотреть в стену. Идентификационный жетон, госбезопасность, аннулированы, бес-

смысленны, парализованы — все, что говорила эта женщина, смешалось в одну большую кучу непонятных слов. Было совершенно очевидно, что произошла ошибка, и совершенно неочевидно, как доказать, что ты здесь ни при чем.

— Отложим это. Сейчас я хочу выяснить, что именно произошло в аэропорту. Вы выбежали из аптеки крайне испуганной, и согласитесь, это подтверждает...

— Что это подтверждает?

Маруся снова включилась в диалог, но теперь «сушеная психологичка» вызывала у нее чувство, близкое к ненависти.

— В вашей крови высокое содержание адреналина.

— У меня была паника.

— Это могло быть вызвано сильным переживанием...

— Видите пластырь? Я налепила его два дня назад. Если я налепила его задолго до того, как это случилось, значит, я знаю, что выбросы адреналина случаются у меня НЕ по причине сильного переживания, а потому, что они случаются!

— Да. Но это не отменяет вероятности того, что выброс адреналина случился по причине сильного переживания.

Маруся закрыла лицо руками. В домике. Закрылась от всего и от этой мутной тетки тоже.

— Сейчас мы проведем тест вашей мозговой активности.

Допустим... допустим, в аптеке произошло страшное убийство, и Маруся его увидела. Допустим, на ее глазах человека сожгли заживо, потом стерли запись видеокамеры, потом... Кто были эти люди с прозрачной кожей и почему они за ней следили? Почему заблокировали жетон? Почему это все происходит? Почему не появляется папа? И почему тут такой холодный пол?

— Это не больно. Просто ложитесь и закройте глаза. Я прилеплю маленький датчик и задам несколько вопросов.

Неприятный писк заставил ее заткнуться. Женщина-губка встала со стула и открыла дверь. Потом она вышла, а вместо нее зашел капитан в белых ботинках и папа.

Папа сразу же с порога подмигнул. Это внушало надежду на скорое освобождение, поэтому Маруся подмигнула ему тоже, чтобы показать, что она в порядке и не стоит волноваться.

— Ты как?

Маруся улыбнулась.

— Мы восстановили запись видеокамеры из магазина напротив. При развороте она захватывает кусок аптеки...

Папа выдержал паузу и посмотрел на капитана, будто ожидая от него продолжения рассказа, но капитан молчал, насупившись, словно кто-то серьезно его обидел.

— Ну, в общем, видно, что когда ты ушла, аптекарь был еще жив.

— А они не могли восстановить эту запись раньше?

— Ну, тогда бы им некого было задерживать.

— Я уже объяснял... — наконец-то вступил в разговор капитан, — что сегодня были повышенные меры безопасности. Вы сами видели, что...

— Что видел? Толпы фанатов?

Маруся вспомнила, что в зале ожидания и правда толпились какие-то странные люди с плакатами, но в тот момент ей было не до них, потому что за ней гнались еще более странные люди...

— У нас было распоряжение...

— Я не понимаю, как моя дочь связана с вашим распоряжением.

— Каждый раз, когда он появляется на людях, творится нечто очень... очень сложное. А тут еще этот труп.

Маруся переводила взгляд с папы на капитана и пыталась понять, о чем идет речь, но по обрывкам фраз понять было невозможно.

— А кто прилетел?

Офицер вздохнул и перевел взгляд на Марусю.

— Нестор.

— Нестор?! Экстрасенс? И что, он так просто летает обычными самолетами? В смысле... вот так со всеми?

— Это была какая-то акция...

— Черт с ним, с Нестором, — прервал разговор папа. — Вы задержали мою дочь, не имея на то никаких оснований.

— Но у нее был заблокирован жетон!

— С жетоном я разберусь, — сухо отрезал папа и обернулся к Марусе. — Пойдем, заберем твои вещи...

Маруся встала и, как в детстве, взяла папу за руку. Больше всего ей сейчас хотелось обнять его и расплакаться, но в четырнадцать лет девочки не плачут. Ну, или им так кажется...

Содержание

ГЛАВА ПЕРВАЯ	3
Три счастливые восьмерки	
ГЛАВА ВТОРАЯ	23
Похищение	
ГЛАВА ТРЕТЬЯ	34
Арктический клуб	
ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ	45
День рождения Маруси	
ГЛАВА ПЯТАЯ	57
Кто в доме хозяин	
ГЛАВА ШЕСТАЯ	66
Первая встреча, последняя встреча	
ГЛАВА СЕДЬМАЯ	77
Обман	
ГЛАВА ВОСЬМАЯ	95
Таёжная погоня	
ГЛАВА ДЕВЯТАЯ	115
Не в этом мире	
ГЛАВА ДЕСЯТАЯ	122
Марго	

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ	135
Покушение	
ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ	143
Разноцветные глаза	
ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ	153
Мститель	
ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ	164
Катастрофа	
ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ	175
Срыв	
ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ	188
Маленькие хитрости	
ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ	209
Жертва духам моря	
ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ	228
Единорог	
МАРУСЯ	246
Глава первая	
Паника	

Номер
Имя

351 44 313

Маруся

Отчество
Фамилия
Время действия
Возраст
Адрес
Локация
Предмет
Дар
Сайт

Андреевна
Гумилева
2020 год н.э.
14 лет
Москва, Солянка, дом 1
Зеленый город
Саламандра
Бессмертие
www.etnogenez.ru

ЭТНОГЕНЕЗ

Номер
Имя

351 44 313

Маруся²

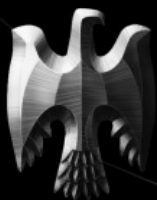

Отчество
Фамилия
Время действия
Возраст
Адрес
Локация
Предмет
Дар
Сайт

Андреевна
Гумилева
2020 год н.э.
14 лет
Москва, Солянка, дом 1
Тайга. Река Ада
Саламандра
Бессмертие
www.etnogenez.ru

ЭТНОГЕНЕЗ

Блокада

Имя	Адольф
Фамилия	Гитлер
Время действия	1942 год н. э.
Возраст	53 года
Адрес	Берлин, Вильгельмштрассе, 77
Локация	Справка «Вервольф» под Винницей
Предмет	Орел
Дар	Убеждение
Сайт	www.etnogenez.ru

ЭТНОГЕНЕЗ

Революция

Имя	Николай
Фамилия	Романов
Время действия	1891 год н.э.
Возраст	22 года
Адрес	Царское Село
Локация	Япония. Оцу. Фрегат «Память Азова»
Предмет	Кот
Дар	Образы будущего
Сайт	www.etnogenez.ru

ЭТНОГЕНЕЗ

ИЗДАТЕЛЬСКАЯ ГРУППА

ПРИБОРЕТАЙТЕ КНИГИ ПО ИЗДАТЕЛЬСКИМ ЦЕНАМ
В СЕТИ КНИЖНЫХ МАГАЗИНОВ **БУКВА**

МОСКВА:

- м. «Алексеевская», Звездный б-р, д. 21, стр. 1, т. (495) 232-19-05
- м. «Алексеевская», пр-т Мира, д. 114, стр. 2 (Му-Му), т. (495) 687-45-86
- м. «Алтуфьево», Дмитровское ш., д. 163 А, ТРЦ «РИО»
- м. «Бауманская», ул. Спартаковская, д. 16, т. (495) 267-72-15
- м. «Бибирево», ул. Пришвина, д. 22, ТЦ «Александр Ленд», этаж 0, т. (495) 406-92-65
- м. «ВДНХ», г. Мытиши, ул. Коммунистическая, д. 1, ТРК «ХЛ - 2», т. (495) 641-22-89
- м. «Домодедовская», Ореховый б-р, вл. 14, стр. 3, ТЦ «Домодедовский», т. (495) 983-03-54
- м. «Каховская», Чонгарский б-р, д. 18, т. (499) 619-90-89
- м. «Коломенская», ул. Судостроительная, д. 1, стр. 1, т. (499) 616-20-48
- м. «Коньково», ул. Профсоюзная, д. 109, корп. 2, т. (495) 429-72-55
- м. «Крылатское», Осенний б-р, д. 18, корп. 1, т. (495) 413-24-34, доб. 31
- м. «Крылатское», Рублевское ш., д. 62, ТРК «Евро Парк», т. (495) 258-36-14
- м. «Марксистская»/«Таганская», Бол. Факельный пер., д. 3, стр. 2, т. (495) 911-21-07
- м. «Маяковская», ул. 1-ая Тверская-Ямская, д. 8, т. (495) 251-97-16
- м. «Менделеевская»/«Новослободская», ул. Новослободская, д. 26, т. (495) 251-02-96
- м. «Новые Черемушки», ТЦ «Черемушки», ул. Профсоюзная, д. 56, 4-й этаж, пав. 4а-09, т. (495) 739-63-52
- м. «Парк культуры», Зубовский б-р, д. 17, стр. 1, т. (499) 246-99-76
- м. «Перово», ул. 2-я Владимирская, д. 52, т. (495) 306-18-97
- м. «Петровско-Разумовская», ТРК «ХЛ», Дмитровское ш., д. 89, т. (495) 783-97-08
- м. «Пражская», ул. Красного Маяка, д. 26, ТЦ «Пražский Пассаж», т. (495) 721-82-34
- м. «Преображенская площадь», ул. Бол.Черкизовская, д. 2, корп.1, т. (499) 161-43-11
- м. «Сокол», ТК «Метромаркет», Ленинградский пр-т, д. 76, корп. 1, 3-й этаж, т. (495) 781-40-76
- м. «Теплый стан», Новоясеневский пр-т., вл. 1, ТРЦ «Принц Плаза»
- м. «Тимирязевская», Дмитровское ш., д. 15, корп. 1, т. (495) 977-74-44
- м. «Тулъская», ул.Большая Тулъская, д. 13, ТЦ «Ереван Плаза», т. (495) 542-55-38
- м. «Царицыно», ул. Луганская, д. 7, корп. 1, т. (495) 322-28-22
- м. «Университет», Мичуринский пр-т, д. 8, стр. 29, т. (499) 783-40-00
- м. «Шелковская», ул. Уральская, д. 2
- м. «Шукинская», ул.Шукинская, вл. 42, ТРК «Шука», т. (495) 229-97-40
- м. «Юго-Западная», Солцевский пр-т., д. 21, ТЦ «Столица», т. (495) 787-04-25
- м. «Ясенево», ул. Паустовского, д. 5, корп. 1, т. (495) 423-27-00
- М.О., г. Железнодорожный, ул. Советская, ТЦ «Эдельвейс»
- М.О., г. Зеленоград, ТЦ «Иридиум», Крюковская площадь, д. 1
- М.О., г. Клин, ул. Карла Маркса, д. 4, ТЦ «Дарья», т. (496)(24) 6-55-57
- М.О., г. Коломна, Советская площадь, д. 3, Дом Торговли, т. (496)(61) 50-3-22
- М.О., г. Люберцы, Октябрьский пр-т, д. 151/9, т. (495) 554-61-10
- М.О., г. Сергиев Посад, ул. Вознесенская, д. 32А, ТЦ «Счастливая семья»
- М.О., г. Электросталь, ул. Ленина, д. 010, ТЦ «Эльград»

РЕГИОНЫ:

- Архангельск, 103-й квартал, ул. Садовая, д. 18, т. (8182) 65-00-95
- Белгород, Народный б-р, д. 82, т. (4722) 32-53-26
- Владимир, ул. Дворянская, д. 10, т. (4922) 42-06-59
- Волгоград, ул. Мира, д. 11, т. (8442) 33-13-19
- Екатеринбург, ул. Сулимова, д. 50, ТРК «Парк Хаус», т. (343) 216-55-02
- Ижевск, ул. Автозаводская, д. 3а, ТРЦ «Столица», т. (3412) 90-38-31
- Калининград, ул. Карла Маркса, д. 18, т. (4012) 71-85-64
- Краснодар, ул. Дзержинского, д. 100, ТЦ «Красная площадь», т. (861) 210-41-60
- Красноярск, пр-т Мира, д. 91, т. (3912) 23-17-65
- Курган, ул. Гоголя, д. 55, т. (3522) 43-39-29
- Курск, ул. Радишева, д. 86, т. (4712) 56-70-74
- Курск, ул. Ленина, д. 11, т. (4712) 70-18-42
- Липецк, пл. Коммунальная, д. 3, т. (4742) 22-27-16
- Мурманск, пр-т Ленина, д. 53, т. (8152) 47-20-43
- Новосибирск, ул. Ватутина, д. 107, ТЦ «Мега», т. (383) 230-12-91
- Пенза, ул. Московская, д. 83, ТЦ «Пассаж», т. (8412) 20-80-35
- Пермь, ул. Революции, д. 60/1, ТЦ «7 пятниц», т. (342) 233-40-49
- Ростов-на-Дону, Новочеркасское ш., д. 33, ТЦ «Мега», т. (863) 265-83-34
- Рязань, Первомайский пр-т, д. 70, корп. 1, ТЦ «Виктория Плаза», т. (4912) 95-72-11
- Самара, ул. Дыбенко, д. 30, ТЦ «Космопорт», т. 8-908-374-19-60
- Санкт-Петербург, Гражданский пр-т, д. 41, ТЦ «Академический», т. (812) 380-17-84
- Санкт-Петербург, ул. Чернышевская, д. 11/57, т. (812) 273-44-13
- Санкт-Петербург, Лиговский пр-т, д. 185, т. (812) 766-22-88
- Тверь, ул. Советская, д. 7, т. (4822) 34-53-11
- Тольятти, ул. Ленинградская, д. 55, т. (8482) 28-37-68
- Тула, ул. Первомайская, д. 12, т. (4872) 31-09-22
- Тула, пр-т Ленина, д. 18, т. (4872) 36-29-22
- Тюмень, ул. М.Горького, д. 44, стр. 4, ТРЦ «Гудвин», т. (3452) 79-05-13
- Уфа, пр. Октября, д.26-40, ТРЦ «Семья», т. (3472)293-62-88
- Чебоксары, ТЦ «Мега Молл», ул. Калинина, д. 105а, т. (8352) 28-12-59
- Череповец, Советский пр-т, д. 88а, т. (8202) 53-61-22
- Ярославль, ул. Свободы, д. 12, т. (4852) 72-86-61

Широкий ассортимент электронных и аудиокниг
ИГ АСТ Вы можете найти на сайте www.elkniga.ru

Заказывайте книги почтой в любом уголке России
123022, Москва, а/я 71 «Книги – почтой»
или на сайте: shop.avanta.ru

Курьерская доставка по Москве и ближайшему Подмосквью:
Тел/факс: +7(495)259-60-44, 259-41-71

Приобретайте в Интернете на сайте: www.ozon.ru

Издательская группа АСТ www.ast.ru
129085, Москва, Звездный бульвар, д. 21, 7-й этаж
Информация по оптовым закупкам: (495) 615-01-01, факс 615-51-10
E-mail: zakaz@ast.ru

www.etnogenez.ru

Литературно-художественное произведение

Елена Кондратьева

МИЛЛИАРДЕР

Книга первая

Ледовая ловушка

Автор идеи Константин Рыков

Выпускающий редактор Дмитрий Гусев

Арт-концепт Алексей Маслов

Арт-директор Алексей Гонтов

Компьютерная верстка Кирилл Соколов

Корректор Анна Ерошко

Аудиоверсия: Андрей Градобоев, Роман Галушкин

Хранители идеи: Елена Кондратьева, Александр Шмелев,

Сергей Пименов

Правовое сопровождение Алексей Наказной-Хоменко

ООО Издательско-торговый дом «Этногенез»

Россия, 107031, г. Москва, Звонарский пер., д.4, стр.1,

тел./факс +7 (495) 668-37-40 (41)

www.etnogenez.ru

Подписано в печать 03.12.09 г. Формат 164x215

Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура CharterC 11,5 pt

Условных печатных листов – 16

Заказывайте книги почтой в любом уголке России:

123022, Москва, а/я 71 «Книги-почтой»

или на сайте www.shop.avanta.ru

Курьерская доставка по Москве и ближайшему Подмосквью:

тел./факс: +7 (495) 259-60-44, 259-41-71

Приобретайте в интернете на сайте www.ozon.ru

Издательская группа АСТ

www.ast.ru

129085, Москва, Звездный бульвар, д.21, 7-й этаж

Информация по оптовым закупкам: +7 (495) 615-01-01, факс: +7 (495) 615-51-10

zakaz@ast.ru

Отпечатано в полном соответствии

с качеством предоставленного электронного оригинал-макета

в ОАО «ИПК «Ульяновский Дом печати»

432980 Россия, г. Ульяновск, ул. Гончарова, д. 14

тел. (8422) 41-11-07

факс (8422) 41-11-32